

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1980

Ислам Гафарович Саттаров, кандидат в депутаты Верховного Совета Узбекской ССР, беседует с избирателями.

ГЛАВ

Растут этажи.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 7 (2744)

9 ФЕВРАЛЯ 1980

Передовики швейного объединения «50 лет Октября» швеи Саида Алиматова и Дильбар Юлдашева и механик Ольга Лазарева

В детском комбинате № 508 Ташкента.

НЫЙ НАКАЗ

Окончание на стр. 5.

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО

Пыльная грунтовая дорога. Вдоль нее глинобитные домики. А дальше по сторонам заросли камыша, холмистые пустыри, теснимые рисовыми, кукурузными, хлопковыми полями. Такими были не так уж давно поселок Сергели и его окрестности в пойме реки Чирчик неподалеку от Ташкента.

Сергели стали обновляться после 26 апреля 1966 года, когда под Ташкентом разбушевалась подземная стихия. Здесь толчки были на балл-другой послабее. Уже через две недели прибывшие из разных округов страны военные строители заложили фундамент первого восьмиквартирного сборно-щитового жилого дома. Помнится многолюдный митинг тех дней. В бетонную нишу тогда заложили стальную капсулу для потомков со словами Владимира Маяковского: «...здесь будет город-сад!» Помнится, как, волнуясь, в напряженной тишине воин-строитель сказал: «Эта стройка — дополнительная строка к нашей солдатской присяге!»

Вскоре в Сергелях среди жилых домов выросло большое здание, куда перевели среднюю школу из центра Ташкента. Днем и ночью возводили ее военные строители Прикарпатского военного округа. По их инициативе школе присвоено имя легендарного героя Великой Отечественной войны, генерал-лейтенанта инженерных войск Д. М. Карбышева.

Так начинался город-спутник столицы Узбекистана, разросшийся в целый район — Сергелийский. Ныне в нем шестнадцать крупных промышленных предприятий. Здесь живут мостовики, деревообделочники, железнодорожники, автомобилисты, авиаторы, обслуживающие хлопковые плантации, учителя, врачи, работники сферы обслуживания. И конечно же, строители, теперь уже гражданские.

— Район растет на глазах, — начал разговор первый секретарь райкома партии Григорий Порфирьевич Стешенко. — Как и наши заботы! — улыбнулся он. — Заботы о водоснабжении, транспортных развязках, телефонизации, всех службах культуры и быта... Когда очень трудно, вспоминаем с Санобар Исмаиловой, вторым секретарем райкома, как вместе с отрядами комсомольцев мы приезжали сюда помогать солдатам... У них учились настойчивости в достижении цели. Только для солдат закон — это приказы, а у нас — наказы. Те самые, о которых идет ныне речь на встречах избирателей с кандидатами в депутаты Советов.

После этой беседы нам показалось закономерным, что новый, теперь уже третий в Сергелийском районе избирательный округ назван Карбышевским, а кандидатом в депутаты Верховного Совета Узбекской ССР по этому округу зарегистрирован генерал-майор Ислам Гафарович Саттаров. На встречу со своими избирателями, прямо на монтажную площадку, к строителям бригады Ташмухамеда Хакимова, возводящей корпус нового цеха завода кухонной мебели, генерал приехал в гражданской одежде.

Перед началом переговоров.

Митинг советско-кампучийской дружбы на автомобильном заводе имени Ленинского комсомола.

Фото А. ГОСТЕВА

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 4 февраля в Москву с официальным дружественным визитом прибыла делегация Единого фронта национального спасения и Народно-революционного совета Кампучии во главе с Председателем ЦК ЕФНСК, Председателем Народно-революционного совета Кампучии Хенг Самрином.

В тот же день в Кремле начались советско-кампучийские переговоры. В переговорах участвовали:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев (глава делегации), член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, член ЦК КПСС, председатель ГКЭС С. А. Скачков;

с кампучийской стороны — Председатель ЦК Единого фронта национального спасения, Председатель Народно-революционного совета Народной Республики Кампучии Хенг Самрин (глава делегации), заместитель Председателя НРСК, министр национальной обороны, главнокомандующий Народно-революционной армией НРК Пен Сован, член ЦК ЕФНСК, министр иностранных дел НРК Хун Сен, министр информации, печати и культуры НРК Кео Чанда, министр здравоохранения и социального обеспечения НРК Ну Бенг, член ЦК ЕФНСК, министр народного образования Чан Вен, министр внутренней и внешней торговли Танг Сарым, начальник тыла Народно-революционной армии Кампучии Ди Пхын, посол НРК в СССР Кео Прасат.

В центре внимания участников переговоров были вопросы советско-кампучийского сотрудничества в политической, экономической, научно-технической и культурной областях. Рассматривались меры дальнейшей помощи Советского Союза в возрождении национальной экономики и культуры Кампучии.

Переговоры проходили в обстановке сердечности, товарищества и полного взаимопонимания.

На переговорах присутствовали: помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбин, посол СССР в Кампучии О. В. Босторин.

«РЕКОМЕНДУЕМ РАБОЧЕГО!»

Сейчас назовут фамилию, и вспыхнут аплодисменты. Начальник цеха не сомневается, что они будут взрывными, дружными. И все-таки он хочет поскорее услышать их, чтоб подтвердилась его уверенность: Анатолия Витушко выдвигают искренне и единодушно. Потому что считают его по-настоящему достойным.

Начальник цеха умеет по легкому шуму в зале определять истинную реакцию, внутреннее настроение рабочего собрания, как умеет он по разноголосью станков и кранов определять состояние своего производства. Не ошибся он и сейчас: предложению выдвинуть сверловщика Анатолия Ивановича Витушко кандидатом в депутаты Верховного Совета Белорусской ССР аплодировали шумно и долго. И заслуженно.

И разумеется, это не потому, что Анатолий работает у него, Владимира Николаевича Новицкого, в десятом цехе, а цех, делающий базовые детали для станков, особый, можно сказать, элитный. Но об этом чуть позже.

Новицкому хотелось, чтобы аплодисменты собрания еще раз подтвердили плодотворность теории и практики воспитания, формирования современного рабочего. Теории и практики, что сложились в цехе за последние семь-восемь лет, сложились усилиями всего коллектива, и его, начальника цеха, в том числе.

Сам Новицкий молод. А биография его типична для нынешнего командира производства. Техникум, потом институт. Начало трудовой жизни в академическом институте и «бегство» оттуда — в горячий водоворот живого производства, на завод имени Кирова, в цех. Технолог, начальник технологического бюро, заместитель начальника одиннадцатого цеха. А в двадцать пять лет ему предложили принять десятый, базовый, очень сложный по продукции и в общем-то весьма своеобразный в единой по целям, но совсем неоднородной заводской семье.

Сам Новицкий представляет его так:

— Десятый прежде всего требует очень высокой квалификации. От наших строгальщиков, шлифовальщиков, сверловщиков, расточников, пожалуй, больше чем наполовину зависят надежность и качество станка. А кроме того... Представьте: запорол небольшую деталь рабочий или испортил сразу чуть ли не полстанка. Разница? Да еще какая!.. Год — вот самый малый срок, чтобы в цехе хоть как-то освоиться... Старые кадровые рабочие были, как правило, знатными умельцами и в большинстве считали себя рабочей аристократией. Порядок признавали один: дай мне заказ, я выполню — ты примешь. Не терпели никаких новшеств, к прогрессу относились скептически: то, чем я владею,— предел, и никакие там усовершенствования-перестройки мне не требуются. Но современное производство движет коллективная мысль, общая заинтересованность в успехе всего заводского процесса.

Многое в цехе надо было переналаживать. Тут-то и ощутил я, что называется, всей кожей, истину: чем квалифицированнее рабочий, тем сложнее строить с ним взаимоотношения и тем важнее это уметь. С некоторыми пришлось расстаться. И подступила самая главная забота: воспитать современного рабочего. Завод оказался счастлив тем, что сюда приходили такие ребята, как Толя Витушко.

—У начальника цеха выверенный жизнью взгляд на вещи. Он считает, что рабочий не должен быть узким профессионалом, умеющим безупречно выполнять привычный набор операций. Производственникам теперь необходим широкий кругозор, тогда жить в коллективе интересно.

— А как молодого рабочего к этому подвести? Только одним путем — увлечь общими делами. Но сперва, конечно, закрепить на заводе. Вот Анатолий пришел на наш завод, можно сказать, случайно. Окончил он десятилетку, потянуло к станкам, к металлу. Пошел по минским предприятиям — искать, где возьмут. Но открывал дверь за дверью и тут же закрывал — специальности-то нету. А на заводе имени Кирова взяли. Поставили к сверлильному станку. После армии сюда и вернулся. Появилась у него квалификация, мастеровым человеком себя ощутил. И если б что не так, мог бы уйти — предприятий в Минске теперь много, есть и поновее нашего, на иных и деньги полегче даются... Чем же его удержать? Говорят: воспитай «патриота завода». Но это понятие абстрактное: патриотизм держится на конкретном! Так на чем же?

Я разглядываю кабинет начальника цеха. В углу составлены зеркала — для бытовок, которые уже не первый раз с его приходом переделываются; на стене картинка: интерьер будущего цеха — широкий разлив света, веселые костры цветов... Вспомнилось, с какой гордостью показывал Владимир Николаевич цеховую сауну.

В 1972 году директором на завод назначили Вячеслава Францевича Кебича. Завод тогда сильно отставал, и, как на любом отстающем предприятии, одно расклеивалось, другое ползло по швам... Кебич начал с борьбы за культуру производства. Иные недоумевали: «План надо вытягивать, а директор про красоту толкует». Передовые начальники цехов вроде Новицкого, Ярмолика словом и делом одобрили директорскую линию на цветы и парильные бани. Линию эту поддержали молодые рабочие, такие, как Анатолий Витушко.

У Толи оказалось удивительное чутье на прогресс. Среднее образование и армейская школа помогли ему понять суть того, что совершалось на заводе. Постигнув технологические процессы, нужные ему как «рабочей единице», он довольно быстро двинулся к постижению сути современного производственного процесса во всех его проявлениях. Необходимость собственного участия в утверждении прогрессивных веяний, общественная активность, желание приобщиться ко всему, что делает жизнь содержательной, вкус к творчеству... Все это у Анатолия есть. Первое, чем я проверяю современность рабочего,— это отношение к новому. Тут безоговорочно Анатолию ставлю высший балл. Хотите, расскажу для примера историю с рабочей ползушкой? Есть такая деталь в наших станках. Очень, между прочим, ответственная. Так вот, пришло время изменить конструкцию ползушки. Изменили. А вместе с тем изменилась и схема сверловки. Но то, что предложили технологи — новая оснастка, приемы сверловки,— оказалось не совсем удачным, производительность труда не поднялась, а упала. Не обошлось без ропота: кому, мол, такой прогресс нужен! Анатолий подошел к происходящему иначе. Понял, что изменение закономерно, но нужно искать решение лучшее, искать всем, и рабочим тоже. Принес технологам свои предложения по рационализации оснастки. Их приняли. А потом он вместе с другими совершенствовал приемы сверловки... Все стало на свои места. Теперь никто уже не спорит, стоило или не стоило совершенствовать ползушку и технологию ее обработки.

И в общественных делах Анатолий такой же. Явился как-то один «ухарь» на смену нетрезвым, а через час-полтора в цехе уже висел сатирический листок с хлесткой карикатурой. Возле него завязался острый разговор — комсомольцы-«прожектористы» оказались тут как тут, и Анатолий среди них первый.

Самодеятельность в цехе была, но еле тлела. Начальник цеха стал советоваться с активистами, как сделать, чтоб ее голос был громче. Анатолий мог бы одной фразой отделаться: талантом, мол, не наделен, какая же от меня помощь? А он сразу по существу:

— Марию Войтович, крановщицу, знаете? Она ж на баяне играет. Другая крановщица, Алла Перепечко, поет хорошо, я с ними сегодня-завтра «отношения выясню»... Ну, и подумаю, кого еще втянуть можно...

С того и началось. Сейчас самодеятельность десятого цеха у всего завода на виду. Анатолий и в группе народных контролеров и в комиссии по культуре производства. Активно участвует во всех культурных событиях в цехе, во всех больших и малых победах на этом поприще.

Новицкий рассказывает, как ценят они такие победы. И пусть не покажется это выражение чересчур громким, ведь без подобных побед просто невозможно сформировать личность современного рабочего.

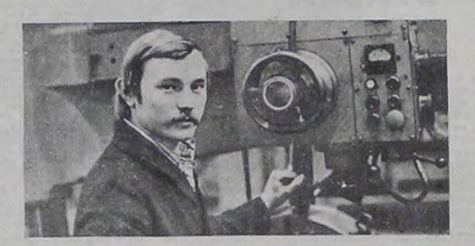
— Первую экскурсию в музей мы организовали на общественные средства — опасались, вдруг не пойдут рабочие за свои деньги. А теперь отбою нет от предложений и просьб: открылся музей истории Краснознаменного Белорусского военного округа — когда соберемся туда? В художественном музее выставка старинных часов — кто на экскурсию записывает? Потом обмениваемся мнениями, впечатлениями, спорим...

От таких вот малых цеховых побед, производственных, общественных, прямая польза заводу, вклад в его большие победы. Минский станкостроительный завод имени Кирова досрочно выполнил план 1979 года, изготовил сверх задания на 431 тысячу рублей продукции; за счет совершенствования технологии и организации производства сэкономлено много металла, электроэнергии, топлива. Недавно обсуждены планы на 1980 год. Намечено освоить 21 модель новых станков, обеспечить выпуск высшим качеством 65 процентов продукции, выполнить пятилетку к 7 ноября 1980 года. Анатолий Витушко свою пятилетку выполнит к 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

— Вот я и считаю, что у Анатолия Витушко есть все необходимые качества, чтобы представлять рабочий класс в высшем органе власти республики. Потому мы, заводские, его и рекомендуем.

Правомерно!

Минск.

Сверловщик Анатолий Витушко. Фото Ч. Мезина

БИТАЯ СТАВКА

Василий КОНДРАШОВ

Американский империализм, вновь в открытую заявляющий о своих претензиях на мировое господство, предпринимает шаги, свидетельствующие об откровенном стремлении Вашингтона обострить международную напряженность, вернуться к временам «холодной войны». Подобную авантюристическую политику администрация Картера пытается навязать и другим странам.

Именно в этом свете следует рассматривать недавний визит в Пакистан целой группы американских высокопоставленных лиц во главе с помощником президента по национальной безопасности Бжезинским. Было бы наивно думать, что американская делегация отправилась в столь далекий путь для того, чтобы искать средства, ведущие к смягчению напряженности и нормализации в этом районе мира. Переговоры о «положении в регионе» проходили под углом расширения американского вмешательства во внутренние дела Пакистана, разработки долгосрочных планов использования Пакистана в интересах Вашингтона.

Пакистан, которому администрация США предоставила военную помощь на сумму в 400 миллионов долларов, занимает особое место в американских расчетах. Американский журнал «Нейшн» не случайно подчеркнул, что именно эта страна является «центральным пунктом развития событий в Юго-Западной Азии». Картер и его правительство, писал журнал, «готовы спасти от финансовой и политической катастрофы один из самых жестоких и рёпрессивных режимов в Азии».

Спасти? Ради чего? Да только лишь затем, чтобы заставить «спасенного» еще теснее примкнуть к агрессивному курсу США, претендующих на какие-то «особые права» в этом регионе. Нагнетая обстановку лживыми утверждениями о «советской угрозе» и «афганском кризисе», эмиссары из Вашингтона преследуют далеко идущую цель — превратить Пакистан в форпост американского империализма в чрезвычайно важном для США районе с точки зрения энергетических ресурсов. Раскрывая истинный смысл американской дипломатии, президент Ирана Банисадр указывал, что Картер защищает «не народы залива (Персидского.— **В. К.**), а нефтяные ресурсы, которые американцы продолжают грабить».

Не приходится говорить о том, насколько опасен курс, навязываемый США Исламабаду. Ведь Пакистану отводится роль отнюдь не стороннего наблюдателя. «Пакистан,— писал американский журнал «Уолл-стрит джорнэл»,— это учебный плацдарм и убежище для приблизительно трехсот тысяч повстанцев» (читай: антиафганских наемников.— **В. К.**).

Весьма показательно, что еще до прибытия Бжезинского и уже с ним в Исламабад в Пакистан, как сообщала газета «Таймс оф Индиа», уже прибыли американские военные подразделения, а Исламабад дал согласие на предоставление США военных баз. В высшей степени симптоматичным является также сообщение этой газеты о перебросках в Пакистан «огромного количества военной техники» по Каракорумскому шоссе из Китая. Полученное оружие пакистанские власти намерены сосредоточить у границы с Афганистаном, что предполагает передачу его антиафганским бандам и диверсантам, в подготовке которых столь активное участие принимают китайские инструкторы.

Газета «Нью-Йорк таймс» в свое время писала: «Пакистан ненадежная опора... но другого выбора у нас не было». Вот почему США делают ставку и на другие страны, прежде всего на Саудовскую Аравию, в попытке подключить и ее к втягиванию Пакистана в свои зловещие планы. Посулив Исламабаду еще более широкую военную помощь, Бжезинский из Пакистана направился именно в Саудовскую Аравию, которая, как известно, оплачивает счета, связанные с подрывной деятельностью антиафганских наймитов. Поездка Бжезинского в Пакистан и Саудовскую Аравию — лишь часть целого комплекса мероприятий, которые осуществляет Вашингтон, нагнетая напряженность в Юго-Западной Азии и на Ближнем Востоке, за многие тысячи миль от берегов США.

Призывая утвердить военные расходы в сумме 161,8 миллиарда долларов, президент Картер утверждал, что «мы должны заплатить любую требуемую цену за то, чтобы оставаться сильнейшей страной в мире». Вряд ли это амбициозное заявление нуждается в дополнительных комментариях!

Провокационная политика США вызывает растущую тревогу и возмущение мировой общественности, которая отчетливо видит экспансионистские цели, преследуемые Вашингтоном. Правительство США, пишет, например, алжирская газета «Аш-Шааб», использует клеветническую кампанию вокруг событий в Афганистане как «дымовую завесу», под прикрытием которой Пентагон создает военные базы на Ближнем Востоке, в районе Красного моря, Персидского залива и в Индийском океане.

Особую озабоченность действия Вашингтона, естественно, вызывают в сопредельных с Пакистаном странах. «Если два таких государства, как Соединенные Штаты и Китай, подписывают совместные соглашения и вооружают Пакистан, значит, они намерены вмешиваться в дела Афганистана точно так же, как они это делали прежде через иранского шаха,— отмечала премьер-министр Индии Индира Ганди.— ...Соединенные Штаты пытались установить свое господство над различными странами, но эта политика была и является безнадежной. Когда они все поставили на иранского шаха, то допустили такую же ошибку, какую допускают сейчас в Пакистане, где оказались причастными к военным репрессиям, которые предпринимаются в этой стране».

Зловещая тень американского империализма нависла над Юго-Западной Азией и Ближним Востоком. Однако народы мира бдительны. Они полны решимости дать отпор американским гегемонистам и выступающим в одной упряжке с ними любителям авантюр из Пекина. Политика силы, политика диктата и шантажа, политика давления и угроз, на которую делает ставку Вашингтон, обречена на провал. У нее попросту нет будущего.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ИНДИЯ

РУКИ ПРОЧЬ ОТ АФГАНИСТАНА!

Журнал «Пари-матч» опубликовал интервью премьер-министра Индии Индиры Ганди. На вопрос, почему она придерживается по многим международным проблемам позиции, близкой к позиции Советского Союза, Индира Ганди сказала: «Советский Союз помогал нам. Во многих отношениях его интересы совпадают с нашими, тогда как США проводят мировую стратегию, не учитывающую наших интересов. Они вооружают Пакистан и еще больше укрепляют свои отношения с Китаем».

На вопрос, не опасается ли Индия, что китайцы, которые находятся сейчас в Тибете, вновь создадут угрозу на границах Непала и Индии, премьер-министр заявила: «Если китайцы получат оружие, то они смогут поддаться искушению использовать его. Вопрос заключается в том, против кого. Они в свое время получали оружие из США для того, чтобы бороться против коммунистических стран, а использовали его против нас. Если они попытаются предпринять военную авантюру в Индии, то я думаю, что это не по причине реванша, а для того, чтобы отвлечь внимание мира от своих внутренних проблем. Но они не могут надеяться на успех этой авантюры.

Китайцы уже выдвигали территориальные притязания к нашей стране и притом не только на территории, которые они уже оккупировали в прошлом, но и на другие районы».

Отвечая на вопрос, почему Индия не поднимает шум, как это делают некоторые западные правительства по поводу событий в Афганистане, Индира Ганди сказала: «Афганистан — сосед СССР. А если сосед просит о помощи, то это уже другая проблема».

ЯДЕРНЫЙ ПОЛИГОН НАТО

Вследствие милитаристской политики НАТО во главе с США большая часть Западной Европы превращается в ядерный полигон этого агрессивного блока. О перенасыщенности западноевропейских стран ядерным оружием, направленным против СССР и его союзников, красноречиво свидетельствует карта-схема, распространенная фотослужбой агентства АДН. На ней под разными номерами обозначены такие натовские средства доставки ядерного оружия, как истребители-бомбардировщики США, английские и американские ядерные подводные лодки, расположенные на территории ФРГ ракеты с ядерными боеголовками и многое другое вооружение. Особое место в этом смертоносном арсенале принадлежит новым американским ядерным ракетам средней дальности — «Першинг-2» и крылатым ракетам, 572 единицы которых Вашингтон вопреки протестам мировой общественности намерен разместить в Англии, ФРГ, Италии и ряде других стран Западной Европы.

На снимке: массовые демонстрации индийской общественности состоялись в Дели. Манифестанты решительно осудили попытки Китая и США грубо вмешаться во внутренние дела Афганистана.

САЛЬВАДОР

РАЗГУЛ РЕАКЦИИ

Такой манифестации Сальвадор никогда не видывал. Более 150 тысяч человек мощной рекой прокатились по улицам и площадям столицы страны — Сан-Сальвадора. Манифестация началась в назначенное время — в полдень. Когда, казалось, все население столицы вышло на улицу, с безоблачного неба неожиданно посыпался свинцовый град. Пули косили людей повсюду, но больше всего тех, кто вступил на площадь Либертад. С вертолетов и бронетранспортеров вели прицельный огонь: погибло более 60, а 250 человек ранено.

Демонстрация была организована левыми силами. Ее участники добивались от военно-гражданской хунты принятия срочных мер, направленных на решение социально-экономических проблем, удовлетворение неотложных нужд широких народных масс. В Сан-Сальвадоре были расстреляны последние надежды народа на то, что военно-гражданская хунта, заменившая после октябрьского переворота диктатуру генерала Ромеро, выполнит свои обещания по демократизации страны.

Придя в себя от временного замешательства, вызванного изгнанием Ромеро, олигархия развернула оголтелую антикоммунистическую кампанию, цель которой — полностью возвратить под свой контроль армию. В столице республики бесчинствуют банды «союза белых воинов» и другие профашистские военизированные организации, находящиеся на службе реакции и американского империализма. В последнее время они пополнились новыми контингентами за счет двух тысяч бывших полицейских, более сотни национальных гвардейцев свергнутого диктаторского режима Сомосы в Никарагуа и двухсот южновьетнамских головорезов, бежавших от возмездия своего народа. Методам борьбы против демократических прогрессивных сил их обучили американские инструкторы, а Пентагон предоставил оружие.

Профашистские молодчики совершили ряд нападений на демократические организации и их представителей, взорвали в городе несколько бомб, обстреляли посольство Никарагуа в Сан-Сальвадоре. Ежедневно на окраинах населенных пунктов, в придорожных канавах находят трупы участников народных выступлений, убитых головорезами ультраправых банд. Именно эти банды, как признала хунта, спровоцировали расстрел солдатами и полицией демонстрации в столице.

Как отмечают обозреватели, действия ультраправых организаций, их сообщников и покровителей направлены на то, чтобы помешать сплочению прогрессивных демократических сил и развязать в стране гражданскую войну.

На снимке: во время столкновений на улицах Сан-Сальвадора.

По материалам зарубежной прессы

ГЛАВНЫЙ НАКАЗ

См. II стр. обл.

— Не командовать, а получать наказы прибыл,— сказал он.— Поговорим начистоту: что еще мешает работать, жить?

— Арматуру поставляли бы вовремя! — подал голос парень с румяным лицом, теребя звенья цепи на широком поясе монтажника.

— Будет генерал твоей арматурой заниматься,—одернула его соседка.

— Будет! — улыбчиво примирил их Ислам Гафарович, делая пометку в блокноте. — Тем более, что я тоже начинал с рядового бойца, знаю его нужды... Помню, на первой моей гимнастерке «бэ—у», то есть бывшей в употреблении, насчитывалось двадцать три тщательно заштопанные дырочки—следы от пуль. Всегда чувствую ее на своих плечах... Немало поездил на городском транспорте и не сразу получил хорошую квартиру. Во время землетрясения я приезжал со своими подчиненными восстанавливать Ташкент и не забыл, что значит своевременная поставка стройматериалов, в том числе и арматуры. Так что можете считать: наказ-приказ получен. Об исполнении доложу.

...Спят в парчовых белых шапках деревья— необычно снежная для этих мест нынче зима. Деревья вытянулись выше двухэтажных сборно-щитовых домов, оставшихся от старых Сергелей. Но как ни обжиты уютные дворики, люди охотно покидают их, переезжая в новые микрорайоны, из барачных комнат в благоустроенные квартиры современной планировки, со всеми удобствами.

Водитель грузовика Алексей Николаевич Тезин и его жена Людмила Андреевна, геодезист,— здесь старожилы. Они возводили современные Сергели. Когда родился третий ребенок, Тезины получили четырехкомнатную квартиру.

— Теперь, кажется, все проблемы решены,— говорит Людмила Андреевна.

— Почему «кажется»? Именно все, — уточняет Алексей Николаевич. — Чего еще лучше? И школа в пяти минутах ходьбы, детсадик вот-вот сдадут...

— А молочной кухни поблизости нет. Молодым матерям неудобно, — не уступает хозяйка.—Но сейчас мне хочется сказать то, что на душе: спасибо за отличную квартиру!

Доволен своей новой квартирой и слесарь того же автокомбината Хаким Мухетдинов. До этого он жил с многодетной семьей в двух комнатах. А теперь в пяти.

— Почти каждому из моих шести наследников — по комнате.

— Каков ваш личный наказ кандидату в депутаты?

— Вроде бы все у нас в микрорайоне есть,—вслух размышляет Хаким. — Даже чайхана. Вот парикмахерскую надо бы! И чтобы было больше зелени и цветов.

— Но пока здесь возле многих домов я видел только ямки для деревьев...

— Весной посадим! И цветы и газоны. Так все в доме считают. Мы дружно живем, у нас тут настоящий интернационал: узбеки, русские, татары, корейцы, армяне... Друг другу помогаем. Много хорошего у нас есть, еще больше будет. Был бы мир на земле! Это главное пожелание нашей семьи и, уверен, всех советских людей.

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Ташкент.

В ПРЕДДВЕРИИ ЛЕЙ

Лидия БОРОДИНА

В Лейк-Плэсиде объявлена «готовность № 1». До открытия зимней Олимпиады-80 остаются считанные дни. Главная улица пестрит олимпийскими сувенирами, плакатами, значками. Уже не так вызывающе звучит лозунг «Добро пожаловать, земной шар, мы готовы!». Впервые это воззвание появилось у входа на главную олимпийскую арену еще в октябре 1979 года, когда о настоящей готовности можно было только мечтать.

Строительство крытого олимпийского стадиона, обошедшегося организаторам Белой Олимпиады в 17 миллионов долларов, стоило им еще и нервов. 7 ноября прошлого года в американской газете «Крисчен сайенс монитор» появилось сенсационное сообщение: «Дипломированные инженеры Дэвид Эванс и Майкл Оливер вызвали бурю возмущений своим заявлением по поводу безопасности нового ледового стадиона с трибунами на 10 тысяч зрителей. Еще в январе 1979 года они утверждали, что фирма «Гилбейн Билдинг Компани», генеральный подрядчик по строительству здания, не ликвидировала многие структурные дефекты здания». Короче, у ледового стадиона могла рухнуть крыша.

Как выяснилось, эта же фирма строила крытый стадион в городе Хартфорд (штат Коннектикут), крыша которого обвалилась 18 января 1978 года в результате сравнительно небольшого снегопада (кстати, это произошло через неделю после того, как на этом стадионе советские хоккеисты играли с канадскими профессионалами).

Правительство США потребовало, чтобы специальная консультативная фирма провела и официально удостоверила прочность главной олимпийской арены в Лейк-Плэсиде, на что было затрачено 70 тысяч долларов. Зато удалось установить после семи месяцев работы, что необходимо заменить стальную опору, усилить бетонную стену, а также укрепить сварку в одном из соединительных узлов. Всего в докладе комиссии было перечислено 25 недостатков (вот тебе и готовы!). Над их устранением и работали строители все последние месяцы.

А тут разразился еще один скандал: недавно организаторы Олимпийских игр в Лейк-Плэсиде заслушали доклад сенатского комитета по уголовным делам, исследовавшего возможную связь концерна, который поставлял спортивное оборудование для Олимпиады, с организованной преступностью. Впрочем, американцев связями с преступным миром не удивишь. Поэтому, наверное, они и решили построить олимпийскую деревню с таким расчетом, чтобы превратить ее после окончания Олимпиады в тюрьму...

Когда три года назад я впервые услышала об этом необычном решении от одного из членов Оргкомитета Олимпиады, Роберта Аллана, я решила, что чего-то не поняла.

— Превратить олимпийскую деревню в тюрьму? — переспросила я.

— Да, в тюрьму! — усмехнулся Аллан, довольный произведенным впечатлением.

Помню, как в октябре 1976 года — через полтора месяца после того, как Москва приняла олимпийскую эстафету у Монреаля,— я приехала в Лейк-Плэсид, чтобы посмотреть, как готовится к Олимпиаде-80 зимний партнер Москвы.

...Узкая автомобильная дорога вела в этот затерянный в Адирондакских горах поселок, в котором живут 2800 жителей. У въезда на обочине стоял столб, на котором была прибита небольшая табличка с надписью: «Добро пожаловать в Лейк-Плэсид — летний курорт».

Зимняя Олимпиада на летнем курорте?!

Роберт Аллан, директор олимпийской арены, председатель Комитета по планированию и инженерным вопросам, который любезно согласился тогда дать мне интервью, сказал, что я «первая ласточка» — до меня еще никто из иностранных журналистов не приезжал в Лейк-Плэсид в связи с Олимпиадой-80. Он был явно ошарашен моим визитом и не скрывал этого. Нам и поговорить-то было негде.

Мы прошли по коридору с растрескавшимся от времени деревянным полом и затекшими стенами старой олимпийской арены, где размещался тогда Оргкомитет Олимпиады, и присели в одной из комнат, оказавшейся открытой. У меня сложилось впечатление, что арена эта не ремонтировалась с того самого времени, когда здесь в 1932 году проводились Олимпийские игры. Какая же это была глушь в те времена, если и сейчас с большим миром этот поселок связывают лишь автомобильные дороги, если до ближайшего крупного аэропорта — Монреаля — 200 километров, а до Нью-Йорка нужно ехать на машине 500 километров. Неудивительно, что после Олимпиады 1932 года Лейк-Плэсид так и не стал международным зимним курортом, хотя все данные для этого у него есть. Средняя температура в феврале в Лейк-Плэсиде — минус 9—16 градусов, а средняя толщина снежного покрова — 69 сантиметров.

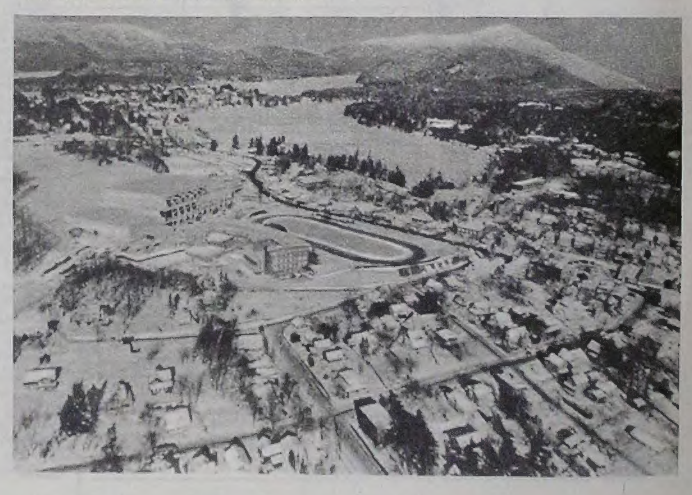
Аллан в разговоре обращал внимание в основном на то, где какие спортсооружения будут построены к Олимпиаде в Лейк-Плэсиде, он рисовал феерическую картину.

— Неужели за три оставшихся года вы все это успеете построить?— усомнилась я.— Проезжая по Лейк-Плэсиду, я не заметила никаких следов работы.

— Ничего, успеем,— заверил он меня.

Забегая вперед, скажу, что немногим более года спустя я была свидетелем того, как на новом конькобежном стадионе в Лейк-Плэсиде проходил чемпионат мира по спринту. Кстати, именно тогда, в январе 1978 года, в Лейк-Плэсиде впервые прозвучал Гимн Советского Союза в честь победы в спринтерском многоборье нашей Любови Садчиковой.

Так выглядит Лейк-Плэсид — место Белой Олимпиады-80.

К-ПЛЭСИДА

После обстоятельного разговора мы с Алланом прошлись по льду той самой арены, на которой почти 50 лет назад легендарная норвежская фигуристка Соня Хэни завоевала олимпийское золото. Поразительный факт: почти всю свою жизнь Хэни провела здесь, в Лейк-Плэсиде, работала тренером. Мне не удалось поговорить с ней только потому, что в это самое время она улетела на каникулы в родную Норвегию. Соня Хэни умерла в возрасте 72 лет, и накануне Олимпиады в Лейк-Плэсиде норвежское правительство установило в ее честь памятник как раз перед входом в старый Ледовый дворец.

Но вернемся в Лейк-Плэсид 1980 года. Как удалось этому маленькому городку снова заполучить Олимпиаду?

Район Лейк-Плэсида — один из хронических центров безработицы в штате Нью-Йорк. И вот группа местных энтузиастов решила вдохнуть жизнь в этот захиревший поселок, выставив его кандидатуру на проведение зимней Олимпиады-80.

В том, что Лейк-Плэсид стал столицей Белой Олимпиады-80, сыграли роль два обстоятельства. Как уже говорилось, в 1932 году здесь проводились зимние Олимпийские игры. К тому же вспомнили об американском горном курорте Скво-Вэлли, который прекрасно справился с Белой Олимпиадой-60. И вот Международный Олимпийский Комитет проголосовал за кандидатуру захолустного городка.

Но сможет ли Лейк-Плэсид затмить Скво-Вэлли? Ведь там председателем комитета по массовым церемониям был всемирно известный создатель мультипликационных фильмов Уолт Дисней. Сколько выдумки он вложил в оформление Игр! Да и погода ему помогла. После снежной бури наступили сверкающие солнечные дни, и на протяжении двух недель сияющее калифорнийское солнце и ослепительно белый снег озаряли Олимпиаду в Скво-Вэлли. Диснея уже давно нет в живых, и ожидать «второго чуда» с погодой на сей раз в Лейк-Плэсиде не приходится. Пока там снега мало. Гора Уайтфейс, которая славится своим строптивым нравом, принесла организаторам Олимпиады много хлопот. В ночь на 6 октября 1979 года шторм, сопровождающийся сильными ветрами, разрушил все олимпийские сооружения на ее вершине. Скорость ветра достигала 120 километров в час. Стартовый домик на трассе женского скоростного спуска был отброшен на 70 метров. Оказался поврежденным основной лифт, ведущий к стартам скоростных спусков, разрушена линия электропередачи.

Трудно будет с размещением гостей. Мест мало, и цены зачастую непомерны. Все отели и мотели в округе радиусом в 100—150 километров забронированы на весь срок Олимпийских игр, так же как и частные дома. В этой связи Оргкомитет решил направить в район Лейк-Плэсида передвижные дома-прицепы. В них будут размещены 1700 человек олимпийского административного персонала, а также многие гости. Три сравнительно узкие дороги — всего три! — соединяют Лейк-Плэсид с остальным миром. На них ожидаются обширные заторы и пробки. Фактически дороги уже сейчас трещат от перегрузок.

На всех этих дорогах, на расстоянии 12—15 километров от Лейк-Плэсида, создаются специальные «сателлитные» парковки. Дальше этих парковок личный транспорт пропускаться не будет, и владельцам машин придется пересаживаться на автобусы. Оргкомитет Олимпиады получил для этих целей 400 автобусов.

В преддверии Олимпиады резко возросла стоимость жизни. Поднялись цены на питание и жилье. Особенно трудно приходится престарелым жителям Лейк-Плэсида, а также приезжим рабочим, которые строили олимпийские сооружения за мизерную плату.

Перед Олимпийскими играми 1500 человек снимали квартиры в Лейк-Плэсиде и его окрестностях. Однако в последний год некоторые жители были грубо выгнаны из домов. Маргарет Квигли со своим 83-летним отцом 13 лет жила в маленькой квартирке на главной улице Лейк-Плэсида. И вот владелец потребовал, чтобы она в течение двух месяцев освободила квартиру, потому что он решил переоборудовать жилье для сдачи внаем олимпийцам. Маргарет с отцом остались без крова.

Олимпийские игры в Лейк-Плэсиде войдут в историю Олимпиад как игры без... зрителей. Действительно, число зрителей, которые будут очевидцами олимпийских баталий в Лейк-Плэсиде, ограничено 51 тысячью в день. Организаторы Игр сомневаются, что смогут справиться даже с этим количеством туристов из-за неминуемого хаоса и пробок на автомобильных дорогах.

Всего за время Олимпиады будет распродано 550 тысяч билетов. Львиную долю получат американцы, особенно жители штата Нью-Йорк. На долю жителей Лейк-Плэсида и окрестностей достанется 50 тысяч билетов. А на долю канадцев — лишь 33 тысячи. Австрия получит всего 1 тысячу, а Финляндия — полторы тысячи билетов.

Олимпийский атташе Канады Герберт Кребтри был просто разочарован тем мизерным количеством билетов — особенно на соревнования по хоккею,— которые остались канадским болельщикам (напоминаю: от Монреаля до Лейк-Плэсида вдвое ближе, чем от Нью-Йорка). Он возмущался также тем, что цены на билеты неимоверно высоки — до 85 канадских долларов за один билет. Эн Дикстра, олимпийский атташе Голландии, сказал, что его основная претензия сводится к тому, что зрителям негде остановиться в Лейк-Плэсиде. Им придется тратить по шесть часов в день для того, чтобы добраться из Лейк-Плэсида до Монреаля, где они вынуждены будут ночевать, и обратно. «В моей стране много разочарованных людей, которым не хватило билетов, особенно на соревнования по скоростному бегу на коньках»,— сказал он.

Но зато сотни миллионов людей во всех странах мира смогут следить за Олимпийскими играми по газетам, смотреть их по телевидению. Одна из ведущих американских телекомпаний, «Эй-би-си», планирует 50 часов передач из Лейк-Плэсида. Фактически одновременно будут вестись две передачи двумя разными «командами». Одна группа операторов будет следить за американскими спортсменами, вторая показывать ход Олимпийских игр более интернационально.

Другими словами, предполагается, что американцы увидят Олимпийские игры только через призму выступления своих спортсменов. (Так, кстати, бывало и на всех предыдущих Олимпиадах.)

Спортсмены и зрители могут столкнуться в Лейк-Плэсиде с не меньшими метеорологическими сюрпризами, чем двадцать лет назад в Скво-Вэлли. Учитывая это, хозяева Олимпиады установили на горе Ван-Ховенберг, где проложена трасса одиночного спуска на санях, холодильное оборудование (на случай оттепели), приняты меры и на тот случай, если не хватит снега. Тогда все трассы для лыжников будут обслуживать агрегаты, производящие снег.

А теперь немного арифметики. Зимние Олимпийские игры в Саппоро стоили 700 миллионов долларов. Олимпийские игры в Инсбруке — 400 миллионов. На подготовку к Олимпийским играм в Лейк-Плэсиде истрачено всего 150 миллионов долларов, «со скрипом» полученных от правительства США и властей штата Нью-Йорк. Расходы, прямо скажем, не очень большие для страны, военный бюджет которой исчисляется многими миллиардами долларов.

Если учесть барыши, которые получит Лейк-Плэсид, да и США в целом, в результате проведения Олимпийских игр, то можно смело сказать, что все эти расходы окупятся с лихвой. Однако организаторы Игр в Лейк-Плэсиде хотят не просто компенсировать затраты, но и выжать из Олимпиады максимум прибыли.

Сейчас организаторы Игр ломают голову и над другой проблемой: каким образом использовать в будущем олимпийские спортсооружения, в которые вложены миллионы. Местные власти не хотят отвечать за их эксплуатацию, Олимпийский комитет США не возражает против того, чтобы забрать эти сооружения и использовать их для подготовки олимпийцев, однако и его волнуют финансовые аспекты.

Недаром в газете «Вашингтон пост» появилась статья о предолимпийском Лейк-Плэсиде под символическим заголовком «Зима тревоги нашей». В ней говорится: «Этот город ожидает Олимпийские игры так, как ожидает гостей хозяин, глядя на небо, которое угрожает сорвать пир в его саду...»

Лейк-Плэсид—Нью-Йорк.

«ВОСПИТЫВАТЬ РАЗУМНО»

Я не раз наблюдала, как ребенок радостно вынимает из коробки новую игрушку, глазенки горят, он быстро заводит машину и играет только с ней, никого и ничего не замечая вокруг. Проходит полчаса — руль лежит в одной стороне, прицеп и колеса — в другой: машинка сломана. Ребенок плачет, требует новую...

Мне бы сейчас хотелось поговорить не о качестве игрушек, а об отношении к ним наших малышей. Относятся дети к игрушкам чаще всего легко и небрежно. Кто же виноват в этом?

Тяжелое было у меня детство: разруха и голод 1920 года не забываются. Но дети есть дети, и игрушка для них всегда радость. Мы с сестренкой мечтали о настоящей покупной кукле. Когда она появилась, счастью не было предела. Старенькую куклу дала нам соседка, семья которой голодала, в обмен на сушеные дикие груши, ягоды и грибы, собранные нами, пяти — семилетними детьми, в лесу. Детство моих мальчишек тоже было нерадостным: война, муж погиб на фронте, растить одной ребятишек тяжело. Не знаю, кто их научил беречь вещи, я сама или суровое время после эвакуации вынуждало ценить чужой труд, но сыновья мои маленький самодельный грузовичок прятали на ночь под стол в гараж, чтобы он не сломался и мог перевозить летчиков на аэродром. Очень жаль, что они своим детям такие качества не прививают.

Безусловно, внуки не должны расти в лишениях: жизнь сейчас хорошая, не побоюсь сказать — богатая жизнь. Современные родители часто идут на поводу у своих детей, оправдываясь тем, что у самих детство было нелегким. Бывает так, что единственного ребенка балуют сразу две бабушки, родители, да и дедушки тоже стараются сделать подарок любимому малышу. Если мать купила дочке куклу, то свекровь покупает новую, лучше, больше, красивее и дороже той, которую подарила мать.

Не пытаемся ли мы, бабушки, подкупить доверчивые души наших внуков новой яркой куклой? Воспитание детей только тогда будет разумным и правильным, когда родители и бабушки будут действовать заодно. Такие семьи есть. У моих соседей двое взрослых ребят. С детства они приучены держать в порядке вещи, игрушки, книги, вежливы не только с родителями, с бабушкой. Мать с отцом нашли правильный подход к детям и сумели завоевать их авторитет, хотя никогда не баловали.

Безмерно потакая ребятишкам, мы превращаем их в маленьких эгоистов, которые с годами вырастают в больших деспотов. Когда наши внуки-подростки в слезах требуют дорогие платья, джинсы, часы, кольца, мы начинаем задумываться: как это могло случиться? Когда мы ошиблись? А ошиблись давно, лет 16 назад, когда исполняли любой каприз ребенка. Необузданная и неразумная любовь обязательно приведет к новым страданиям. Вашим детям 16 лет, безгранично выросли потребности, и помочь им вы уже не в состоянии, подросток озлоблен и постепенно отдаляется от родителей. Может быть, я нарисовала слишком печальную картину, но советую молодым мамам умело подбирать игрушки, обязательно следить за их количеством, воспитывать в детях уважение к чужому труду, и тогда не придется отвечать на вопрос, кто виноват в том, что ваши ребята жестоки к животным, сверстникам и старикам.

Н. ЖМУРКО

Люботин.

ХУДОЖНИК-ДЕМОКРАТ

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

В. В. ВЕРЕЩАГИН

В 1979 году исполнилось 75 лет со дня трагической гибели выдающегося русского художника-демократа Василия Васильевича Верещагина. Он погиб вместе с адмиралом С. О. Макаровым на броненосце «Петропавловск» от взрыва японских мин и нашел могилу в пучине Желтого моря.

Верещагин по заслугам приобрел мировую известность и славу. В России, в странах Западной Европы, в США имя Верещагина было необычайно популярно, а выставки его картин посещало беспрецедентно большое количество зрителей. В печати публиковалось огромное количество статей, в которых его называли великим художником, гениальным живописцем и т. д. Вместе с тем, реакционные круги общества стремились дискредитировать, принизить творчество мастера за те прогрессивные идеи, которые в нем содержались. Царствовавший дом Романовых неоднократно подвергал знаменитого художника подлинной травле, а его прославленные картины в течение двадцати пяти лет (начиная с первой выставки картин Верещагина в 1869 году) не приобретались для русских государственных музеев.

В своем творчестве Верещагин, следуя заветам Н. Г. Чернышевского, обличал пережитки крепостничества, выступал против деспотизма и тирании, возвысил голос протеста против угнетения человека, темноты и невежества народных масс, бесправия женщины, против религиозного фанатизма. С особой страстностью он выступал против захватнических войн и их вдохновителей. Для того, чтобы достигнуть в своих картинах глубокой правды, он как доброволец участвовал в трех войнах, пристально наблюдая боевые действия, под пулями и ядрами зарисовывал сцены сражений, набрасывал этюды боевых действий. Антимилитаристические картины Верещагина были их автором выстраданы в полном смысле этого слова. Художник, подвергавший себя во имя гуманистической идеи и желания рассказать людям правду о войне многочисленным военным опасностям, получил ранение, а в 1904 году погиб на боевом посту. Смелое, острое, нелицеприятное обличение отвратительных сторон современной ему действительности привлекало к творчеству Верещагина горячие симпатии широких кругов демократической общественности.

Верещагин был не только художником-патриотом, борцом за идеи демократии и народовластия, за счастье и жизненные интересы народа. Он был и художником-новатором, который передавал эти благородные идеи в ярких реалистических образах огромной впечатляющей силы, основанных на глубочайшей зрительной правде, на серьезнейшем изучении новейших законов изображения атмосферы, света, воздуха.

В. В. Верещагин — подлинная гордость русской культуры, истинный классик реалистической живописи.

Если ранние периоды биографии замечательного художника освещены в литературе сравнительно подробно, то последние годы его жизни раскрыты далеко не полно. Публикуемые отрывки из воспоминаний сына художника — В. В. Верещагина, проживающего в настоящее время в Чехословакии, восполняют этот пробел и, несомненно, будут с интересом прочтены всеми, интересующимися историей русского искусства.

А. ЛЕБЕДЕВ,
доктор искусствоведения,
действительный член Академии художеств СССР

Когда вопрос о переезде был решен, отец выстроил под Москвой — за Серпуховской заставой, у деревни Нижние Котлы большой деревянный дом с прекрасной мастерской, где протекли последние годы его жизни. Еще в 1891 году отец находил время лично наблюдать за постройкой, что подтверждается несколько раз слышанным мною от него рассказом. Строительный материал был привезен с Севера, где на реке Шексне встречались мачтовые сосновые леса. Эти прекрасные сосновые бревна хорошо видны на фотографиях мастерской. Постройку вел подрядчик, солидный мужик с окладистой бородой и маленькими плутоватыми глазками, старавшийся подсунуть, где только было возможно, более дешевые, еловые бревна.

Между ним и отцом происходили приблизительно такие диалоги:

— Федор Иванович!

— Ась?

— Видите во-о-он то бревно?

Федор Иванович, предугадывая, о чем будет разговор, прикладывает к глазам ладонь козырьком, всматривается, но делает вид, что ничего особенного не замечает. Отец подводит его ближе.

— Во-о-он то бревно, второе сверху! Ведь это, Федор Иванович, не сосна!

На лице Федора Ивановича появляется изумление:

— Ой ли, Василь Василич? А что ж это?!

— Да это ж елка!

Федор Иванович от удивления даже руками раскидывает:

— Да откеда ж она взялась, Василь Василич?! У нас елки-то и в заводе нет!

Но отец не уступает и требует, чтобы еловое бревно было заменено сосновым. Федор Иванович пытается уговорить барина оставить елку, но в конце концов вынужден уступить.

— Ми-и-шка! — кричит он.

Мишка, здоровый, лохматый парень, перестает тесать балку.

— Ми-ишка! Видишь то бревно? Барин говорил, мол, это елка! Выкинь его и дай туда сосну!

Мишка с не меньшим, чем у Федора Ивановича, удивлением смотрит на бревно:

— И впрямь елка! Поди ж ты! И откеда ж она могла взяться?!

Но Федору Ивановичу уже надоело играть комедию, и он сердито кричит:

— Так делай, что тебе говорят!

Обувь для членов нашей семьи всегда покупалась в большом и солидном магазине на Лубянке, против Кузнецкого моста. Старший приказчик Николай Иванович, он же заведующий магазином, почтительно встречал отца, сам выбирал товар и давал советы. Во время примерки Николай Иванович любил поговорить на различные темы. Однажды он спросил отца, рисую ли я. Получив утвердительный ответ, Николай Иванович сказал: «Ну, значит, пойдет по вашей дороге!» На это отец с живостью ответил, что он никогда бы мне этого не желал, поскольку быть плохим художником не стоит, а быть большим — значит нести тяжелую ответственность перед обществом и перед самим собой, жить в постоянном нервном напряжении, убивающем человека душевно и телесно. «Вот ваша работа, Николай Иванович,— добавил отец,— куда лучше, спокойнее, а потому и здоровее». Николай Иванович усмехнулся и ответил: «Хотя вы, Василий Васильевич, и правы, я все же уверен, что если бы нам с вами можно было поменяться родами занятий, то вы бы первый от этой мены отказались».

Подумав минуту, отец сказал: «Пожалуй, что так».

Кажется, ни один из художников не привлекал к себе столько внимания, ни об одном не было высказано в русской и заграничной печати столько противоречивых мнений, как о художнике В. В. Верещагине. О нем существует обширная литература. Но его частная жизнь никем не была описана правдиво, без искажений и выдумок. Причиной, по-видимому, было то, что двери дома отца и его мастерской как в Мюнхене, так и в Мезон-Лаффитте всегда были закрыты для посторонних, ибо картины он считал возможным показывать только тогда, когда они были закончены, и исключение делал лишь для некоторых близких друзей.

Помню рассказ матери о разговоре отца с великим князем Владимиром Александровичем, президентом Академии художеств, пожелавшим осмотреть в мастерской картины, над которыми художник работал. На отказ отца великий князь заявил: «А я все же приеду!» Рассерженный отец резко ответил: «А ко мне не попадете! У меня собаки злые».

Раньше всех в доме вставал отец. Если только какое-либо событие не нарушало обычного распорядка дня, он начинал работать в шесть часов утра. В те дни, когда в столь ранний час было уже достаточно светло, он сразу же брался за кисть и палитру и работал с небольшими перерывами до темноты. В противном случае садился за письменный стол и при свечах работал над своими литературными произведениями до появления дневного освещения, достаточного для занятий живописью. Вечерние часы он проводил также за письменным столом.

Здесь необходимо сказать несколько слов о внешности отца. Я не буду говорить о чертах лица и его выражении: о них легко можно судить по сохранившимся многочисленным фотографиям. Что же касается фигуры, то отец был выше среднего роста, плотный, очень подвижный и энергичный. Он регулярно занимался по утрам гимнастикой, прекрасно плавал и любил ездить верхом. Вся его внешность говорила о большой физической силе.

Одним из очень ранних детских впечатлений был разговор отца с нашей новой старухой-няней. Когда отец зашел утром в детскую, новая няня сказала ему, что дети вечером, перед сном, не молятся и даже не знают молитв, и бралась научить их всему этому. Тот, кто знаком хотя бы с перепиской отца с В. В. Стасовым, знает, что в более молодые годы отец отличался вспыльчивостью, иногда и резкостью, и потому отнесется, возможно, с недоверием к моим словам, но я утверждаю, что никогда не слышал, чтобы отец повышал на кого-либо голос, говорил рассерженным или раздраженным тоном. А потому на меня особенно произвел впечатление тон его ответа няньке. Решительно и даже резко отец сказал, что запрещает забивать голову детям сказками о боге, святых, ангелах и тому подобными поповскими выдумками или же учить их молитвам. Нянька оторопела и слушала, раскрыв рот от изумления.

Однажды отец, отправляясь в город, взял меня с собой. Покончив с делами, он решил показать мне Московский Кремль и главное — Грановитую и Оружейную палаты. Перед воротами Спасской башни мы остановились, и отец рассказал историю Кремля. Я обратил внимание на то, что все, кто проходил или проезжал воротами, снимали шапки. Отец ответил, что это старинный обычай, соблюдаемый русскими людьми. «И мы с тобой,— сказал он,— снимем шляпы. Но только верующие обнажают головы, чтобы почтить икону над воротами башни, а мы это сделаем в память русских людей, строивших эти стены, в память русских ратников и воевод, которые проходили и проезжали когда-то здесь, отправляясь в поход для защиты родной земли!»

В. Верещагин. 1842—1904.
КИРГИЗСКИЙ ОХОТНИК
С СОКОЛОМ. 1871.

Государственная
Третьяковская галерея

В. Верещагин. В ГОРАХ АЛАТАУ. 1869—1870.

Государственная Третьяковская галерея

В Кремле мы шли мимо памятника Александру II, возле которого стоял дворцовый гренадер в высокой медвежьей шапке. Увидев у гренадера два Георгиевских креста, отец заговорил с ним. Оказалось, что старый солдат участвовал в русско-турецкой войне, с войсками генерала Скобелева переходил Балканы и был в тех же сражениях, что и отец. Разговор их принял столь оживленный и затяжной характер, что я начал дергать отца за рукав. Увидев мое нетерпение, он сердечно распрощался со своим бывшим соратником, и мы, наконец, отправились осматривать Грановитую и Оружейную палаты, Царь-колокол, Царь-пушку и кремлевские соборы.

Работая, отец стоял перед полотном в той характерной для него позе, в которой его изобразил скульптор И. Я. Гинцбург в известной статуэтке «Художник Верещагин за работой».

Он был очень дальнозорким и надевал очки, лишь когда писал пером или при чтении мелкого шрифта. Поработав минуту-две кистью, отец отступал шага на три назад, всматривался в написанное, иногда наклонял слегка голову вправо и влево, опять подходил к полотну и снова отступал. Так работал он час или больше, потом клал палитру и кисти на деревянную скамеечку, стоявшую возле. В сиденье скамеечки было сделано продолговатое отверстие, куда вкладывались концы кистей, которые таким образом стояли в наклонном положении, не падая и не рассыпаясь. Все еще бросая взгляды на картину, отец отходил и садился отдохнуть в мягкое кресло. Мы, дети, радостно бросались к нему: я садился на одну ручку кресла, сестра Аня — на другую, а младшая Лида карабкалась на колени. Минут пять — десять все весело разговаривали. Отец смеялся, шутил. Потом его взгляд устремлялся к картине, он начинал отвечать односложно, замолкал совсем, осторожно освобождался от наших объятий, бережно опускал Лиду на ковер и, подойдя к картине, брал палитру, кисти и продолжал работать. Мы также умолкали или, играя, начинали разговаривать шепотом.

Иногда же в упомянутые короткие перерывы в работе, которые в таком случае несколько растягивались, отец читал мне что-либо по собственному выбору. Часто это были рассказы из «Записок охотника» И. С. Тургенева.

Надо сказать, что отца с Тургеневым связывала большая, глубокая дружба. Их взаимоотношения прекрасно освещаются в статье И. С. Зильберштейна «Тургенев и художник В. В. Верещагин (по новонайденным материалам)». О Тургеневе И. С. Зильберштейн говорит: «Сам хороший рисовальщик и карикатурист, превосходный знаток истории мирового изобразительного искусства, коллекционер картин, он живо интересовался и работами современных русских художников. Но ни о ком из тех, кто составлял гордость тогдашней русской школы живописи, Тургенев не писал с такой теплотой, никого не ценил так высоко, как Василия Васильевича Верещагина».

В беседах с нами отец старался внушить высокую оценку таланта Тургенева и глубокое уважение к нему. При этом в его голосе чувствовалось любовное отношение к Ивану Сергеевичу вместе с легким оттенком грусти. В мастерской висел портрет писателя. Помню, как однажды отец, подозвав младшую мою сестру Лиду, поднял ее поближе к портрету, говоря: «Посмотри. Вот это Иван Сергеевич Тургенев, русский писатель. Запомни!» Опустив сестру на пол, он долго смотрел на портрет. Потом, как бы усилием воли отрывая свои мысли от каких-то воспоминаний, круто повернулся и пошел продолжать работу.

Штормы на Черном море бывают главным образом в осенние и зимние месяцы, летом же — лишь в виде исключения и обычно меньшей силы. Но и тот, который нам пришлось наблюдать у Георгиевского монастыря в летнее время и только с берега, производил сильное и жуткое впечатление. Рыбаки в это утро не вышли в море. Их большие лодки были еще с вечера вытянуты далеко на берег, а они сами, используя свободное время, занимались починкой сетей. Купающихся не было, но довольно много публики пришло полюбоваться сильным прибоем волн. К этому месту пришел какой-то молодой, по-видимому, человек, разделся и направился в воду. Плавать в море при «мертвой зыби» не так уж трудно. Но пересечь линию прибоя и поплыть без того, чтобы набегающая волна не обрушилась на входящего в воду, не ударила его о камни и не отбросила назад,— для этого нужны умение и сила. Человек, за которым мы наблюдали, был, видимо, опытным пловцом. Он с силой нырнул в нижнюю часть падающей на него большой волны и, очутившись за ее «спиной», быстро поплыл в открытое море.

Все мы вместе с отцом находились на террасе перед домом в ожидании обеда. Отец, сам прекрасно плававший, с тревогой следил за неосторожным пловцом, который удалился на такое расстояние, что его невозможно было различить среди волн даже в бинокль.

Прошло более часу, когда мы увидели, что он возвращается и уже приближается к берегу. Не имея возможности отдохнуть, он, видимо, сильно утомился, так как плыл крайне медленно, а между тем самые тяжелые минуты ожидали его впереди. Если при сильном прибое трудно войти в воду, не дав сбить себя с ног, то еще труднее выбраться на берег. А между тем силы пловца были истощены. Несколько его попыток прорваться сквозь прибой окончились неудачей. Было ясно, что он становится игрушкой волн, которые начинали относить его от берега.

Отец, непрерывно наблюдавший за ним, торопливо передал бинокль матери со словами, что он сейчас побежит вниз и попытается спасти утопающего. Мать решительно запротестовала, говоря, что он не добежит скорее чем за двадцать минут, а это будет уже поздно. Но если бы даже этого не случилось, то он настолько утомится, что не будет в состоянии спасти утопающего и сам станет второй жертвой. На это отец уже на ходу возразил, что хотя она и права, но он не может смотреть, как гибнет человек, не сделав попытки спасти его. Мать уже с отчаянием в голосе отвечала: «Это же невозможно, чтобы никто не помог! Ведь там же рыбаки, которые все видят!» С этими словами она схватила бинокль и, посмотрев в него, радостно крикнула отцу вдогонку: «Вернись! На берегу уже что-то делают!»

Отец бегом вернулся и в бинокль увидел нескольких рыбаков, прибежавших с длинной веревкой.

Утопающий потерял сознание, но спаситель, хотя и оглушенный, крепко держал его, пока стоявшие на берегу не вытянули обоих волоком на безопасное место, откуда несколько человек вынесли их из воды.

Вышеописанный случай интересен главным образом тем, что он выявляет некоторые из основных черт характера моего отца. Прежде всего это активность, или, если можно так выразиться, «действенность», его натуры: всегда и во всех случаях жизни, когда ситуация требовала немедленного действия, отец не выжидал инициативы со стороны кого-либо другого, а принимал ее на себя, особенно если это было связано с опасностью. Он обладал сильной волей, которая, несомненно, составляет главную сущность отваги и решительности. Эта сильная воля давала ему возможность владеть своими нервами в минуты опасности, немедленно принимать решение и тут же со всей энергией претворять его в дело. Проявление инициативы не бывало обычно продиктовано личными интересами, и его активность носила в таких случаях жертвенный характер. Можно сказать, что принцип, выраженный словами «Сам погибай, а товарища выручай», был у отца врожденным.

В декабре 1901 года в Чикаго была открыта вторая выставка картин отца, которая затем перебывала последовательно в Вашингтоне, Сан-Луи, в ряде иных городов Соединенных Штатов и закончилась в Нью-Йорке в ноябре 1902 года.

Имя художника Верещагина было хорошо известно в Америке не только из прессы, сообщавшей о необычных успехах его многочисленных выставок как в России, так и в городах большинства стран Западной Европы: во Франции, Германии, Англии, Бельгии, Голландии, Дании, Австро-Венгрии. В отзывах серьезных печатных органов этих стран, трактующих творчество Верещагина, нередко можно было встретить такие эпитеты, как «великий», «гениальный художник» и «гений». Эти обстоятельства постаралась использовать подпольная мошенническая организация, которая при помощи грубого шантажа эксплуатировала артистов сцены, художников, скульпторов и вообще всех, кто добивался признания и расположения со стороны общественного мнения. За неделю до открытия выставки к отцу явились два «джентльмена». Ответ на вопрос о цели посещения пришедшие начали с комплиментов, говоря, что им хорошо известны успехи картин художника Верещагина как в Европе, так и при его первом посещении Соединенных Штатов. Но, говорили они, вкусы и настроения американской публики непостоянны и легко меняются. Ни один художник, как бы он ни был велик и известен, не может быть уверен в успехе. А между тем этот успех легко можно обеспечить, прибегнув к помощи организации, представителями которой они являются. Конечно, обработка общественного мнения требует значительных расходов, но получаемые результаты вполне окупают затраты, размеры которых тем больше, чем больше желаемый успех. Гарантия со стороны организации состоит в том, что договорная сумма выплачивается вперед в размере только трех четвертей. Остаток — после того, как проявятся желаемые результаты. Но в случае, если договор не будет заключен или договорная сумма не будет вовремя внесена, художник может быть твердо уверен, что его ожидает полный провал, против которого нельзя бороться.

Отец был возмущен дерзким вымогательством и особенно угрозами. Но, сдерживая по возможности свое негодование и стараясь говорить спокойно, он ответил решительным тоном, что «людей, осмелившихся сделать ему такое предложение, он не может считать джентльменами».

Для американца выраженное ему сомнение в его джентльменстве является величайшим оскорблением. Поэтому слова отца привели пришедших буквально в ярость. Они вскочили со своих стульев, засучили рукава и, едва отец успел занять позицию спиной к стене, чтобы не быть обойденным, они бросились на него с кулаками. Отец, по его словам, не обучался боксу и мог надеяться только на свою силу. Преимущество было явно на стороне нападавших, так как отражать удары, сыпавшиеся с двух сторон, было крайне трудно, и отец понимал, что при пассивной обороне эти два здоровых парня в конце концов его одолеют. Поэтому он изменил тактику и со всей энергией и силой, на которые был способен, бросился на того противника, который казался ему более опасным. Тот, по-видимому, никак этого не ожидал и в своей растерянности дал отцу возможность нанести такой удар, что грохнулся навзничь, головой к самой двери. Действие удара было не только физическое, но и психологическое: упавший вскочил и бросился вон из комнаты. Его компаньон, оставшись один, сильно струхнул и пытался улизнуть, но отец настиг его у дверей и дал ему такого пинка, что тот, пролетев сквозь дверь, растянулся во весь рост.

Победа отца была полная, но далась она ему не даром. Он получил много чувствительных ударов, а в тот момент, когда бросился на главного противника, второй нанес ему сильный удар над левой бровью, который едва не вывел его из строя. Хотя отец сразу же начал прикладывать холодные компрессы, вздувшаяся на лбу шишка окрасилась всеми цветами радуги, и прошло несколько дней, прежде чем он смог выйти на улицу. Что же касается угроз шантажистов, то были приложены все усилия для их осуществления. В первый же день открытия выставки, когда никто из публики и журналистов не мог еще видеть картин и о них судить, несколько небольших газеток напечатали резко отрицательные критические отзывы вместе с замаскированными выпадами против личности самого художника. Но уже со второго дня в большинстве солидных органов печати стали появляться хвалебные статьи влиятельных художественных критиков, которые постепенно аннулировали травлю и обеспечили выставке большой успех.

Герой Социалистического Труда Антонина Яковлевна Анурова.

ОТВЕТИЛИ ЛЮБОВЬЮ

Владимир **КАРПОВ**

Картину Леонардо да Винчи «Джоконда» я видел и у нас, в Москве, когда привозили шедевры Лувра, видел в Париже. Об улыбке Джоконды вот уже много лет пишут и толкуют эту улыбку по-разному, но до сих пор она считается загадочной, и никто не может объяснить, чему же улыбается эта женщина.

В нашей стране в музее изобразительных искусств для «Джоконды» была отведена зала. Люди стояли в очереди ночь напролет, чтобы войти в эту залу и полюбоваться картиной всего две-три минуты, отпущенные на каждую группу зрителей. Когда я смотрел на Джоконду, мне показалось, что она, улыбаясь, хочет сказать: «Странные вы люди. На меня вот смотрите. Но кто я и что я — не знаете. А рядом с вами живут тысячи прекрасных женщин. И красавицы и делами своими настоящие героини, но вы почему-то ими не любуетесь вот так, как мной».

И я сразу вспомнил замечательную женщину, на которую действительно надо смотреть с восхищением и любоваться ею. Живет она на Рязанщине. И тогда же я решил написать о ней очерк.

Много раз я бывал после этого на рязанской земле, встречался с героиней будущего очерка, но все же не чувствовал себя созревшим для того, чтобы взять чистый лист бумаги и рассказать о ней так, как мне хотелось.

И вот сейчас решился.

Герой Социалистического Труда Антонина Яковлевна Анурова — рабочая. Я много видел героев в боях, но преклоняюсь перед ее трудовым подвигом и уже много раз говорил ей слова благодарности и восхищения, да и не я один. Но сколько бы таких слов ни говорилось, чувствуешь всегда — их еще мало.

Она родилась в деревне Сидоровке, Рыбновского района, Рязанской области. Это есенинские места. Не броские, но красивые. Вроде бы ничего особенного: поля, леса, дороги, но почему-то сердце замирает, когда глядишь на все это. Однажды мы приехали с Антониной Яковлевной из Рязани в Сидоровку. Ходили по ее единственной заросшей травой улице. И молчали. Я понимал, что на мою спутницу нахлынули воспоминания, и не хотел ей мешать. Потом она тихо, даже вроде бы и не обращаясь ко мне, сказала:

— Вот здесь и детство мое и юность прошли. А по этой улице я с Мишей гуляла. Здесь и любовь наша расцвела. Я в колхозе звеньевой работала, а Миша — городской, токарь с завода «Рязсельмаш». Очень он мне понравился. Здесь мы и свадьбу отгуляли. А потом пришлось мне уезжать с мужем из этих вот родных наших красивых мест.

В городе жизнь Антонины сложилась так, что была она просто мужняя жена, или, как говорят, домохозяйка. Муж работал, а Тоня ждала его дома, готовила обеды, вела хозяйство. Родила дочку, ждали они второго ребенка. Но вот началась война. Муж ушел на фронт. У Антонины тяжело было на сердце и от опасений за судьбу мужа и от общей большой беды, которая навалилась на нашу страну. Тоня все думала, как бы помочь, как бы принести пользу Родине и помочь мужу, который сражается с фашистами на передовой. И она решила заменить своего мужа на заводе: раз он ушел, значит, в цехе место пустое осталось. Пришла она на завод, попросилась к станку мужа. Просьбу ее уважили. Но первые дни Ануровой было у этого станка страшно, ничего она понять не могла: рукоятки, шестерни, сверла пугали молодую женщину, никогда не видевшую такой сложной техники. Люди помогли, научили, она привыкла.

Завод в ту пору делал мины. И Тоне очень хотелось сделать этих мин побольше, потому что они помогут Михаилу на фронте. Она давала с каждым днем все больше продукции, а через некоторое время уже выполняла и даже перевыполняла нормы.

Вспоминая те дни, Антонина Яковлевна рассказывает:

— Трудно нам было. Цех не отапливается. Холодно. Замерзшие пальцы не слушаются, а руки грела о детали, пока они еще горячие к нам от печей поступали. И все думала: надо, надо побольше этих мин делать, может, они Мише там, на фронте, пригодятся. Он, когда на фронт уходил, только одно мне сказал: «Сбереги детей». У нас тогда одна Раечка была, а второго ребенка мы только ждали. А он уж обоих беречь велел. Вот я и работала и детей берегла.

Работала без выходных, смены двенадцатичасовые. А то и сутки напролет, когда надо. После смены бежала в детский сад за Раечкой, в детясли за Галей. Накормить их, обогреть в холодном доме надо. Растила я Галю и все думала: свидится ли она с отцом? Вернется ли он с войны? И надо же, выпало Мише неожиданное: повидал он дочку. Отморозил ноги на передовой, и отправили его на излечение. Привез Мишу санитар на тележке к дому. Я его в окошко увидела, побежала навстречу. И дети со мной: Раечка, Галя-то уже годик был, тоже бежит, ножками топает. Миша прежде всего ее увидел. Схватил, обнимает, целует. «Человечек ты мой,— говорит,— сверчок миленький». И уж только после нее нас увидел и поздоровался, целовать начал. Недолго был он дома, подлечил ноги, привез два воза дров, сказал: «Топи дом для дочек, не жалей дров». И снова ушел на фронт. Больше мы его не видели. Миша погиб. Товарищи его писали, что был он храбрым пулеметчиком. Вот таким коротким оказалось мое бабье счастье с Мишей.

После гибели мужа не пала духом Антонина Яковлевна. С еще большим упорством трудилась, по две нормы выполняла. И про себя отсчитывала: одна за Мишу, другая за себя. А когда однажды на заводе объявление повесили, что раненым солдатам кровь нужна, пошла и Антонина на донорский пункт.

— Были и какие-то свои радости, наверное, в те трудные дни, Антонина Яковлевна? — спросил я однажды Анурову.

— Были, конечно, немного, но были. Когда армия наша город какой-то освободит — радость. Или вот стала я по три нормы выполнять, и мастер называл меня теперь уже по имени-отчеству — тоже радость. Ну, а самая большая радость была у нас в ночь с восьмого на девятое мая сорок пятого года. Я в ночную смену тогда работала. И вдруг пришел к нам директор завода Василий Васильевич Новиков. Мы знали, у него большое горе — недавно, второго мая, погиб на фронте его сын. И вот вдруг Новиков приходит в цех и говорит нам в два часа ночи: «Дорогие мои, мы победили! Советская Армия разгромила немецких захватчиков. Вы, мои дорогие, работали, когда на стенах висели сосульки. Я видел, как кожа лопалась на ваших руках от холода, но вы работали. Я видел, какие вы были синие от голода, и как падали в обморок, и, приходя в себя, опять работали». Он низко поклонился и добавил: «Спасибо вам! А теперь идите домой, отдыхайте. Мы победили!» Победа — самое большое мое счастье в жизни...

Послушать Антонину Яковлевну, вроде бы ничего особенного она и не сделала. Работала, как все, не жалела сил. И если не задавать ей вопросы, не наводить рассказ на то, что люди о ней говорят, то от нее самой, пожалуй, и не услышишь много очень важного. Вот хотя бы про такое, большое, доброе и не каждому посильное дело. В годы войны на заводе появилось много детей — мальчиков и девочек, которые потеряли родителей. У одних они погибли, у других были на фронте или в оккупации, а третьи просто потерялись в эвакуационной суматохе. Как умели, помогали этим детям на заводе. А сами дети находили тех, у кого сердце потеплее: искали заботы и ласки. Пришли они и под крылышко Ануровой. Многим хватило ее душевного тепла. Сначала двух, по-

том еще трех, а потом еще десятерых стала учить Антонина Яковлевна токарному делу в своей бригаде.

Более двухсот подростков прошли за годы войны через ее добрые, заботливые руки. И научила она их не только работать, но и жить полнокровной, счастливой жизнью рабочего человека. Тогда еще не было звания «наставник». Но широкое сегодня движение наставничества, по сути дела, зародилось именно с заботливого отношения к молодежи таких вот добрых, государственно мыслящих людей, как Анурова.

Она не только учила ребятишек работать. Она вникала во все тонкости их жизни, помогала укрепить характер, прочно стать на ноги. Характеры и судьбы встречались разные: и сложные, и трудные, и порой, казалось, даже безнадежные. Но ни от кого не отступалась Антонина Яковлевна, ни одного из двухсот не отпустила от себя без твердой уверенности, что у человека светлое будущее.

Однажды прислали в ее бригаду девочку. Худенькая, глазастая, а в глазах — настороженность. «Ну, ничего,—подумала Антонина Яковлевна.— И я, когда впервые к станку подошла, тоже побаивалась. Привыкнет». Стала показывать ей что к чему, как крепить заготовку, как ее обрабатывать, а сама все про жизнь расспрашивала. Но девочка не раскрывалась, оставалась все такой же насупленной, угрюмой, неразговорчивой. Однажды выяснилось, что девочка эта из религиозной семьи, где вера, молитвы заслонили всю жизнь. И когда попробовала Антонина Яковлевна разубедить ее, Наташа строго и в упор ей сказала: «Я вас слушать не буду. Не позволю глумиться над верой!» Повернулась и ушла.

И если теперь я скажу, что Наташа через год стала комсомолкой и хорошим токарем, то за этими короткими словами нетрудно понять, какая трудная, большая и сложная была проделана работа Антониной Яковлевной для того, чтобы просветлить, очистить душу этой девочки.

Двести человек, двести жизней, двести судеб. И каждый пришел к ней со своей тяжестью, со своей бедой. И каждому помогла Антонина Яковлевна избавиться от этой тяжести. Именно поэтому в Указе Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда Антонине Яковлевне Ануровой сказано, что звание это дается ей не только за высокие производственные достижения, но и «за особо плодотворную общественную деятельность».

Недавно я побывал в Рязани. Навестил и Антонину Яковлевну. Ее тепло всем заводом проводили на пенсию. Но она по-прежнему часто бывает в цехе — теперь уже как председатель районного Совета наставников. Можно сказать, что у нее и сейчас несколько десятков учеников. И возится она с ними денно и нощно. Своих дочек уже вырастила, бабушкой стала, внуки есть. А этим, тоже своим, надо помочь. Не только токарному делу научить. Она и в общежитии у них бывает, смотрит, как они там устроены, уютно ли? И в музей и в кино с ними ходит. А кое-кому и в сердечных делах подсказать надо. Парни и девушки уже взрослые, о семейном гнезде кое-кто подумывает.

Побеседовал я с некоторыми из ее сегодняшних подопечных. Два брата Рожковы — Василий и Евгений — близнецы. На свет появились одновременно и в жизни поступают во всем одинаково: вместе окончили десять классов, оба решили стать рабочими, поступили в ПТУ, в один день вступили в комсомол. И, узнав об Ануровой, оба решили именно у нее проходить практику. И выбор этот неслучаен: не только высокое мастерство Ануровой привлекло этих парнишек. Они из большой, многодетной семьи. Их мать — Александра Валентиновна — мать-героиня, вырастила десятерых детей. И вот, оказавшись вдали от матери, которую они очень любят, Василий и Евгений потянулись к Ануровой. Ее душевное тепло, несомненно, сыграло здесь большую роль.

Я сказал Евгению:

— Скоро в армию. Где служить хотелось бы?

— В десантниках.

— А ты? — спросил я Василия.

— И я туда же. Иначе и быть не может! — ответил брат.

Далеко ушли трудные годы войны, но, к сожалению, кое у кого и в мирные дни судьба складывается неладно. И вот трудные ребята тянутся к Ануровой, да и сама она в силу своих убеждений, жизненного опыта, движимая огромной добротой своей, спешит на помощь именно к таким. У кого все хорошо, тому и помогать нечего.

Тяжело и даже трагически сложилась судьба Оли Н. В семнадцать лет уже под судом побывала. В тяжелое для Оли время увидела ее Анурова, помогла, взяла к себе в ученицы. Встретила Олю Анурова в воспитательно-трудовой колонии, куда как-то приезжала. И там во время выступления глаза ее сначала разглядела. Внимательные, добрые синие глаза. Не могла Анурова поверить, что такие глаза могут быть у порочного человека. Побеседовала с начальником колонии, разобралась в Олином деле. И действительно, нашлись смягчающие вину обстоятельства. Добилась Анурова: освободили Олю, посчитали ее срок условным. И вот ходит сегодня девушка со счастливыми, сияющими глазами. Стала для нее Антонина Яковлевна второй матерью. А мне Анурова, тоже сияя от радости, шепнула:

— Сережка один за ней ухаживал, хороший парень. Я других-то отваживала, не годились для Оли. А этот пускай. Глупые, дети еще, знаете, что они купили недавно? Холодильник! Огромный «ЗИЛ». Они поженились. Сейчас у них доченька родилась.

Аскер Гусейнов, с которым я тоже беседовал в тот день в цехе, рассказал, что он приехал из Азербайджана, узнав из письма друга об Ануровой. Друг его здесь, на «Рязсельмаше», работает. И вот, несмотря на то, что Гусейнов уже и в армии отслужил, человек вроде бы самостоятельный, все же приехал к Ануровой за советом, поддержкой. Их много таких. Сотни писем шлют они Антонине Яковлевне из разных городов страны. И она находит время всем им отвечать. Вот несколько строк из письма Сергея Исакова, присланного из армии:

«Здравствуйте, Антонина Яковлевна! Благодарю вас за поздравление, приятно сознавать, что тебя помнят на заводе, где началась рабочая биография, были сделаны первые шаги к самостоятельной жизни. Именно у станка я почувствовал себя настоящим человеком. Думаю, что выражу мнение большинства ребят и девчат, которые работают с нами: вы наш Учитель и в труде и в жизни... Служба идет хорошо. Меня избрали комсоргом. Скучаю о вас, о ребятах, о доме».

Слово «учитель» Сергей написал с большой буквы. И это очень правильно!

Я гляжу на простое, доброе лицо Ануровой, на ее внимательные, немного утомленные глаза, на седые пряди, появившиеся на висках, на морщинки, уже побежавшие от глаз и от уголков рта. И если бы мне природа дала дар живописца, я написал бы Антонину Яковлевну. Сюжет моей картины родился бы из эпизода, когда разгневанная тетка-баптистка, почувствовав, что Наташу вызволяют из-под влияния религии, пришла к Ануровой, чтобы проклясть ее! Но Анурова не стала с ней вздорить, а попросила посидеть в цехе, в сторонке, и посмотреть на ребят, как они учатся работать. И вот эта гневная баптистка, сначала хмурая, потом все более мягкая, оттаивающая, просидела в цехе несколько часов. Она сказала Антонине Яковлевне на прощание всего несколько слов: «Вы святая женщина». И ушла. И после этого уже не препятствовала своей племяннице Наташе строить новую, настоящую трудовую жизнь. Святая женщина!

...Вот я и нарисовал бы Антонину Яковлевну в центре полотна. И окружил бы ее такими сценами, где был бы и муж-фронтовик, отражающий атаку фашистов; и как она стелила своим дочерям вместо простыней мешковину; и как она в годы войны ходила на работу в ботинках мужа, которые ей были на пять размеров велики; как она резала свой паек и раздавала детям; как она тонкими, исхудавшими от голода руками с синими жилами поднимала и ставила в зажимы станка тяжелые мины; как она отдавала свою кровь раненым. И на празднике Победы, с сияющими на истощенном лице глазами, изобразил бы я ее. И на трибуне съезда партии, куда коммунисты избирали ее делегатом.

Думал я еще вот о чем. Много ли значит труд одного человека в общем балансе страны? Очень много, если человек трудится для всей страны, для народа.

Мало, если он работает только на себя. Можно собирать такой же, как у других, урожай, можно делать столько же деталей, сколько соседи по цеху. Но если в груди твоей горит беспокойный огонь, если у тебя пламенное сердце человека, любящего Родину, ты обязательно добьешься более высоких результатов. Сегодня мы уже говорим о творческом содержании труда, о том, что труд — это жизненная необходимость советского человека. Теперь мы все это понимаем. А зачинателями этого огромного, всенародной значимости массового трудового подвига были лучшие из лучших, самоотверженные, увлеченные люди. Вот такие, как Антонина Яковлевна Анурова.

Труд подобных людей отмечен по заслугам. Тот труд, который виден, который можно ощутить, пересчитать, если это детали, взвесить, если это хлеб. А как оценить труд души, сердца, ту большую любовь к людям, которая помогла многим стать на ноги, которая показала, как надо жить, работать? Как оценить замечательную героическую эстафету, которую Анурова передала многим людям? Иногда говорят, что это оценить невозможно. Да, верно. Такой труд нельзя оценить ни деньгами, ни золотом, ни какими-либо другими материальными благами. Такой труд оценивается только ответной любовью людей, только огромным уважением земляков.

Рязань.

Наставница и ее воспитанники. Фото М. Савина

Н. ДОЛГОРУКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Бережно, с любовью относятся в Польской Народной Республике ко всему, что связано с памятью о Владимире Ильиче Ленине.

В Варшаве и Гданьске, Лодзи и Новой Гуте его именем названы улицы, площади, заводы, парки.

В одном из зданий старинного Кракова находится музей Ленина. Шесть просторных, светлых залов экспозиции знакомят с деятельностью вождя во время его пребывания в Польше, показывают, как воплощались его идеи в рабочем движении, как претворяются они в сегодняшней польской действительности.

Рисую дома, где бывал Владимир Ильич, улицы, которыми он ходил.

Ягеллонский университет Кракова. В январе — апреле 1914 года здесь в залах библиотеки работал Ленин.

В один из погожих дней еду в горы, в деревушку Белый Дунаец, к подножию польских Татр. Там в небольшом деревянном домике, сохранившемся до наших дней, в мансарде у крестьянки Терезы Скупень, в 1913 году Ленин написал несколько статей, среди них «Капитализм и женский труд», «Рабочий класс и национальный вопрос», «Либералы и свобода союзов», вел также большую переписку с Россией.

Ильич любил прогулки в горах, любил встречать там восход солнца.

Неподалеку от Белого Дунайца находится Поронин. В 1947 году в этом местечке открыт Ленинский мемориальный музей. Книга отзывов посетителей музея заполнена записями на многих языках, в том числе на русском, польском, английском, немецком, чешском, румынском, японском, вьетнамском.

В моем путевом альбоме появились также рисунки, сделанные на металлургическом комбинате в Новой Гуте и судоверфи в городе Гданьске, которые носят имя Ленина. На Гданьской судоверфи строят суда и для нашей страны.

Путешествуя по ленинским местам в Польше, я убедился, как свято хранят здесь все, что связано с именем Ильича. Музеи Ленина в Варшаве, Кракове, Поронине посещают тысячи экскурсантов. У памятника Ленину в Поронине проходят многолюдные митинги. Польский народ гордится тем, что здесь, на польской земле, жил и работал вождь мирового пролетариата.

Поронин.

ЛЕНИН В

Краков. Музей В. И. Ленина.

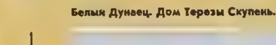
Флорианские ворота в Кракове. Сейчас здесь устраиваются художественные выставки.

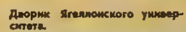

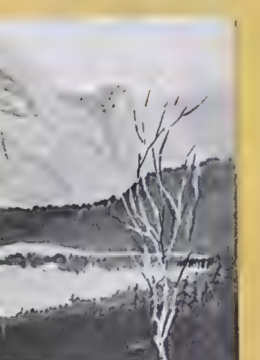
Татры — места прогулок В. И. Ленина.

Металлургический комбинат в Новой Гуте.

П О Л Ь Ш Е

Белый Дунаец. Дом Терезы Скупень.

Дворик Ягеллонского университета.

К 80-ЛЕТИЮ
МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В. И. ЧУЙКОВА

РОВЕСНИК ВЕКА

Иван **ПАДЕРИН**

До двенадцати лет его познания мира были ограничены долиной реки Осётр, где раскинулось большое село Серебряные Пруды. Село делилось на две части. На правой стороне, вдоль прямых улиц с домами под железными крышами, за высокими заборами жили люди «справные» — торговцы, прасолы, мастеровые; на левой — по косогорью и в низине теснились мелкие дворы, избы с ветхими оградами. Эта зареченская часть села называлась Кайманьевской Вытью. Лишь один крестовый выделялся тут среди подслеповатых изб светом шести окон, дом известного в округе силача по кличке Ионыч... Когда, бывало, слободы сходились стенка на стенку, Ионыч вставал в середину своих, и никто не мог устоять против него — кулак пудовый, удар резкий и точный.

У Ионыча было восемь сыновей и четыре дочери. Сильный и проворный, он всю жизнь не мог выбиться из нужды. Потому первые четыре сына—Петр, Андрей, Иван и Илья — еще до совершеннолетия уходили на заработки. В двенадцать лет стал проситься в Питер и пятый сын, Васятка.

— Иди, не держу,— с горечью согласился отец.

Повременив, Васятка вскинул котомку за спину, и прощай, родительский дом.

Перед калиткой отец, положив на плечо сына свою широкую ладонь, сказал:

— Живи по-честному. Верь простым людям, и они поймут тебя, не оставят в беде. В них вся сила. От беды народной не убегай. А солдатом станешь — стой за народ. Запомни, земля не терпит робких. За дело, за правду не жалей себя.

Слова эти отец произнес тихо. Но прозвучали они в ушах, как удары колокола, сильно, с протяжным звоном: «Верь простым людям...»

Через двое суток перед глазами паренька с котомкой открылся шумный и многолюдный Питер. Здесь ему предстояло найти дело, зарабатывать на кусок хлеба.

На том и кончилось детство Василия Чуйкова.

3 апреля 1917 года улицы и проспекты столицы заполнили колонны рабочих. Появились и моряки из Кронштадта. Все шли к Финляндскому вокзалу. Ринулись туда из шпорной мастерской Савельева семнадцатилетние юнцы во главе с Василием Чуйковым. Василий присматривался к морякам, у него уже три брата во флоте, кто-то из них должен быть тут. И не ошибся: в головной колонне вышагивал Илья, плечистый, стройный минер из Кронштадта. Заметив младшего брата, тот весело улыбнулся, подмигнул: дескать, держись за нас, за моряков, и все будет в порядке.

Вечером темноту привокзальной площади прорезали прожекторы. На ступеньках показалась охраняемая матросами небольшая группа людей. Среди них привлекал к себе внимание подвижный человек. Одну руку он держал в кармане, а другой быстро жестикулировал, разъясняя что-то на ходу.

— Ленин!.. Ленин!..—И площадь будто качнулась вперед, навстречу этому человеку. И вот он на броневике. Площадь затихла. Тишину прорезал звонкий голос:

— Товарищи...

Движения резкие, решительные, говорит, чуть наклонившись вперед. Он приветствует революционный русский пролетариат и призывает к борьбе за социалистическую революцию.

Прошло еще полгода, и Василий Чуйков стал слушателем Первых Московских курсов инструкторов Красной Армии, что размещались в Москве, в Лефортове. 2 июля 1918 года курсантов привели на митинг в Алексеевский манеж. Здесь Василий Чуйков снова увидел Ленина.

Владимир Ильич начал свою речь с родного слова:

— Товарищи...

Было похоже, что это не начало речи, а продолжение лишь прерванной беседы; заботы думы вслух среди верных друзей. И, вероятно, в этом и было его величие, что он вот так, одним словом, приближал к себе людей.

В память врезались слова гордости за человека с ружьем. И курсант Чуйков сделал для себя твердое заключение:

— Останусь человеком с ружьем на всю жизнь — это самая важная должность на земле — защищать трудовой народ.

В феврале девятнадцатого года началось новое наступление Колчака. Молодой краском, назначенный заместителем командира полка 28-й дивизии, участвует в оборонительных и наступательных боях. Василий Чуйков организовал ночное наступление на Мензелинск и освободил город от беляков, выиграл бой не восточном берегу реки Тойма... И в девятнадцать лет стал командиром полка!

Утром 7 мая 1919 года секретарь партячейки полка сказал:

— Сегодня вечером партийное собрание будет рассматривать твое, товарищ Чуйков, заявление о приеме в партию.

И Чуйков спрашивал себя: все ли сделано, чтобы стать полноправным членом той самой партии, которую создал великий Ленин? День приема в партию он считал вторым днем своего рождения.

За участие в боях в годы гражданской войны Василий Иванович Чуйков был награжден двумя орденами Красного Знамени, получил от ВЦИК именные золотые часы и золотое оружие.

Весть о нападении гитлеровской Германии на нашу Родину застала Василия Ивановича в Китае. Там он был военным атташе. Генерал-лейтенант, за плечами был уже опыт вождения крупных военных соединений в финскую войну, командовал армией, но вырваться из Китая удалось лишь весной 1942 года.

Назревало одно из самых крупных сражений второй мировой войны — Сталинградское.

— На фронт, скорее на фронт! — просил Чуйков, прибыв в Москву. И его просьба была удовлетворена.

Гудела задонская холмистая степь. Над дорогами клубилась густая рыжая пыль. На переправах через Дон скапливались огромные толпы людей, обозы, скот. Там же метались штабы отступающих воинских соединений и частей. Огромные косяки вражеских танков под прикрытием бомбардировщиков утюжили большую излучину Дона. Сюда прибыл Чуйков с частями 64-й армии. Он старался больше находиться на переднем крае, видеть своими глазами, в чем сила немецкой наступательной тактики, затем сказать свое слово.

И сказал на Аксае. Возглавив там «южную группу» наших войск, отступающих к Волге, он выбрал такие позиции, которые позволяли переходить в решительные контратаки. Несколько раз захватчики пытались переправить пехоту и танки на восточный берег Аксая и каждый раз с большими потерями откатывались назад. Контрудары наносились в темное время суток, когда авиация противника не могла действовать в полную силу. Только 6 августа бойцы Чуйкова захватили около сотни пленных, восемь орудий, много пулеметов и автоматов. Таким образом «южная группа» надежно прикрыла левый фланг 64-й армии.

Однако основные события развертывались в центре Сталинградского фронта.

Наступательную тактику, как установил Чуйков, немецкие войска строят по одной схеме, по одному принципу: авиационный удар, затем танки, за ними пехота. Значит, достаточно выбить из рук противника хотя бы один элемент из этой схемы, и машина наступления забуксует. В первую очередь необходимо найти верный ход против авиации. Его можно найти у стен города путем навязывания противнику ближнего боя.

12 сентября Военный совет фронта, по рекомендации Ставки, предложил Чуйкову принять командование войсками 62-й армии, на которую возложена оборона Сталинграда.

— Как вы, товарищ Чуйков, понимаете эту задачу? — спросили его, будто зная, какие планы он вынашивал до этого.

— Будут приняты все меры, чтобы город не сдать... Клянусь, оттуда не уйду.

Командный пункт 62-й армии располагался на Мамаевом кургане. Вместе с Чуйковым здесь находились член Военного совета армии К. А. Гуров и начальник штаба генерал-майор Н. И. Крылов. Войск в армии было крайне недостаточно. Дивизии Паулюса, приступившие к штурму города, имели многократное количественное превосходство в танках — в пять-шесть раз, не говоря об авиации — гитлеровские бомбардировщики и истребители господствовали в небе Сталинграда с утра до темной ночи. Как же быть? Можно ли сдержать бешеный натиск врага?

— Первичная крепость государства — человек. Об этом много раз говорил Ленин. Потому на первом плане в моих размышлениях той поры был солдат,— вспоминает ныне Василий Иванович.— Солдат — главный герой войны. Ему раньше всех приходится сталкиваться с врагом лицом к лицу. Порой он лучше знает психологию солдат противника, чем мы, генералы, наблюдавшие за боевыми порядками врага с наблюдательного пункта. Он тоже изучает характер врага. Я подчеркиваю — изучает, потому что природа дала ему ум, сердце, способность понимать не только волю своего командира, но и замысел противника. При столкновении с врагом на поле боя он острее других чувствует его моральные силы. В уличном бою солдат порой сам себе генерал. Надо дать ему только верное направление и облечь его, если можно так сказать, генеральским доверием.

Такая вера в способность рядовых защитников Сталинграда позволила Военному совету армии во главе с Чуйковым принять и осуществить много новаторских решений по организации обороны города. «Сократить нейтральные полосы до броска гранаты! Подтянуть вплотную штабы к переднему краю — пусть солдат чувствует и видит, что он не одинок, рядом с ним штабы, тогда он себя в обиду не даст и командира не подведет!»

И были найдены такие формы и методы борьбы, что ни один гитлеровский генерал не мог разгадать, в чем секрет стойкости большевистской крепости на Волге. Подвалы, лестницы, руины цехов, дома превратились в неприступные бастионы, гарнизоны которых не только оборонялись, но и переходили в контратаки, нанося захватчикам невосполнимые потери.

Оборона города обрела невиданную упругость. Более ста дней Паулюс бросал на улицы города тысячи и тысячи своих солдат, и каждый раз они застревали, а затем и гибли на подступах к Волге. Растянувшаяся вдоль берега узкая полоска обороны 62-й армии с острыми и частыми выступами напоминала пилу дровореза. Позже ее так и назвали — пила Чуйкова. По меткому выражению журналистов, она перепиливала шею Гитлера медленно, но верно, без остановок.

Чем закончились оборонительные бои за город, а затем вся Сталинградская битва — известно всему миру.

После Сталинградской битвы 62-я армия была переименована в 8-ю гвардейскую, и гвардейские полки армии Чуйкова пошли на Запад.

Завоевание плацдарма на Северском Донце, взятие Барвенкова, ночной штурм Запорожья!.. Затем Апостолово, Никополь, Одесса, Ковель-Вислинская операция, освобождение польских городов Люблина, Лодзи, Познани, захват плацдарма на западном берегу Одера в районе Кюстрина, наконец, удар по Берлину — вот вехи боевого пути, по которому провел гвардейцев Сталинграда В. И. Чуйков. Во всех важнейших операциях дивизии его армии действовали на главном направлении фронтовых ударов. И в каждой операции командарм обеспечивал успех за счет новых, неведомых противнику методов и тактических новшеств в организации наступательных боев.

В дни штурма Берлина армия Чуйкова действовала штурмовыми группами и отрядами. Вот где пригодился опыт уличных боев в Сталинграде. Эти тактические единицы, усиленные штурмовыми танками, самоходными орудиями и другими средствами разрушения мощных укреплений, продвигались к Тиргартену — центру Берлина — с юга.

Все было подготовлено к неотразимому удару, назначенному на утро 1 мая. Но в полночь Чуйкову доложили, что немецкая сторона просит принять парламентеров.

В 3 часа 50 минут на командном пункте Чуйкова, расположенном невдалеке от переднего края, появился начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ганс Кребс с парламентерами. Он пришел с заданием Геббельса и Бормана договориться об условиях перемирия. Однако в первую очередь Кребс решил ошеломить советского генерала сообщением о том, что Гитлер покончил жизнь самоубийством, но Чуйков не проявил особого интереса к такой «новости». Кребсу пришлось говорить об истинных целях своего прихода. Суть его речи сводилась к тому, чтобы советские войска прекратили огонь в Берлине и дали возможность собраться членам правительства, которое, согласно завещанию Гитлера, возглавляет Дениц, а затем начать переговоры об условиях перемирия.

— Никаких условий, только безоговорочная капитуляция!

Кребс сделал еще несколько дипломатических заходов ради достижения поставленной перед ним цели, но каждый раз Чуйков обнажал его хитрость и лживость.

Наконец Кребс пошел в открытую: начать сепаратные переговоры между правительствами, стороны которых понесли наибольшие потери в этой войне.

— Вопрос о перемирии или мире может решаться только на основе общей капитуляции. Таково решение наше и наших союзников.

И тут Кребс понял, что он наткнулся не просто на командарма сталинградской гвардии, а на весьма подготовленного политика.

Переговоры длились почти одиннадцать часов. За это время от КП Чуйкова был протянут телефонный провод в имперскую канцелярию. Прибыл заместитель командующего фронтом генерал армии Соколовский. И после консультаций с Москвой Кребсу были продиктованы пять пунктов о немедленной и безоговорочной капитуляции Берлинского гарнизона.

На рассвете 2 мая 1945 года начальник Берлинского гарнизона генерал Вейдлинг собственной рукой написал на столе Чуйкова приказ, который заканчивался словами: «приказываю: немедленно прекратить сопротивление».

К исходу первой половины дня 2 мая 1945 года в Берлине наступила тишина. С тех пор прошло почти тридцать пять лет. И ныне почетный гражданин Берлина Василий Иванович Чуйков почти ежегодно навещает столицу ГДР.

За мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны он стал дважды Героем Советского Союза, отмечен многими орденами и медалями. В марте 1955 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Василию Ивановичу Чуйкову присвоено звание Маршала Советского Союза. Он депутат Верховного Совета, член ЦК КПСС.

Глядя в колючие глаза этого человека, я мысленно возвращаюсь в его детство, вижу могучего хлебороба Серебряных Прудов Ивана Ионовича Чуйкова, провожающего добрыми словами своего сына с котомкой за спиной в далекий, трудный и славный путь. Ведь он и ныне выполняет наказ отца — служить своему народу.

после выступления «огонька»

СРАЖЕНИЕ ЗА СУНЖУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В журнале «Огонек» (№ 43 за 1979 г.) была опубликована статья Б. Протопопова «Сражение за Сунжу». Редакция получила письмо, авторы которого дополняют картину борьбы за охрану природы в Грозном.

Сразу же оговоримся — никакой полемики вокруг очерка. Эти строки — отнюдь не опровержение и даже не, как обычно пишут в таких случаях, информация о принятых мерах. Скорее это заявка на публикацию через полтора-два года, когда «сражение» за Сунжу будет закончено, когда полностью будет прекращен сброс недостаточно очищенных стоков в реку. Думается, читателям журнала небезынтересно будет узнать о дальнейшей судьбе Сунжи, вновь встретиться с героем очерка — рыбинспектором М. И. Кузнецовым, а также с создателями на промышленной основе первозданной чистоты Сунжи. Пока они еще, как говорят в таких случаях, остаются за кадром.

Так вот — несколько добавлений к истории «сражения» за Сунжу.

Город Грозный — бывшая заброшенная окраина царской России. Нефтедобыча и нефтепереработка развивались бессистемно. Жилые районы города оказались с подветренной стороны от заводов, а река Сунжа еще выше города по течению приемником сточных вод. Так промышленникам было удобнее и дешевле решать эту проблему.

После победы Октябрьской революции и разгрома белогвардейцев на Северном Кавказе в развитии нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности в Грозном началась новая эра. Во время Великой Отечественной войны Грозный стал одним из основных поставщиков горючего, смазочных материалов для Советской Армии, а в первые послевоенные годы — для восстанавливающегося народного хозяйства страны. Всерьез охраной природы еще не занимались, но уже в 50-х годах прямые сбросы нефтепродуктов со сточными водами были прекращены. Построили 13 нефтеловушек, там, где выпускались стоки в Сунжу, выпрямили ее русло, а на базе старого русла соорудили огромный пруд-отстойник сточных вод перед сбросом в водоем.

В шестидесятых годах обком партии и Совет Министров Чечено-Ингушской АССР приняли решение о проектировании и строительстве очистных сооружений. Ответственность за строительство Миннефтехимпром СССР возложил на наше объединение — «Грознефтеоргсинтез». Проектирование их оказалось делом чрезвычайно сложным. Для разбросанных здесь предприятий нефтепереработки и нефтехимии стандартные технические решения не подходили — нужен был индивидуальный проект. Много потрудились проектировщики харьковчане и Грозгипронефтехима — товарищи Н. Н. Смирнова, В. Г. Слепов, Г. М. Морозов и другие, прежде чем в 1963 году был утвержден технический проект первой очереди внеплощадочной производственной канализации и очистных сооружений. Тогда же наше объединение проявило хорошую инициативу — очистные сооружения «Грознефтеоргсинтеза» взяли на себя обслуживание всего промышленного узла и жилых районов города. Местнический подход к делу, узковедомственные интересы были отброшены.

В 1968 году вступил в строй первый пусковой комплекс биологических очистных сооружений. Тем самым прекращался сброс в водоем самых ядовитых стоков — с Грозненского химзавода имени 50-летия СССР. Одновременно была принята на очистку добрая половина стоков городской канализации и ряда промышленных предприятий.

Известное постановление правительства об охране Каспийского моря от загрязнения дало новый стимул водоохранному строительству. В 1970—1976 годы вступают в строй второй и третий пусковые комплексы биологических очистных сооружений, начинают действовать механические очистные сооружения сточных вод и блока оборотного водоснабжения ряда [illegible]

Сейчас на предприятиях нашего объединения полным ходом идет реконструкция и модернизация производства. Ни один объект не принимается в эксплуатацию без оборотного водоснабжения, без очистки сточных вод.

К услугам любителей рыбной ловли появились биопруды, заполненные очищенными сточными водами. Живут здесь караси, сазаны, зеркальные карпы. И теперь уже не в диковинку рыболов на берегу бывшей «мертвой» Сунжи.

Нефтепереработчики любят свой город, свою Сунжу. И как только появилась возможность догрузить станцию биоочистки, это было сделано без промедления. С 1978 года станция работает и на город — сверх своей проектной мощности, но с не меньшим эффектом. Ныне к ней подключена вся сеть городской канализации, масса крупных и мелких предприятий Грозного.

Но еще не все сделано — в Сунжу ежесуточно все же сбрасывается до 70 тысяч кубометров недостаточно очищенных сточных вод с предприятий объединения. Принято решение — и оно уже претворяется в жизнь — полностью прекратить сброс стоков в реку за счет расширения мощности биологических очистных сооружений. При этом учитываются и перспективы жилищного строительства.

Е. Ф. СЛЯДНЕВ,
заместитель главного инженера по охране природы,
А. А. БАЛАЯНЦ,
председатель объединенного комитета профсоюза

ЭТИ МИРНЫЕ КРАЯ

Владимир ЕНИШЕРЛОВ
Фото А. ГОСТЕВА

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора,
Уйти опять в пустынные дубровы
На берега сих молчаливых вод...

А. С. Пушкин

С утра морозный туман навис над Калинином — древней Тверью, окутал изящный Путевой дворец, построенный для Екатерины II, затянул серо-белесой мглой перелески и деревеньки, вдоль которых мы ехали дорогой Пушкина. И то, что знали мы: как стремился он этим путем к милым друзьям, в уютное тепло затерявшихся в старинных парках усадеб, где так покойно было укрыться от суеты столиц, жить и работать просто и неторопливо,— делало наше путешествие по Тверской земле похожим более на перемещение во времени, а не в пространстве. Казалось, не современное шоссе, а старинный тракт вел нас, и мелькавшие за окном размытые туманом дома с неподвижно зависшими над трубами белыми облачками дыма лишь усиливали это нереальное ощущение. Так прошло некоторое время, а затем в тумане стали видеться разрывы, вначале как бы форточки распахивались в подернутом плотной изморозью окне, и врывавшиеся в них полосы света выхватывали то какое-то фантастическое дерево, серебристо мерцающее в шубе невиданного инея, то небольшую избушку в сугробах снега, то строгий, застывший силуэт одинокой церкви. И вдруг туман растаял, произошло это неожиданно, в один миг. Мы взлетели на пригорок, господствовавший над окрестной равниной, снег, до того неторопливо сыпавший с неба, прекратился, солнце пробило оставшиеся еще очень легкие облачка, и все вокруг засветилось, засверкало, да так, что больно стало глазам. Тверские леса горели прозрачным серебром, блестел снег, укутавший поля, и от всей необозримой дали, представшей взору, исходило какое-то странное голубоватое сияние.

И, наверное, в такое же сказочное утро более полутора веков тому назад в Павловском, что совсем неподалеку от того места, где замерли мы сейчас в изумлении, выглянул Пушкин в окно старинного дома:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит,
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Здесь, в сердце северной России, на земле Верхневолжья, бывал он не раз. Еще в 1811 году возок мчал двенадцатилетнего Пушкина из подмосковного Захарова в Лицей. Путь лежал через Тверскую губернию. Москва — Петербург, главная дорога России, дорога Радищева, сколько еще предстояло Пушкину проехать по ней! А в незаконченном «Путешествии из Москвы в Петербург» остались главы, названные по именам тверских сел и городов: «Выдропуск», «Медное», «Торжок», «Городня». Исследователи подсчитали, что всего в Тверской губернии поэт бывал свыше двадцати раз, и проездом и специально, навещая в «этих мирных краях» друзей и многочисленных тверских знакомых, приятелей и приятельниц, которых он полушутя называл своею «истинною публикой».

Сейчас тверские пути-дороги Пушкина изучены тщательно. В самые последние годы появились интересные книги Л. Ф. Керцелли «Тверской край в рисунках Пушкина», А. С. Пьянова «Мои осенние досуги», которые будут сопровождать нас в путешествии по Тверской земле. Создано и так называемое Пушкинское кольцо Верхневолжья, охватившее места, связанные с именем поэта. Да и то сказать, какие замечательные произведения родились здесь. И «Анчар», и «Путешествие Онегина», и «Посвящение» к поэме «Полтава», и «Зимнее утро», и незаконченный «Роман в письмах», в котором есть слова, очень точно определяющие отношение поэта к уединенным тверским поместьям, где ему легко дышалось и работалось: «Вот уж две недели как я живу в деревне и не вижу, как время летит. Отдыхаю от петербургской жизни, которая мне ужасно надоела. Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да восемнадцатилетнему камер-юнкеру. Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет».

В октябре 1828 года, ночью на двадцатое, праздновалась в Петербурге очередная лицейская годовщина. В доме лицеиста Тыркова был и Пушкин. Он поздно покинул дружеский пир, оставив на прощание товарищам экспромт:

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав *ура*,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

Поэта ожидали в Малинниках, тверском имении Прасковьи Александровны Осиповой (в первом браке Вульф). Дружба Пушкина с Осиповыми-Вульф восходит еще к 1817 году, когда впервые посетил он псковское имение своей матери. Но близким, совершенно своим человеком стал опальный поэт для этого семейства в 1824 году, первом году михайловской ссылки. Милые хозяйки «Тригорского замка» были всегда рады Пушкину, и он платил им истинной дружбой и любовью. Достаточно вспомнить, что в роковой 1837 год единственному человеку доверил Пушкин тайну своей последней дуэли — баронессе Евпраксии Николаевне Вревской, младшей дочери Прасковьи Александровны от первого брака, той, кому посвятил он строки в V главе «Евгения Онегина»:

Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

Ждали в Малинниках Пушкина и другие тригорские барышни и, конечно, Анна Вульф, мучительно и безответно любившая поэта.

Ему было весело в Малинниках. Отошли, отодвинулись заботы и тревожные мысли, не покидавшие Пушкина в Петербурге осенью 1828 года, когда на черновиках «Полтавы» вновь появились страшные рисунки — виселицы, фигуры повешенных. Душевное равновесие и сердечный покой обрел поэт у друзей. Вот только провинциалы-соседи досаждали неумеренным любопытством. Но оно скорее забавляло, а не раздражало.

«Здесь мне очень весело,— писал поэт Дельвигу.— Прасковью Александровну я люблю душевно; жаль, что она хворает и все беспокоится. Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито; скажи это графу Хвостову. Петр Маркович здесь повеселел и уморительно мил. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович их взбуторажил, он к ним прибежал: дети! дети! Мать вас обманывает — не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут и всем вам будет по кусочку — дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина. Нечего делать — их повезли, и они сбежались ко мне облизываясь — но, увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили...» Не правда ли, как передает это свободное, раскованное письмо непосредственную атмосферу досуга, в которую погрузился поэт в Тверской губернии.

Но и работал здесь он очень много. Справедливо заметила Т. Г. Цявловская, что после смерти «Арины Родионовны поэт перенес свои пенаты из Михайловского в Малинники». «Ответ Готовцевой», «Ответ Катенину», «Поэт и толпа», «Цветок», завершение седьмой главы «Евгения Онегина», завершение «Анчара» — все они родились в тверском кабинете Пушкина.

— Не пощадило время дом в Малинниках,— говорит генеральный директор Калининского государственного объединенного историко-архитектурного и литературного музея И. М. Бружеставицкий, открывая калитку в занесенный снегом малинниковский парк.— Обветшалый дом разобрали в 1923 году. Сейчас мы приводим в порядок аллеи, лечим деревья парка, спускающегося к реке Тьме. Быть может, и дом со временем восстановим. Вот тут он и поднимется, на старом фундаменте.

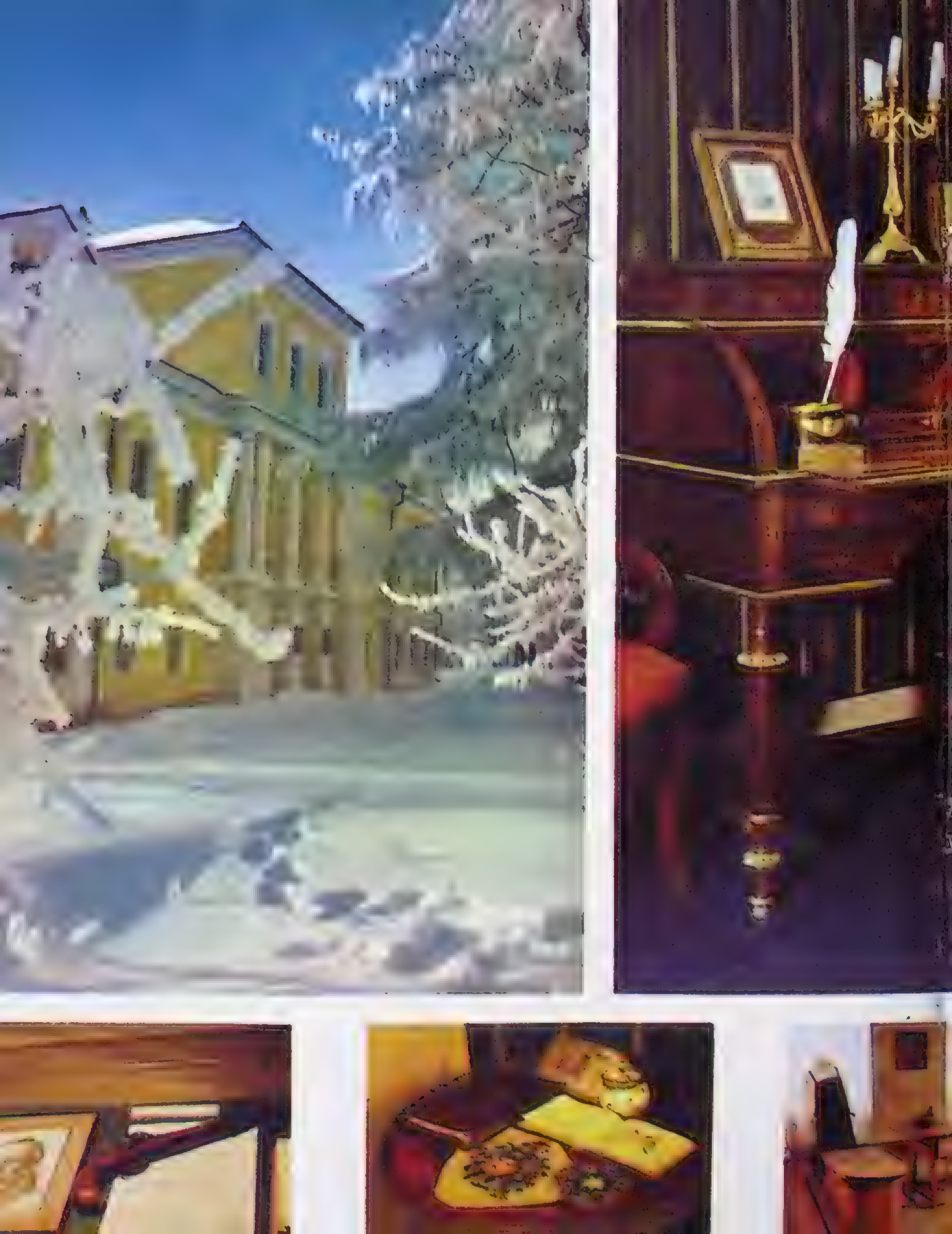
Но смотрите! Спутник наш резко повернулся и указал рукой на группу елей, с которых медленно осыпался в безветрии снег. Как будто какая-то тень легко мелькнула за деревьями и скрылась в глубь парка. Видимо, большая птица пролетела, задев ветви. А мы поверили в чудо. Его не произошло, но что может сравниться с ожиданием чуда в этом старом парке, когда, кажется, вот-вот возникнет на аллее фигура невысокого живого человека и послышится веселый пушкинский голос: «Хоть ма-

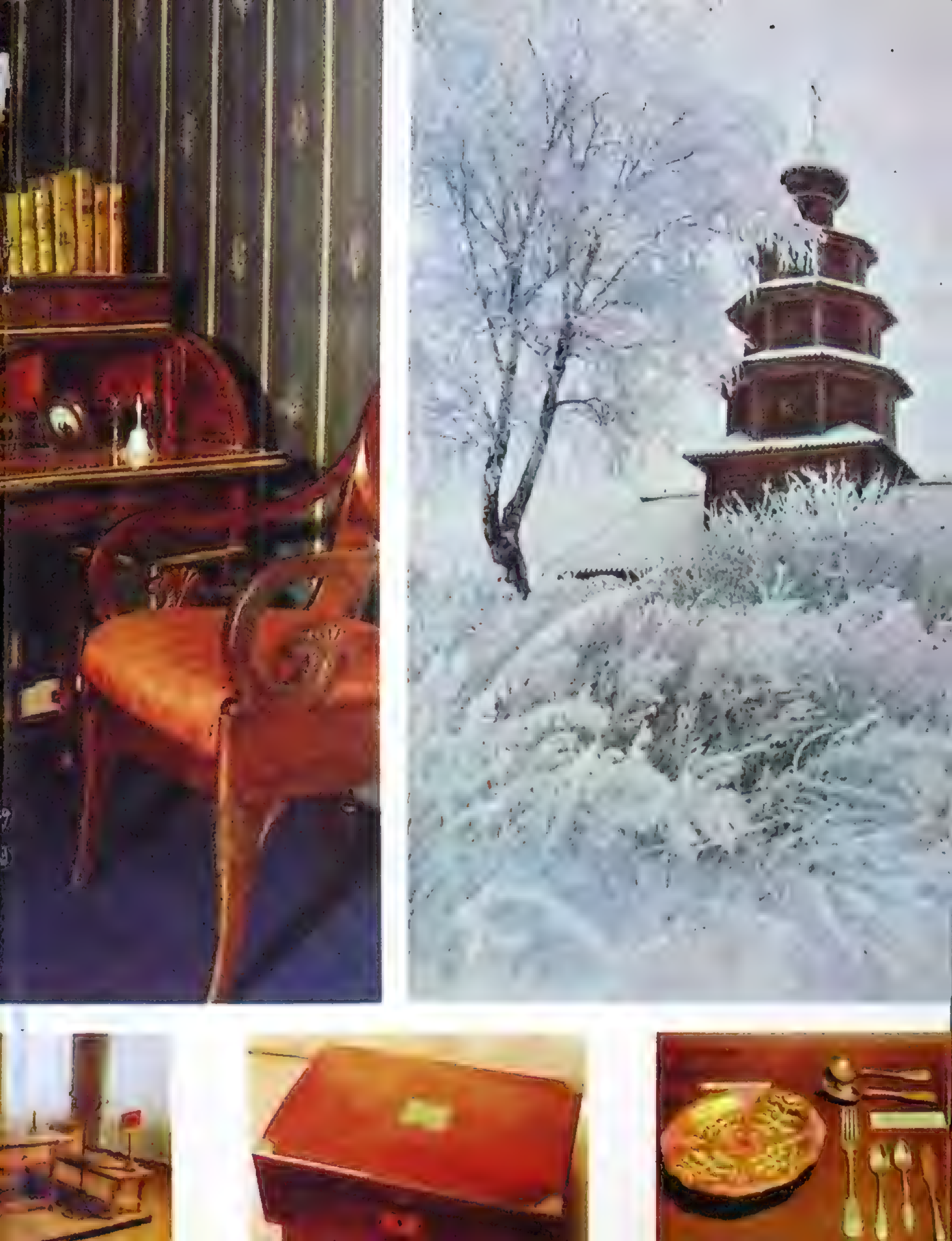

В доме Олениных в Торжке. Портрет Д. Е. Пожарской. Художник Т. Нефф * Один из залов Пушкинского музея в Торжке * «Идея дороги» зримо воплощена в музее.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Берново. Дом Вульфов, в котором жил Пушкин * Уголок музея поэта в Бернове * Церковь Вознесенья в Торжке (XVII век) * Вещи из музея в Бернове: пистолет Алексея Вульфа * Экспозиция, посвященная стихотворению «Цветок» * Обстановка крестьянской избы пушкинского времени * Шкатулка Евпраксии Вревской * Тарелка Вельяшевых и столовые предметы, найденные при реставрации дома в Бернове

линой не корми, а в Малинники возьмия. Так, вспоминали современники, любил он шутить.

В начале декабря 1828 года Пушкин неожиданно покидает Вульфов и спешит в Москву. Прасковье Александровне дано твердое обещание непременно быть к рождеству. Но Москва, Москва... Друзья, визиты, свет закружили поэта, и он возвращается в тверские края лишь в январе следующего года. На этот раз не в Малинники, а в крохотный уездный городок Старицу, где П. А. Осипова вместе с сыном Алексеем, приятелем Пушкина, и дочерью Анной гостила у родственников — Вельяшевых.

На удивительных местах умели ставить города наши пращуры. С крутого берега Волги особенно хороша панорама древней Старицы с одним из старейших монастырей северо-восточной Руси — Успенским, по преданию, заложенным иноками Киево-Печерской лавры Трифоном и Никандром. Глаз невозможно оторвать от ансамбля великолепных архитектурных памятников, которые теперь бережно реставрируют и сохраняют в Старице. Конечно, Пушкин, так любивший и знавший историю России, не раз любовался живописными зданиями Успенского монастыря, свидетелями времен минувших.

У крохотной Старицы, где вплоть до XVII века кипела жизнь, бушевали человеческие страсти, раздавались призывные звуки ратных труб», славное и трагическое боевое прошлое. С ним связана и народная легенда, повествующая о названии города. Во времена тверского князя Михаила Ярославовича, племянника Александра Невского, город осадили литовцы. Местные жители сделали подкоп под Волгой и утаили там имущество и драгоценности. Когда город пал, литовцы увидели, что грабить нечего. В отместку они перебили всех жителей, а город сожгли. Спаслась лишь одна-единственная дряхлая старица, притаившаяся в береговой пещере. И повелел тверской князь поставить на выжженной земле новый город, а от старухи получил он имя — Старица. Слышал ли Пушкин эту легенду? Возможно. Ведь и его не могло не заинтересовать необычное название гостеприимного городка и его герб с изображением фигуры старой женщины с клюкой.

Упоительным покоем и добротой веет от таких крохотных, затерянных в глубине России городов. Неповторимое ощущение близости и очевидности событий, которые происходили многие века тому назад, охватывает, когда идешь по сохранившим все очарование былого улочкам, застроенным двухэтажными домами, нижний этаж которых выложен обязательно белым камнем — знаменитым старицким известняком. И отзывается память...

Так же тонули в снегах улочки, так же летящими силуэтами выделялись на фоне неба древние соборы, когда Пушкин приехал в Старицу и направился к дому Вельяшевых. «В Крещенье приехал к нам в Старицу Пушкин...— записывает в «Дневнике» А. Н. Вульф.— Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском. С ним заключил я оборонительный и наступательный союз против местных красавиц, отчего его прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катенька Вельяшева), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокиту Фауста, осталась холодною: все старания были напрасны». Пушкин увлекся юной Катенькой,— живой непосредственностью, поэтичностью отличалась юная провинциалка от большинства его столичных приятельниц. Алексей Вульф пишет в «Дневнике» в дни пребывания в Старице Пушкина: «Здесь я нашел... Катеньку Вельяшеву, мою двоюродную сестру, в один год, который я ее не видел, из 14-летнего ребенка расцветшую прекрасною девушкою, лицом хотя и не красавицею, но стройную, увлекательную в каждом движении, прелестную, как непорочность, милую и добродушную, как ее лета». Пушкин танцевал с Катенькою Вельяшевой на рождественском балу, который давал Василий Иванович Вельяшев, и буквально не сводил с нее глаз.

— Жаль, не сохранился дом Вельяшевых,— говорит первый секретарь Старицкого райкома партии Зоя Иосифовна Михайлова, показывая нам город.— Но один особняк, где бывал Пушкин, цел. Его сняли Вельяшевы для приехавших в Старицу Вульфов у одного из местных купцов. Думаем на нем памятную доску установить.

Суровая на вид Зоя Иосифовна преображается, когда говорит о Пушкине, о родной Старице. При нас начала она вспоминать, что училась в школе в селе Курово-Покровском, бывшем имении Панафидиных, где сохранялись тогда еще вещи, связанные с Пушкиным.

Парковый павильон в усадьбе Знаменское-Раек * Парк в Малинниках снял серебром * Древняя Старица * Мельница, восстановленная в Бернове * Дом в Старице, в котором бывал Пушкин.

Радостно видеть, как бережно относятся жители калининской земли к своему прошлому, к памяти о великом поэте русском и его современниках. Вот и в древней Старице новые кварталы возводятся в стороне от старого города, чтобы не нарушить его облик, донесший до нас атмосферу пушкинской поры.

...А он в том далеком 1829 году пробыл в Старице всего несколько дней и вместе с Алексеем Вульфом помчался в Павловское, откуда вскоре в Петербург. Но юная Катенька не забылась, и дорогой родилось чудесное стихотворение:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел...

Она надолго осталась в памяти Пушкина, и на полях рукописей неоднократно появляются ее портреты, а в письмах встречается имя Вельяшевой.

Интересно и важно все, связанное с Пушкиным и людьми, его окружавшими. Поэтому с таким волнением я, уже вернувшись в Москву, рассматривал альбом семьи Вельяшевых, который хранится у прекрасного знатока русской истории и генеалогии инженера Л. Н. Вельяшева. И проходили передо мной лица тех, кого знал и любил Пушкин, о ком я много слышал на старицкой земле. Правда, большинство фотографий в этом старом альбоме относятся к пятидесятым годам прошлого века — заре фотографии в России, когда поэта уже не было в живых. На меня с небольших листов смотрела нарядно одетая дама, со спокойным красивым лицом — Екатерина Васильевна Жандр (та самая Катенька). А вот и ее родители: почтенный старик Василий Иванович и его жена, Наталья Ивановна, урожденная Вульф; и еще многие портреты близких и дальних знакомых Пушкина. Прикасаясь к таким реликвиям, словно вынырнувшим из глубин времени, еще резче и отчетливей осознаешь связь с минувшим, и странно, но ощутимо крепнет чувство сопричастности истории и тем людям, что молча и внимательно глядят с пожелтевших страниц старого альбома.

— Василий Иванович и Наталья Ивановна Вельяшевы похоронены у церкви в Бернове, вы видели их могилы? — спросил Лев Николаевич, когда я оторвался от альбома.

Нет, трудно было разыскать что-либо на старом, засыпанном снегом берновском кладбище, да и приехали мы в Берново под вечер. Ранние сумерки затянули парк, и в большом доме Вульфа уютно светились окна. Нас приветливо встретила заведующая музеем Серафима Павловна Орлова, а знакомила с домом Людмила Арсеньевна Казарская, заведующая литературным отделом Калининского государственного историко-архивного и литературного музея, одна из создательниц Пушкинского кольца. Все более увлекаясь, вела нас Людмила Арсеньевна из зала в зал большого берновского дома. Она была немногословна и как будто лишь напоминала отдельные детали, набрасывала штрихи жизни Пушкина, а перед нами возникла совершенно живая фигура поэта, который часто навещал и любил Берново. Наверное, такому впечатлению много способствовали уникальные вещи, с тщанием собранные в этом замечательном музее. Ведь каждый музей славен прежде всего подлинными реликвиями, и берновское собрание не уступает многим пушкинским коллекциям.

В этом доме тоже всегда ждали поэта друзья, и он с радостью приезжал сюда. Н. И. Вульф, сын хозяина усадьбы, вспоминал: «А. С. Пушкин писал свои стихотворения обыкновенно утром, лежа в постели, положив бумагу на подогнутые колени. В постели же пил и кофе. Не один раз писал так Александр Сергеевич тут свои произведения, но никогда не любил читать вслух, для других... Иногда Пушкин большими шагами ходил по гостиной, обыкновенно вполголоса разговаривая со своим собеседником...» А. Пьянов, приведя в своей книге эти слова, замечает: «Трудно сказать, какие именно строки созданы поэтом в древнем селе. Но то, что и оно было рабочим «кабинетом» Пушкина,— несомненно». И все же об одной берновской легенде в связи с Пушкиным нельзя не вспомнить.

Восстановили недавно на реке Тьме водяную мельницу. Ту, о которой писал Пушкин: «Вот мельница! Она уж развалилась, веселый шум ее колес умолкнул...» Именно здесь, как говорят местные жители, бросилась в омут дочь берновского мельника. Поэт, бывая в Бернове, узнал о ней, и у него родился сюжет «Русалки». А возможно, еще раньше, в Тригорском, услышал Пушкин от Осиповых рассказ о судьбе несчастной девушки. Во всяком случае, почти несомненно, что замысел «Русалки» восходит к трагедии, случившейся в Бернове.

Когда-то работал здесь И. Левитан над знаменитой своей картиной «У омута». Интересно вспоминает художница С. П. Кувшинникова: «Этюд для этой картины Левитан сделал в Бернове, в имении баронессы Вульф, на мельнице, куда мы ездили на пикник. Увидев Левитана за работой, баронесса подошла к нему и спросила:

— А знаете, какое интересное пишете вы место? Это оно вдохновило Пушкина к его «Русалке».

А затем она рассказала трагедию, связанную с этим омутом...»

Мы бродили по берновскому парку, приобретающему сейчас вид, какой имел он при Пушкине, спускались к Тьме, смотрели на едва различимый силуэт большого дома Вульфов, и я неотступно думал, сколько таланта, энергии и сил надо было затратить, чтобы создать в далеком калининском селе такой превосходный музей. В этом очерке уже упоминались имена людей, работавших на Пушкинском кольце. Но именно в Бернове хочется вспомнить так рано ушедшего из жизни художника Юрия Леонидовича Керцелли, стоявшего у истоков музеев поэта в Верхневолжье. И прекрасно, что в Бернове отдельный зал отведен картинам Юрия Леонидовича. А ныне у него талантливые последователи. Проходя по великолепным залам музеев пушкинского Верхневолжья, нельзя не назвать с благодарностью имена калининских художников, в деревнях и небольших городках самоотверженно работающих во имя истории и культуры: А. И. Боброва, И. С. Сурикова, Г. Н. Орёликова, О. М. Михайлова, Л. В. Фадеева.

Чтобы родилось и жило Пушкинское кольцо, требовалась огромная, напряженная деятельность партийных и советских организаций Калининской области и, конечно, любовь к родной земле и ее истории. И еще несомненно — ясное осознание великого значения национального прошлого для дальнейшего движения вперед. То, что совершается здесь,— пример творческого отношения к истории. Подумайте только: проложено 100 километров специальной «музейной» шоссейной асфальтированной дороги, построены гостиница и АТС в селе Бернове, благоустроены, отреставрированы, возрождены многие дома и парки. Все сделанное перечесть трудно. Когда мы говорили о состоянии музейных дел с нашими внимательными спутниками И. М. Бружеставицким и Л. А. Казарской, я посетовал, что вот-де пришло столетие Александра Блока, а травой забвения поросла его усадьба Шахматово. Людмила Арсеньевна очень серьезно взглянула на меня и сказала: «Как жаль, что не жил Блок в Тверской губернии». Да, жаль, потому что на калининской земле знают, что памяти нужно пристанище.

...Конечно, и здесь остается еще немало нерешенных проблем. Ждет, например, реставраторов величественный дом и парк Полторацких в Грузинах, куда приезжал и где живал Пушкин. Грустно сейчас в вымирающем парке, печально смотреть на запущенный, теряющий былой неповторимый облик, огромный, в 120 комнат, дворец, построенный Растрелли, помнящий и Пушкина и Анну Керн, подолгу гостившую в Грузинах в детстве и юности.

А разве дом отдыха, как это, увы, предполагается, должен быть размещен в изумительном памятнике архитектуры, возведенном по проекту выдающегося русского зодчего Н. А. Львова,— усадьбе Знаменское-Раек, истинной жемчужине архитектуры? Но какие-то равнодушные люди уже «воздвигли» близ усадьбы безобразные одноэтажные служебные постройки, а перед портиком с четырьмя колоннами появились футбольные ворота. Шумит всего в трех километрах от усадьбы автострада Москва — Ленинград. Тысячи туристов могли бы увидеть этот уникальный ансамбль, и какой великолепный музей можно было бы создать в доме, построенном Львовым. Ведь усадьба эта — произведение искусства, единственное и неповторимое. Так место ли здесь

для дома отдыха? Мне кажется, пока продолжается реставрация дома и колоннады, опоясывающей двор, еще не поздно всерьез задуматься над будущим замечательного памятника.

...Между тем мы приближались к Торжку. Помните знаменитую инструкцию Пушкина, написанную для С. А. Соболевского:

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.
На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.

Пушкин часто проезжал древний Торжок, знаменитый в его время золотошвейным промыслом, особенно шитыми золотом поясами. «Спешу, княгиня,— пишет поэт из Торжка В. Ф. Вяземской,— послать вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры...» Выставки таких изделий часто устраивались в гостинице Пожарского, где всегда останавливался Пушкин. Ему обычно отводилась комната с эркером на втором этаже. Пушкину очень нравился этот прелестный городок, украшенный архитектурным ансамблями зодчего Н. А. Львова и взметнувшейся над Тьмой изумительной деревянной церковью Вознесения.

Бывая в Торжке, Пушкин не раз заходил в длинный деревянный дом на Ямской, принадлежавший Олениным. С этим семейством поэт был тесно связан. Он сватался к Анне Алексеевне Олениной, которой посвятил стихотворение «Я вас любил...», но получил отказ. Теперь в старом доме Олениных музей — второй на Пушкинском кольце.

Узнаешь в нем о путях-дорогах поэта на тверской земле, ведь, как и знаменитым его героем, постоянно владела Пушкиным «охота к перемене мест (весьма мучительное свойство, немногих добровольный крест)». Прекрасно знал он быт ямщиков, станционных смотрителей, любил стремительный бег коней, жадно впитывал мимолетные путевые впечатления.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил.

«Дорожные жалобы» Пушкина стали как бы лейтмотивом экспозиции. В нее естественно вписались и сани, на которых мог ездить он, и дуга, сделанная в 1836 году, и полосатый верстовой столб, и чудесные валдайские колокольчики, и пожелтевшие от времени карты и подорожные, и скромная обстановка избы станционного смотрителя. Здесь же семейная реликвия Олениных — пушечное ядро, привезенное с поля Бородина, фамильные портреты и мемориальные вещи. Все они очень интересны, но один портрет привлекает внимание особое. На прекрасном своей простодушной наивностью полотне художника Тимофея Неффа изображена та знаменитая владелица «ресторации» Пожарских Дарья Евдокимовна, которую упоминает Пушкин в письме к жене: «Забыл я тебе сказать, что в Яропольце (виноват: в Торжке) толстая M-lle Pojarsky, та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я, встретя ее (?), ахнула».

Этот «путевой» музей очень тактично, ненавязчиво рассказывает о странствиях Пушкина, о его друзьях в Верхневолжье, об Анне Керн, чья могила совсем неподалеку от Торжка, на затененном соснами погосте Прутня. На белой мраморной доске читаем слова, принесшие бессмертие этой женщине:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

...А вокруг совершенно неправдоподобная тишина. Лишь чуть слышно шуршит снег, осыпаясь с высоких сосен на тверскую землю, которой выпало счастье любить «первенствующего поэта русского» и быть им любимой.

Николай САФОНОВ

ПОСЛЕДНЕЕ
СУДИТЬСЯ С

РАССКАЗ АДВОКАТА

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

Она вошла в юридическую консультацию как-то боком, осунувшаяся, в черном платке. Я с трудом узнал ее: Людмила Ивановна... Неужели что-нибудь случилось с Борькой? И как она узнала, что я работаю адвокатом?.. Судя по лицу, у нее какое-то горе. И потом, к нам с радостью не ходят. Один из клиентов как-то невесело пошутил: юридическая консультация что похоронное бюро... Не совсем верно, но и не так, чтоб уж очень неправильно...

— Где можно видеть адвоката Смирнова? Я поднимаюсь ей навстречу.

— Сергей?! Какой ты стал...

Людмила Ивановна с любопытством разглядывает меня, и у меня возникает даже такое ощущение, что она хочет потрогать меня рукой. Наверное, действительно я здорово изменился с тех времен, когда мы вместе с ее Борькой бегали в один детский сад, а она и моя мать работали в одной группе, с той лишь разницей, что Людмила Ивановна была воспитательницей, а моя мать — уборщицей.

— Садитесь, что же вы стоите, Людмила Ивановна...

— Спасибо...— И она пристроилась на краешке стула.

Я ни о чем ее не расспрашиваю, а молча жду, когда она заговорит. Но она неожиданно для меня заплакала... Я растерялся, потому что еще не привык к чужим слезам и не знаю, как ее утешить.

— Успокойтесь, Людмила Ивановна...

— Ты уж извини меня, старую...— все еще всхлипывая, выдавливает она из себя.

— Что случилось-то, Людмила Ивановна?

— И не спрашивай... Сама поверить не могу... На суд вызывают... Вот...— И она протянула мне повестку.

Читаю: «Кирилина Л. И. вызывается в суд в качестве ответчика»... Я облегченно вздыхаю.

— Что же вы так расстраиваетесь?.. Это же гражданское дело.

Теперь я уже мог рассмотреть ее более внимательно. Она здорово сдала и не казалась такой самоуверенной, как в далеком детстве, да и постарела она заметно.

— Сын родной, Борька... на меня в суд подал...— И она снова заплакала.

— Да ну! — Я даже привстаю с места и наклоняюсь к ней, словно желаю получше расслышать, что она сказала.

Жду, пока она успокоится. Но удается это Людмиле Ивановне не сразу.

— Я тут на днях в магазине встретила одну нашу бывшую сотрудницу и узнала, что ты работаешь в суде... В одной квартире не ужился с матерью... Делить на суд подал...— И, передохнув, зло добавила: — Это все она... красавица его воду мутит...

Мне не нужно было объяснять, кто это такая загадочная она — жена сына.

— Пока сам-то жив был, она сидела тихо, молчала... А как схоронила, так и подняла голову, осмелела... Пришла на все готовенькое, и не нравится, видите ли, ей... Я-то за эту квартиру всю жизнь работала... Ты, наверное, помнишь, в какой хибаре мы жили.

Да, я помнил. Несколько раз мне приходилось бывать у них в квартире вместе с матерью. Моя мать тогда мыла полы за Людмилу Ивановну в местах общего пользования. И от этого воспоминания, помимо моей воли, что-то злобное и нехорошее всколыхнулось в моей душе к Людмиле Ивановне, и я даже инстинктивно отодвинулся от нее вместе со стулом. «Вот, мол, раньше мать зависела от вас, а теперь вы от меня...» Стоп, стоп, стоп... так же нельзя. Она же не виновата, что мы жили бедно и нас у матери было четверо и она брала любую работу, чтобы прокормить нас... А сейчас у человека горе, и я обязан ей помочь...

— И что обиднее всего, Сергей, в собственной квартире за человека не считают... Нет чтобы по-хорошему договориться, так она, как собаке, бросила повестку на суд мне и Ниночке...

— Давно у вас такие отношения?

— Да уже года три, как Нина развелась и пришла к нам жить...

— Что же вы не поделили?

— Я и сама не знаю... Три комнаты у нас... В смежных мы с Ниной, а в изолированной Борис со своей...— И она презрительно сморщила губы.— Тесно, видите ли, им стало... В кооператив собрались, а им отказали, нам на двоих слишком большая площадь остается... Они и решили отыграться на нас, разменять квартиру и засунуть меня на старости лет опять в коммуналку...

«У них, наверное, не раздел жилплощади, а принудительный обмен»,— догадываюсь я.

— Людмила Ивановна, вас уже вызывали в суд на переговоры? И вручили копию искового заявления?

— Эту филькину грамоту, что ли?..

«Филькиной грамотой» оказалось исковое заявление о принудительном обмене. Бумагу писал юрист. Форма соблюдена, и даже имелась ссылка на статью закона. Но все равно сквозь написанное просматривается правота моей доверительницы.

— Одна ложь там написана... И что мы ругаемся чуть ли не каждый день... И что я их притесняю... Все неправда... До того дошли, что даже внучку не подпускают ко мне, пугают бабкой...— И она отвернула свое лицо.

Я понимаю ее обиду и боль. Ей, проработавшей с детьми всю свою жизнь, собственный сын не доверяет ребенка. Придумать что-либо более жестокое они, наверное, не смогли. Причинить боль матери, как известно, не трудно, просто мы подчас не замечаем, как обижаем своих родителей. И впервые за все время нашей беседы у меня что-то теплое шевельнулось к Людмиле Ивановне, и я понял, что соглашусь вести ее дело. Дочитав заявление до конца, ободряюще смотрю на Людмилу Ивановну.

— Я согласен вести ваше дело в суде, и мы выиграем его...

В моей голове уже роятся слова, с которыми я обрушусь в суде на ее сына и его жену.

— Спасибо, Сергуня...

В первый раз она назвала меня Сергуней в детском саду, когда нам с трехлетним братишкой Витькой было очень плохо. Но брат вряд ли помнит это, а я, пятилетний мальчишка, сохранил те события в своей памяти на всю жизнь.

Сначала заболела сыпным тифом сестра, а за ней старший брат, и мать, которая не отходила от них, на третий день их болезни свалилась тоже. Мы с Витькой остались одни, но почувствовали это не сразу, а лишь когда за нами никто не пришел в детский сад. Мы с братом еще не понимали толком, что произошло, и носились галопом по опустевшим комнатам и коридорам. А потом стало темно и страшно, и мы забились в угол, где нас и

ДЕЛО МАТЕРЬЮ

нашла сторожиха тетя Поля. Она привела нас к себе на кухню. От нее пахло теплом и чем-то вкусным. Она не только сторожила, но и мыла на кухне посуду, котлы, топила плиту. Тетя Поля накормила нас и уложила возле плиты... А утром мы снова бежали в группу. Я и брат так привыкли к тете Поле за время болезни нашей матери, что ждали вечера и особенно любили слушать, как она рассказывает сказки. А каждое воскресенье мы вместе с ней ходили в больницу к матери. А потом это все как-то сразу кончилось: и котлы, и кухня, и тетя Поля. Сад закрыли на ремонт, и мы снова остались беспризорными. Тетя Поля не могла нас приютить, у нее просто не было своей комнаты, она сама снимала угол. Вот тогда-то нас и взяла к себе Людмила Ивановна, и мы почти целый месяц жили у нее. Здесь я и познакомился с ее Борькой как следует и даже подружился. И потом, уже школьниками, когда детский сад выезжал за город, мы, как дети сотрудников, отдыхали вместе с родителями, и не одно лето я встречался с Борькой... А потом надолго расстались, и вот мне снова предстоит встретиться с ним, но уже как с противником...

Борька — и вдруг позволил себе такое! Судиться со своей родной матерью! Я верю и не верю себе, но передо мной сидит его мать и все всхлипывает.

— Знаешь, как судья на меня кричала... Молодым мешаете жить, вмешиваетесь в их дела... А где я вмешиваюсь? Если сказала, что детскую кроватку лучше поставить в моей комнате, а не в проходной...

— Успокойтесь! Я поеду в суд, посмотрю дело, и тогда мы поговорим более конкретно. Может быть, Борис в суде и откажется от своего иска... Миром все уладим...

— Я уже пробовала... Она со мной и разговаривать не хочет... Обращается как с чужой, а он-то бы не против помириться...— И что-то вроде вымученной улыбки появилось на ее лице.

— Ничего, в суде заговорит по-человечески...

— Ты уж постарайся, Сергуня...— Людмила Ивановна что-то протягивает мне в свертке.

Я отшатнулся от нее и покраснел, словно школьник, уличенный в списывании. Обернулся кругом. Не заметил ли кто из адвокатов моего смущения? Нет, вроде все так же, каждый продолжает заниматься своим делом. «Ты уж постарайся, Сергуня...» Противная фраза и такая заискивающая!

Заметив во мне перемену, Людмила Ивановна быстро убрала сверток в сумку.

— Ты извини меня... Я не хотела обидеть тебя... Маме твоей небольшой подарочек хотелось сделать...

Уж лучше бы она не говорила этих слов. «Маме подарочек».

Пятнадцать лет мать работала вместе с ней, и ни разу я не слышал, чтобы она дарила что-нибудь. И я чувствую, как раздражение начинает подниматься во мне. Сейчас это чувство ни к чему хорошему не приведет, и я усилием воли давлю его в себе.

— Я не обиделся... Приходите послезавтра. Я уже к этому времени съезжу в суд, посмотрю дело... Вот тогда все и обсудим что к чему... Договорились? — И я провожаю ее до двери.

Возвращаюсь на свое место, но принимать клиентов уже не могу. В голове все перепуталось. Борька — и судится с матерью.

Еще раз читаю заявление: истца — Кирилина Бориса Саввича по делу с ответчиком — Кирилиной Людмилой Ивановной... «Моя семья — я, жена и ребенок — проживает в трехкомнатной квартире вместе с ответчиком (а не матерью) и ее взрослой дочерью (а не сестрой). У нас сложились неприязненные отношения, и мы часто скандалим... Прошу суд принудительно переселить ответчиков в комнату размером 18 метров, расположенную по адресу...» Подпись. Четкая, по-военному прямая... Вот и все, но за этими холодными, равнодушными словами видится квартира и жизнь ее обитателей. Близкие по крови люди каждый день ходят по комнатам, стараясь не смотреть друг на друга, забираются каждый в свою комнату и сидят в них, как тараканы в щелях.

Отрываюсь от заявления, но занять свои мысли чем-либо другим уже не могу. Почему меня так волнует это дело? Обыкновенное гражданское дело, и я знаю сотни других случаев, когда судятся близкие родственники. Ах да, Борька...

Борька сразу узнал меня, узнал и как-то виновато отвел глаза в сторону. Мне даже показалось, что офицерский мундир, который до этого сидел на нем как влитой, вдруг повис мешком. Первым его движением было стремление подойти ко мне и заговорить, но он лишь рванулся и застыл на месте, словно устыдясь своего порыва. Мне тоже хочется поговорить с ним, но сейчас я не имею права делать это. Мы с ним противники, процессуальные, но противники. Я защищаю интересы матери, а интересы Бориса представляет другой адвокат. Его адвоката я знаю, и он меня не очень-то волнует, гораздо больше меня интересует жена Бориса. Я много о ней наслышан от Людмилы Ивановны, и когда она появляется в зале, я сразу узнаю ее. Она некрасивая, и что-то хищное просматривается в ее лице, хищное и злое. «Такая может так толкнуть на кухне, что обломаешь бока». И я уже по-другому воспринимаю жалобы Людмилы Ивановны на сноху и ее несносный характер.

Людмила Ивановна находится здесь же, в зале, но только в другом конце. Так всегда располагаются спорящие стороны, сядут в разные концы и не смотрят друг на друга, хотя до этого дня съели вместе не один пуд соли. С моего места их хорошо видно. Дочь с матерью сидят печальные, их же противники, напротив, в более веселом расположении духа, смеются даже. Но я-то знаю, что эта веселость показная. И хотя у них не скребут кошки на душе, как у Людмилы Ивановны, а и они волнуются за исход дела. Как-никак, в суде они впервые. Правда, со слов Людмилы Ивановны, судья более благосклонно настроена к Борису. Здесь не последнюю роль сыграла его военная форма. Но это еще ничего не значит. Часто по гражданским делам бывает так, что судья резок к одним и мягко стелет другим, а решение выносит в пользу первых. Есть такая примета, но все равно неприятно начинать дело с отрицательным балансом. Нужно переламывать настроение судьи и склонять ее на свою сторону, а это не всегда удается сделать. Даже когда шансы на выигрыш высоки. Уж слишком неравноценный обмен. Понимает это, как мне кажется, и адвокат Бориса, но не показывает вида. Пока есть свободная минутка, я еще раз перечитываю досье. Искоса наблюдаю за Борисом. Он пришел в себя от столь неожиданной встречи со мной. Но вот сразу как-то все стихает, прекращается ходьба, и глаза всех устремлены в одну сторону, на совещательную комнату, откуда должны появиться судьи. Слышно, как гремит дверца несгораемого сейфа за стеной, и я понимаю, что через несколько секунд суд выйдет в зал. Так оно и есть. Все встают, а затем снова усаживаются на свои места. Судья открывает процесс. Я вдруг вижу себя стоящим перед судом и рядом свою мать, представляю и поеожу плечами. Ощущение не из приятных. Нет, что бы ни случилось, мать всегда права, она у меня святая. Все матери святые... Но судья уже приступила к делу, и нужно быть начеку.

— Встаньте, истец... Назовите полностью вашу фамилию, имя, отчество и изложите перед судом свои исковые требования...

Борис встает. Я вижу, как на него смотрит Людмила Ивановна. В ее взгляде нет злости против сына, а что-то вроде недоумения с сожалением. Она все еще надеется на чудо: вот сейчас он подойдет к ней и скажет: знаешь, мать, извини меня, какое-то затмение нашло на нас,— и она разрыдается от напряжения, которое держит ее в своих тисках все это время. Но Борис не подходит и не извиняется перед ней, а, посмотрев на свою жену, довольно бойко начинает говорить. И тогда я

понимаю, что чуда не произойдет. Он говорит, а я чувствую, как во мне закипает злость. «Ну, подожди, я тебе выдам...» А Борька продолжает разглагольствовать. Он так свободно себя держит, словно ему каждый день приходится бывать в суде. На мать даже не смотрит, зато она не сводит с него глаз. Не дай бог, чтобы моя мать на меня так смотрела! И чем больше говорит сын, тем трезвее становится ее взгляд, и она понимает, что Борька — это уже не ее Борька, не тот, которого она вынашивала, нянчила, ласкала, дрожала над каждым его движением, отдавала ему свой последний кусок, а перед судом стоит чужой ей человек, злой, жестокий и притом неглупый, умеющий хорошо говорить...

— Я понимаю, что поступаю не совсем хорошо... но и жить дальше так нельзя...

«Вот стервец, выбивает из рук главный козырь... Понимает, что к чему...»

— Отдельно будем жить, отношения с матерью наладятся...

— Никогда не прощу...— не выдерживает и кричит с места Людмила Ивановна...

— Ответчица, делаю вам замечание...— бросает судья.

— А мне теперь все одно... Я лучше на кладбище поеду... Два метра положено, их-то уж у меня никто не отнимет и не обменяет... Чем в ту дыру, куда они хотят загнать меня по обмену...

Судья снова делает замечание Людмиле Ивановне, но она уже, видно, сама поняла, что не сдержалась, и извиняется перед судом. Я смотрю на Бориса и тут замечаю, что ему не совсем приятно стоять перед судом. А судья продолжает задавать ему вопросы:

— С какого времени у вас установились неприязненные отношения с матерью?

Рано или поздно Борису должны были задать этот вопрос. Дело в том, что при принудительном обмене обязательно нужно установить и доказать, что между сторонами существуют враждебные отношения и в квартире создалась обстановка, в которой невозможно совместно проживать, и истец, то есть Борис с супругой, должен доказать, что источником ссор является Людмила Ивановна. В противном случае суд при всех прочих условиях откажет в иске. Борис мнется и не отвечает сразу. Видно, ему неловко лгать. Людмила Ивановна клялась мне, что она ни разу не ругалась ни с сыном, ни с его женой.

— Как понимать — неприязненные?..

— Были ли ссоры, когда и кто может это подтвердить...

— Мы ж интеллигентные люди... и, конечно, никогда не дрались, не выбегали на улицу из квартиры, не кричали на весь двор. А ссоры возникают у жены с матерью из-за пустяков: не так поставили коляску, не там повесили тряпку, а жена тоже молчать не любит... Вот они и не могут ужиться...

— Какая мелочь... Из-за этого пришли в суд? — не верит ему даже судья.— А на приеме расписывали такое...

— А потом, мы фактически втроем живем в одной комнате, а мать с сестрой занимают по комнате...

«На чем играет... Знает ведь, что никто не проверит, и говорит неправду...»

— Правда это? — обращается судья к Людмиле Ивановне.

— Нет, конечно... Они до суда все время занимали смежные комнаты, а переселились в маленькую совсем недавно.

— Продолжайте, истец.

— Я прошу суд принудительно разменять нашу квартиру и переселить мать с сестрой в комнату 18 метров по адресу... А я сам со своей семьей перееду в комнату размером 22 метра.

Я уверен, что этот вариант у него не пройдет. И не потому, как думает Людмила Ивановна, что суд никогда не переселит ее из отдельной квартиры в коммунальную, нет. У меня хорошая юридическая зацепка, и судья это уже поняла. Просто по закону нельзя ухудшать положение одной из сторон, к тому же Людмила Ивановна и ее дочь — два самостоятельных члена семьи, и их нельзя поселить насильно в одну комнату.

— А вы пробовали найти другой вариант обмена, и не через суд, а миром...

— Нет, это первый...

Я быстро записываю слова Бориса себе в досье. Но на основной вопрос я все еще не получил ответа: почему люди, очень близкие, фактически из-за мелочей отравляют себе жизнь и не замечают, как становятся врагами. Я смотрю на жену Бориса и вижу, что она буквально рвется в бой и ждет только того момента, когда судья предоставит ей слово. Я стараюсь понять ее и что-то найти в ее оправдание. Молодая семья, есть деньги, желание быть полновластной хозяйкой, а жить приходится вместе со свекровью да еще подчиняться ей. Но можно, наверное, было и по-хорошему решить этот вопрос, не доводить его до суда. И, словно подслушав мои мысли, судья задает ей вопрос:

— Ну, расскажите нам теперь вы, что же все-таки не поделили...

Супруга Бориса слово в слово повторяет сказанное мужем, кого и куда нужно переселить, и, помолчав немного и даже потупив голову, добавляет:

— Со стороны может показаться, что Борис плохой сын... Судится с матерью... Но мы долго терпели и больше не можем... Все не так, все не этак... Ведро не вынесешь — плохо, плиту не протрешь — тоже нехорошо, тряпку не там повесишь — опять ругается... Она хозяйка, а я нет... А почему я ей должна подчиняться? — «Вот и показала свои коготки... Давай, давай, милая». Но супруга Бориса, словно спохватившись, уже другим голосом добавляет: — Я не скажу, что Людмила Ивановна такая уж плохая, но жить с ней вместе нам нельзя...

— А почему бы вам и не уважить старого человека? — неожиданно для меня задает вопрос женщина-заседательница.

Честно говоря, я не ожидал помощи с этой стороны и очень обрадовался вопросу заседательницы. Но супруга Бориса молчит.

— Значит, не желаете говорить? — продолжает заседательница.

— А вы бы на моем месте как поступили? У меня своя семья, и я должна думать о ребенке, муже... Что ж, так всю жизнь и ютиться в одной комнатенке?

— Вы же сами не хотите занимать смежные комнаты...

— Чтобы они ходили через нас...

— А что вы добьетесь обменом? Одну комнату в коммунальной квартире... А может, здесь кроется что-нибудь другое?

Ответчица молчит и сказать правду не решается. А правда очень проста. Для них обмен — своего рода трамплин к кооперативу. Они сдадут свою комнату в райисполком, их примут в кооператив, а мать с дочерью так на всю жизнь и останутся в коммунальной квартире.

— Послушаем, что скажет противная сторона,— выручает ее судья.

— Все, что они здесь говорили, неправда. Никаких скандалов у нас не было. Это все ее выдумки, а что касается замечаний, то я ей действительно их делала. Но это к обмену никакого отношения не имеет. Просто она хочет вступить в кооператив, а меня с дочерью снова запихнуть в коммунальную квартиру...

— Но по закону это не довод, и суд может переселить вас в коммунальную квартиру... Адвокат должен был вам это разъяснить.— И судья впервые посмотрела на меня...

— Разъяснял, только я в коммунальную не поеду...

— Мы уже слышали от вас: не поеду, не поеду... Скажите лучше, почему со снохой такие отношения?

— Вы лучше у нее спросите. Внучку даже не подпускает ко мне и стращает бабкой...

— Может, так себя ведете?

— Двадцать лет с детьми работала... и своих двоих воспитала...

— Видим, как воспитали...— Посмотрев на Людмилу Ивановну, судья осеклась...

Людмила Ивановна стояла белая, как мел, и, если бы не дочь, она бы упала.

— Он бы никогда не пришел сюда... Это все она.— Людмила Ивановна тяжело опустилась на скамейку.

Она искренне заблуждается, полагая, что ее сын не виноват. Раз он так легко дал себя уговорить и пошел против родной матери, значит есть и его вина. Он мог в конце концов не доводить дело до суда... Легко сказать, не доводить... Нет, здесь что-то сложней... Судье, конечно, некогда об этом думать, слишком много у нее дел, но решение она вынесет в нашу пользу. Уж больно неравноценен обмен. А подбери Борис другой вариант обмена, и мы бы проиграли дело...

Какое-то безразличие охватило Людмилу Ивановну, и мне кажется, что ей все равно, как закончится дело. До суда она еще на что-то надеялась и все ждала, когда Борька опомнится, попросит у нее прощения и обратно заберет свое заявление об обмене. Но этого не произошло, и я боюсь, как бы ее безразличие не повредило ей. В таком состоянии ничего не стоит бухнуть: я согласна на обмен. Но я волнуюсь напрасно. По инерции она твердит одно и то же: «Из своей квартиры я никуда не поеду... Хоть силком на улицу выбрасывайте...»

— Зачем же вы так,— смягчается даже судья.— Вас никто не собирается выгонять на улицу. Речь идет лишь об обмене.

— Решайте, как знаете...

— Ясно. Дополнения есть какие-нибудь? — обращается судья уже к Борису и его супруге.

— Какие дополнения... Мы все сказали...

— А у вас, товарищи адвокаты, есть дополнения?

У меня никаких дополнений нет, и лишь хочется задать прямой вопрос жене Бориса и посмотреть, как она на него ответит:

— Скажите, а не является ли весь этот обмен надуманным и вы просто хотите вступить в кооператив?

— Да, хотим в кооператив... Ну и что из этого?..— И она с прищуром смотрит мне в глаза.

Такого ответа не ожидал от нее даже Борис, и я вижу, как он неловко заерзал на скамейке.

— Почему же вы не думаете о свекрови?

— А обо мне кто думать будет? — вопросом на вопрос отвечает она.— У меня своя семья, и я тоже хочу жить по-человечески...

И действительно, что я могу ответить ей? Что нужно всегда оставаться человеком? Она вряд ли поймет меня, а то и того хуже — рассмеется мне в глаза: какой правдолюбец нашелся. Пожили бы с моей свекровью... Да, у Людмилы Ивановны характер не из легких, и я помню, как мать, когда работала с ней, приходила домой в слезах. Людмила Ивановна накричит, накричит на нее в сердцах и тут же отойдет, попросит извинения. И кажется, лучше ее нет человека... Мать это понимала и не обижалась на Людмилу Ивановну, а вот Борькина супруга так и не поняла. Молодая, наверное, еще очень... А их адвокат как раз и говорит о тяжелом характере моей доверительницы. Я понимаю его. Как юрист он видит, что дело проиграно, а говорить что-то надо. Но в чем-то и он прав, когда упрекает Людмилу Ивановну — дескать, та не нашла тоже подхода к невестке. Но он уже заканчивает свою речь, и нужно говорить мне.

Можно очень коротко, по-деловому, со ссылкой на закон просить суд отказать Борису и его жене в обмене, но меня так и подмывает говорить о Борьке. Однако я сдерживаю зуд и говорю лишь по делу, а когда кончаю, то пугаюсь, что говорил слишком мало, и мне даже становится как-то неловко перед Людмилой Ивановной. «Вот, мол, взяли знакомого адвоката, а он почти ничего не сказал». Но Людмила Ивановна была так занята, что моя речь и речь моего противника как-то прошли мимо ее ушей. Она лишь смотрела на судей и ждала, что скажут они.

— Суд удаляется на совещание для вынесения решения...

Через полчаса суд огласил решение. Оно было в нашу пользу, и когда судья закончила читать, я радостно посмотрел на Людмилу Ивановну. Улыбка сразу же сошла с моего лица, только теперь я понял, чего ей стоило это судебное заседание. Появился стакан с водой, и постепенно она отошла немного, но все еще плохо соображала, где находится. Чуть в стороне стоял Борис. Я смотрел на него и хотел узнать, понял он что-нибудь или нет. Но подойти и поговорить с ним не смог: я не был уверен, что через некоторое время они снова не придут в суд, только лишь с другим вариантом обмена, и суд может встать на их сторону.

От этих мыслей мне было как-то не по себе, и я не решился подойти к Людмиле Ивановне. Что я ей скажу? Мы выиграли дело. А ей нужно было выиграть бой за сына. Но эту битву она проиграла.

Турсынхан АБДРАХМАНОВА

ЖИВАЯ ВОДА

КАЗАХСТАНСКИЙ МИЛЛИАРД

В нем и песня, и подвиг, и дум
устремленье,
Говорю я, и кто мне теперь возразит?
Миллиард — это взлет, это жизни
цветенье,
Перед нами он золотом в слитках лежит.

Что еще в миллиарде?
В нем мудрость
народа,
Солнце ясное,
счастье мое и твое,
В нем и отзвук далекой борьбы за свободу,
И звезда Октября, и победа ее.

Детский смех в нем и матери тихое пенье,
Теплота ее рук и родные слова,
В нем единство семьи, доброта,
вдохновенье,
Он основа основ, хлеб всему голова.

Он фундамент для всех дерзновенных
мечтаний,
Он как в космосе луч, прорезающий тьму.
Верно, что коммунизм — это светлое
здание,
Миллиард наш — ступень на подходах
к нему.

АЛМА-АТА

Если б Алма-Ату
Увидал ты весной,
Когда солнце улыбчиво,
Небо бездонно,
Когда горы
Встречают тебя синевой
И повсюду
Цветы раскрывают бутоны.
Если б Алма-Ату
Увидал ты весной
После ливня,
Прошедшего утренней ранью,
Когда зелень ветвей,
Словно шелк кружевной,
Заслоняет собою
Высотные здания.
Если б Алма-Ату
Увидал ты весной,
Пчел, стрекоз, мотыльков
На цветистой арене,
Всем бы сердцем
Ты обнял мой город родной,
Утопающий
В дымчатых гроздьях сирени.
Если б Алма-Ату
Увидал ты весной
И в садах ее
Яблонь цветущие кроны,
Когда легкое облачко
Ясной порой
Синим шарфом ложится
На горные склоны.
Если б Алма-Ату
Увидал ты весной,
Птиц, слетевшихся к гнездам
В родимое место,
Когда город наш
Станет вдруг сценой большой,
Где играют неистово
Птичьи оркестры.
Если б Алма-Ату
Увидал ты весной
И арыков живительных
Бег непрестанный,
Когда в небо летящие
Струи фонтана
Оседают на землю
Прохладной росой.
Если б Алма-Ату
Увидал ты весной,
И сияние солнц
Под девичьей бровью,
Когда шепчется ветер
С веселой листвой,
Когда улицы города
Дышат любовью...

РОДНИК КАТПАС[1]

Не бушует в ущелье,
Несясь крутизной,
Водопадом не падает
В пенную вязь,
Он прозрачной,
Как глаз верблюжонка,
Волной
Из-под серого камня
Сверкает, струясь.
В нем не мерзнет
И в лютую стужу вода,
Не мельчает он
В самые знойные дни,
С горных пастбищ идут
Табуны и стада,
К его чистым ключам
Припадают они.
И когда он
Их влагой своею поит,
Не мутнеет вода в нем
От тысяч копыт.
Здесь богатство народа,
Богатство страны,
Его пестуют
Наши казахи-сыны,
Все гордятся стадами
И сочной травой,
Говорят:
Здесь поистине край золотой.
Эти горные склоны,
Долины, луга,
В сенокос тут
Вздымаются к небу стога.
Мой родник,
Ты мне люб, как никто и нигде,
Я в любви признаюсь
Твоей чистой воде.
Мой родник,
Ты как мать
В моей светлой судьбе,
Отдаляясь,
Я вновь устремляюсь к тебе,
Без тебя ведь
Я жить на земле не могу...
И сейчас я сижу
На твоем берегу,
Вспоминаю,
Как здесь я ходила босой,
Умываясь студеной
Рассветной росой,
В летний месяц июнь
По высокой траве
Я бежала,
Ловя мотылька в синеве,
Много ягод в местах этих
Я собрала,
Помню,
Как поясок из тюльпанов сплела.
Мой родник,
Я люблю
Все, что рядом с тобой,—
Холм зеленый и луг.
И простор голубой.
Так влекут к себе
Эти места, так манят...
Новых вижу в отарах
Козлят и ягнят,
Ах, как жаль,
Что приехала я лишь на день,
Что от гор уже длинная
Падает тень,
Опускается солнце,
Закат красколиц,
Приближается время
Доить кобылиц.
На Алтыбакане
Всю ночь я пою,
И слушают травы
Песню мою,
И речки-певуньи
Включаются в хор,
И с шелковым ветром
Ведут разговор,
А серые горы
Затянуты мглой,
Им, кажется,
Жаль расставаться со мной...
Молчит родничок,
Чуть струится вода,
Ему я шепчу,
Что приеду сюда,
Приеду,
Родимым его назову,
При всех
Упаду на траву-мураву,
Всем сердцем прижмусь к ней
И буду шептать:
«Родник мой,
Ты мне,
Как родимая мать!»

[1] Катпас — незамерзающий.

ПРИ МЕРЦАНИИ ЗВЕЗД

Ночь грустна, непроглядна,
в ней степь затерялась,
Сон нейдет, мои думы летят высоко,
Где-то рядом, за бархатом ночи—
усталость,
Но скользит карандаш по бумаге легко.
А кругом тишина, ни движенья, ни шума,
Спит Вселенная чутко, и этой порой
При мерцании звезд я пишу свои думы...
Ночь уходит, теснимая ранней зарей.

СИЛА ЖИЗНИ

Лишь в небо поднимется солнышко мая
Да облако брызнет живою водой,
Жизнь юная надвое силы ломает,
И тянется к свету побег молодой.

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ

Зачем винить кого-то, обижаться
И жаловаться на других людей?
Попробуй с глазу на глаз повстречаться
И объясниться с совестью своей!

Перевел с казахского
Юрий САЕНКО.

ВНЕДРЯТЬ? ОТВЕРГНУ

В нашем журнале (№ 21, 1979 г.) был опубликован материал о народном лечителе из Болгарии Петре Димкове. После этого в редакцию поступило много писем от читателей. Чаще всего смысл их таков: вы написали о болгарском лечителе, а почему же не написать о своих народных целителях; и называются фамилии. Например, А. Карчаули, который изобрел жидкость для выведения родинок и пигментных пятен; Н. Щербанеску, автор препарата из тимола, с помощью которого, как утверждается, он лечит многие сердечно-сосудистые и иные заболевания; П. Руденко, изобретатель оригинального прибора для лечения нервной системы, астмы, почечных болезней и т. д.; С. Чернышев, создатель некоего «чудодейственного эликсира от всех недугов», и множество других имен.

Во многих письмах читатели упрекают официальные органы здравоохранения в «невнимательном отношении к народным целителям». Просят «оградить их от преследований», «скорее внедрять» их методы в практику, даже «поставить памятник» или «дать государственную премию». Читатели волнуются, негодуют, требуют непременно помочь.

Да, «запретить людям выдумывать новое, изобретать,— как сказано в одном письме из Киева,— никто не может. Это их право, оно гарантировано 47-й статьей нашей Конституции». А коль скоро человек открыл, как он уверен, нечто оригинальное, небывалое, ему страстно хочется элементарного внимания к его «открытию» (поставим пока это слово в кавычки). Но как порой необыкновенно сложно бывает решить вопрос об эффективности того или другого нового средства! Прежде чем внедрять его, надо разобраться: может быть, оно уже известно и применяется в практике под иным названием или в свое время отвергнуто наукой как сомнительное и даже небезопасное?

На очередное заседание клуба «На «Огонек» мы пригласили видного советского фармаколога заведующего кафедрой фармакологии Университета дружбы народов имени П. Лумумбы профессора Степана Ивановича ЗОЛОТУХИНА и старшего эксперта Госкомитета по науке и технике Ивана Кузьмича ХАРЛАПА. Вместе с ними за нашим «круглым столом» сидят целители-эмпирики — житель Сочи Стефан Ефимович ЧЕРНЫШЕВ и гость из Тбилиси заслуженный изобретатель Грузинской ССР Амиран Захарович КАРЧАУЛИ.

ВЕДУЩИЙ «КРУГЛОГО СТОЛА». Позвольте зачитать несколько строк одного из писем в редакцию: «...Вы просто обязаны написать в своем журнале о народном лечителе С. Е. Чернышеве. Это настоящий волшебник, он творит чудеса, вылечивая своим эликсиром приговоренных к неизлечимым болезням людей. Проживает этот волшебник в городе Сочи. Ему уже 82 года. Обязательно приезжайте, пока он жив». И несколько подписей с точными адресами.

Конечно, в редакции к письму отнеслись с недоверием. «Человек лечит неизлечимые болезни, и об этом не знает ученый мир? Разве возможно такое?» — думали мы, будучи уверенными, что в письме многое явно преувеличено. Тем не менее мы решили проверить описанные факты. Я поехал в Сочи.

Многочисленные встречи с больными, точнее, с бывшими больными, убеждали в том, что препарат Чернышева действительно очень часто помогает. Люди, годами прикованные к постели, поднимались на ноги, возвращались к нормальной полноценной жизни.

Вот здесь, в этой толстой папке, лежат присланные из разных городов письма от больных, вылеченных Чернышевым. Люди пишут, что он берется лечить, когда врачи оказываются бессильны.

Таковы факты. Теперь попросим самого Стефана Ефимовича рассказать о своем препарате.

С. Е. Чернышев. Мой дед и мой отец были пчеловодами. Оба прожили около ста лет. При всех заболеваниях средство было одно — продукты пчеловодства. Я перенял у них очень много секретов врачевания. Да, я не медик, я по специальности инженер-строитель. Двадцать лет на пенсии.

Свой эликсир изобрел почти четверть века назад. Сначала вылечил у себя все болезни, с которыми не могли справиться врачи. А болен я серьезно — еще в гражданскую мне здоровье сильно подпортили.

И вот стал я просить-упрашивать все, какие знал, медицинские инстанции — и Сочинский горздравотдел, и Минздрав СССР, и Академию меднаук — просил только об одном: испытайте мой эликсир. До сих пор мне так и не удалось доказать, что это необходимо. Необходимо, я уверен, и для сотен больных, которые буквально со слезами упрашивают меня дать им эликсир, а возможно, и для мировой науки.

Мой эликсир — это не лекарство, это биостимулятор, своего рода чистильщик организма. Вещество, вытесняющее шлаки. Я читаю много специальных журналов, книг и знаю, что в последнее время во всем мире идет интенсивное исследование вещества, способных стимулировать защитные силы организма. Именно к таким веществам и относится мой эликсир. Я считаю его новым шагом в медицине.

Когда я прихожу в очередную медицинскую инстанцию и рассказываю о своем эликсире, меня в первую очередь спрашивают: «Кто вы?» Не что я изобрел, а кто я, есть ли у меня специальное образование. И когда узнают, что нет, начинают посматривать на часы. Или говорят: дайте научное обоснование, раскройте механизм воздействия. Говорят в надежде на то, что не смогу этого сделать, и таким образом от назойливого старика можно будет избавиться.

Да, я не могу этого сделать. Но вспомните, ведь и Пастер не знал механизма воздействия своей вакцины, а применял ее. Скольких тысяч людей недосчиталось бы человечество, если бы оно ждало, пока откроют этот механизм!

Возможно, я неправильно вел переговоры об официальных испытаниях. Но извините, этому я не обучен. И в гражданскую войну и в Отечественную я партизанил, был разведчиком, так что, как видите, у меня другая закваска.

Я приношу извинения за свою резкость и несдержанность. Но постарайтесь меня понять. Мне восемьдесят два года, уже смерть стоит за плечами, и я считаю преступлением уносить в могилу то, что является главным делом моей жизни.

И коль скоро я получил право выступать с этой трибуны, то позвольте считать это выступление моим духовным завещанием. У меня одна просьба: пока еще не ушли из нашей жизни знатоки народной медицины, торопитесь перенять их опыт и их знания, создайте институт демопатии, создайте добровольное общество демопатов, преподавайте методы народной медицины в вузах.

У нас, в Сочи, жил Андриенко. Было ему за девяносто. Лечил все без исключения болезни одному ему ведомыми способами. Человек заменял несколько поликлиник. И знали об этом многие, и врачи тоже. Неожиданно Андриенко умер, и все его секреты ушли с ним в могилу, бесследно исчезли, потому что не было у него ни сына, ни внука. Почему, когда он был жив, к нему не пришли, не поинтересовались, как лечит, не записали рецепты, способы? Да, у него не было медицинского образования, но он читал на четырех языках, образованнейший был человек.

Мы охраняем памятники древности, создаем заповедники, чтобы сберечь каждое реликтовое дерево. Но почему с удивительным равнодушием относимся к таким людям, как Андриенко, а их ведь немало, и они тоже наше национальное богатство!

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА. Скажите, вы подавали заявку на изобретение?

С. Е. Чернышев. Подавал, но в Комитете по делам открытий и изобретений мне ответили, что заявка без надлежащей апробации препарата не рассматривается. А когда я обращался в институты с просьбой провести такую апробацию, мне отвечали: у нас жесткий план испытаний, изменить его не в наших силах.

ВОПРОС. Из чего состоит ваш эликсир?

С. Е. Чернышев. Его основа — продукты пчеловодства. А какие именно — это мой секрет.

ВЕДУЩИЙ. Теперь предоставим слово нашему гостю из Тбилиси Амирану Захаровичу Карчаули.

А. З. Карчаули. Многое из того, что говорил уважаемый товарищ Чернышев о народной медицине, мог бы сказать и я. Не стану повторяться, расскажу кратко о себе. Я химик-органик, изобретатель. Автор сорока изобретений и рацпредложений. Но у нас, в Грузии, если меня и знают, то как создателя жидкости для выведения родинок. Подождите улыбаться. Это в старину поэты воспевали красоту родинок. Но сегодня многие врачи считают, что родинка — это потенциальная опухоль, это притаившаяся ядовитая змейка: если ее тронуть, она смертельно кусает человека.

Самый коварный вид рака — это меланома. Как полагают специалисты, именно родинки и пигментные пятна являются местом образования большинства меланом. Вы случайно задели ногтем безобидную с виду родинку, и она вдруг начинает менять свой цвет, трескается, растет, становится опухолью.

Есть способ предупредить заболевание — заранее удалить родинку. Именно этой цели и служит моя жидкость. Я пенсионер, а изобрел ее, когда был еще студентом. С тех пор тысячу раз доказано, что она безвредна, нетоксична, не содержит канцерогенных веществ и не имеет побочных действий. Моей жидкостью можно лечить почти двадцать видов опухолей и предопухолевых заболеваний кожи. Она способна почти бесследно уничтожать гемангиомы, папилломы, полипы, язвочки и трещины на видимой слизистой оболочке. Жидкость крайне проста в употреблении. Чтобы вылечить пятьсот человек, надо всего пятьдесят граммов жидкости, к тому же она очень дешевая.

На мое изобретение мне выдано авторское свидетельство. И тем не менее, кроме как в Грузии, мой препарат нигде не применяется. Почему?

Я просил Минздрав СССР: пришлите специалиста, пусть он убедится в эффективности моей жидкости, пусть он опросит, осмотрит больных — он не найдет и следа от тех уродливых образований на лице и на теле, что так мешают этим людям жить. Почти двадцать лет прошу — все без результата. Как и Чернышев, я потерял уже всякую надежду на успех.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА. Что вам отвечают в министерстве?

А. З. Карчаули. Говорят, уже есть четыре способа выведения родинок, внедрять пятый нецелесообразно. Но ведь для лечения астмы, например, существует около ста пятидесяти препаратов.

ВОПРОС. Какова основа жидкости?

А. З. Карчаули. Это раствор азотной кислоты, молочной кислоты и химически чистой меди. Особенность раствора в том, что он воздействует на опухоль избирательно: поражает главным образом больную ткань, здоровые клетки травмирует значительно меньше. И к тому же раствор способен проникать глубоко в опухоль, как бы преследуя ее до полного уничтожения.

ВЕДУЩИЙ. Амиран Захарович, насколько я знаю, вы приезжали

ТЬ ? ИССЛЕДОВАТЬ !

Слева направо: С. Е. Чернышев, С. И. Золотухин, И. К. Харлап, А. З. Карчаули. Фото Э. Эттингера

в Москву для испытаний своей жидкости?

А. З. Карчаули. Да, приезжал. В Институте красоты мне дали кабинет, но я не успел вывести надлежащее для апробации количество гемангиом, вынужден был уехать по семейным обстоятельствам, и курс лечения за меня доводили до конца другие врачи. Потом они сделали заключение: способ неэффективен.

ВЕДУЩИЙ. Вот, казалось бы, мелочь, а возможно, она и решила судьбу изобретения. Как видите, мелочей в таком деле не бывает. Теперь вопрос к вам, Стефан Ефимович. Неужели за двадцать лет никто из врачей так и не пытался проверить эффективность вашего эликсира?

С. Е. Чернышев. Испытывали мой препарат минские онкологи, заинтересовались. Давайте, говорят, оформим заявку: методика лечения — наша, эликсир — ваш. Я им отвечаю: «Двадцать лет я потратил на его изобретение и хочу, чтобы приоритет остался за мной. Будьте снисходительны к этой моей маленькой слабости».

Так наши переговоры ничем и не кончились. Хотя признаю, что в этом есть доля и моей вины. Честолюбие мое виновато.

ВЕДУЩИЙ. Попросим теперь специалистов прокомментировать выступления Чернышева и Карчаули.

С. И. Золотухин. Прежде всего я хочу поблагодарить редакцию журнала за предоставленную возможность встретиться со столь достойными оппонентами. Откровенно говоря, я не ожидал, что разговор будет таким серьезным. И Чернышев и Карчаули — явления, несомненно, неординарные и вместе с тем типичнейшие. Вот почему эта встреча так нужна и важна для широкого читателя.

«Я лечу рак», «я лечу неизлечимые болезни». Сколько раз мне приходилось слышать такое! И что же?.. Для памятника человеку, откроющему тайну рака, уже заготовлен слиток золота. До сих пор, к сожалению, это золото так и остается лежать в слитке.

Автор очередного изобретения, очередного способа лечения всегда склонен его переоценивать. Он уверен, что его детище самое эффективное, самое безвредное — словом, панацея. Так всегда было: какой отец или мать способны взглянуть объективно на свое дитя?!

Вот для этого и существуют такие организации, как Фармакологический комитет. В нем работают специалисты самой высокой квалификации. Неужели вы думаете, что они станут задерживать внедрение нового лекарства, если оно действительно может принести людям пользу, здоровье, спасти от смерти? Нет, конечно!

Во всем мире обязательной является так называемая доклиническая проверка новых лекарств, и она весьма жесткая, и очень длительная, потому что мы должны быть убеждены, что вещество не приносит вред не только больному, но и его потомству.

Определить эффективность нового препарата порой бывает очень трудно. Иногда лекарство первые два-три года служит хорошо, потом вдруг оказывается неэффективным. Это вопрос очень сложный, он имеет множество различных аспектов, ведь даже такая, казалось бы, незначительная деталь, как выражение лица у врача, когда он назначает лекарство, и то очень важна для успеха лечения. Не говорю уже о другом. Да, Чернышеву и Карчаули верят. А вера в исцеление для больного необычайно важна.

К определению эффективности нового препарата надо подходить очень осторожно, научно и не торопиться с выводами. Я вспоминаю, как несколько лет назад в Харькове был получен синкадрин. Тогда многие заявляли: тромбозам пришел конец, человек избавлен от них. И что же? Препарат, хотя сначала и хорошо зарекомендовал себя, впоследствии оказался неэффективным. Он не пошел в широкую практику. Но газеты уже написали о нем, расхвалили. И вот до сих пор мы получаем рассерженные письма от больных: где же новый препарат? Почему разводите волокиту?

Да, бюрократизм и волокита нередко мешают скорейшему испытанию и внедрению новых эффективных средств. С бюрократизмом и волокитой надо бороться, но это уже иной вопрос.

РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА. Но почему надо несколько лет ждать научного обоснования эффективности и безвредности лекарства, если уже сейчас можно помочь обреченному на смерть человеку? Ведь когда эта эффективность будет научно доказана, того конкретного человека уже не будет, а его, вероятно, можно было спасти. Да, рискуя своим общественным положением, репутацией хорошего врача, но — спасти человека.

С. И. Золотухин. Меня удивляет та легкость, с которой вы предлагаете нарушить закон, рисковать жизнью другого человека, стать на путь преступления. Вы знаете, что наш закон запрещает применять лекарства, не внесенные в Государственный реестр. Как же я, или другое должностное лицо, или врач можем преступить этот закон? Тем более что он в высшей степени гуманен, ибо лишает больных оснований надеяться на сомнительные, непроверенные средства.

Возьмите, например, спорынью, микрогрибок, паразитирующий на ржи и на других злаковых; сегодня ее используют для получения большого числа лекарств от заболевания кровеносной системы. Но известно ли вам, что именно спорынья была причиной таких явлений, как массовые галлюцинации? В прежнее время ими страдали целые города, и никто не понимал, в чем дело. Оказалось, люди ели хлеб из муки, зараженной спорыньей.

А вообразите, что лекарство из спорыньи открыл какой-нибудь лекарь-самоучка и без всякой научной апробации предлагает его людям, ничего не подозревающим об опасности, которая их может настичь. Кого им потом винить? Лекаря? А может быть, все-таки самих себя?

Трудно представить себе те неисчислимые бедствия, которые ожидают человечество, если оно вдруг откажется от всесторонних научных исследований новых препаратов перед широким внедрением, даже если они показали свою эффективность. Вот о чем мы не имеем права забывать.

И в заключение я хотел сказать, что на вас, журналистах, лежит огромная ответственность. Не надо спешить с выводами: сенсация может оказаться ложной, но ее последствия — шумиху, домыслы — устранить бывает порой очень трудно.

Что же касается двух препаратов, о которых сегодня здесь шла речь, то я буду просить Фармакологический комитет провести их испытание со всем должным старанием и даже, коль скоро я был участником этого «круглого стола», с заинтересованным пристрастием. К этому обязывают факты, которые здесь сегодня приводились.

ВЕДУЩИЙ. Это как раз то, чего хотели, наверное, очень многие из присутствующих, ведь истину можно установить, основываясь только на серьезном исследовании.

И. К. Харлап. Очень хорошо, что мы, несмотря на все наши споры, пришли к взаимопониманию. Давайте считать, что начат научный эксперимент по определению эффективности новых препаратов. Все мы будем рады, если эксперимент окончится удачей.

Как и профессор Золотухин, я тоже думаю, что сегодняшний разговор важен и нужен. Говоря о двух конкретных примерах, мы затронули многие сложные и наболевшие вопросы.

О народной медицине (демопатии), о методах лечения, рожденных вне стен научных учреждений, сегодня идет множество споров, причем иногда совершенно ненужных, ибо возникают они от незнания истинного положения дел.

Современная практическая медицина много брала и берет у демопатии, мы даже порой не подозреваем, насколько много. Например, тот же аспирин, его «растительный предок» — кора ивы. А ее отвар использовали еще в давние времена как средство от лихорадки. Очень многие растения, из которых изготовляют современные лекарства, были известны еще в древности. Опий и бе-

«ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ...»

В летних номерах журнала «Дружба народов» вышла новая повесть Юлиана Семенова «ТАСС уполномочен заявить...». Действие повести развертывается стремительно — оно, что называется, под стать скоростям современной жизни, захватывает читателя буквально на второй странице и не отпускает до конца, до страницы последней. Повесть густо населена героями, каждый из них правдив, имеет свое характерное психологическое «я», свой язык, свою способность мыслить и принимать решения. И при всем том это единый ансамбль, общность людей, связанных благородной и опасной задачей, которую они решают, а именно — выявляют предателя, агента ЦРУ Дубова, работающего в одном из институтов Москвы, занимающихся международной проблематикой. Дубова надо было найти, быстро обезвредить — каждый час его деятельности стоил нашей стране очень дорого. Кроме всего, от решения этой задачи зависела судьба и людей, попавших в застенок за рубежом,—чекиста Славина и инженера Зотова, а также и целого государства, африканской страны Нагонии, сбросившей с себя колониальное рабство и ставшей на путь демократических преобразований.

Найти Дубова (кличка агента «Умный») было трудно — зацепок почти никаких, конспирация строжайшая, шпион ведет себя крайне осторожно — «как гриф», по определению одного из героев повести, следов после себя не оставляет. И все же он был найден благодаря упорной работе генерала Константинова, полковника Славина, чекистов Парамонова, Гмыри, Проскурина и других.

Читая повесть, невольно удивляешься тому, насколько описываемые в ней события, отражающие экспансионистскую деятельность американского империализма, совпадают с происходящим сегодня. Чувствуется тревога героев повести, порожденная действиями американской администрации, рвущейся к господству во всех частях света. Герои книги обеспокоены судьбой развивающихся стран, только что сбросивших вековой гнет колониализма и уже стоящих перед опасностью оказаться в лапах американских монополий.

Размышляя о судьбах мира, автор наделяет своих персонажей положительными и отрицательными качествами, ярко выраженной классовой принадлежностью, сталкивает их в самых неожиданных ситуациях. Но самыми важными в повести остаются ее реалистичность и документальность. Писатель сохраняет ход основных событий именно такими, какими они были в жизни. Так, начало повести основано на большой публикации Ю. Семенова, имевшей место два года назад, рассказывавшей о фактах засылки в СССР ядов «дипломатами» ЦРУ.

Главная мысль нового произведения Ю. Семенова — об агрессивности американского империализма, подрывной деятельности ЦРУ и их пекинских сообщников — находит в настоящее время яркое подтверждение в их действиях против революционного Афганистана.

События повести развертываются в двух направлениях, иначе говоря, по двум сюжетным каналам — в Луисбурге, столице страны, граничащей с Нагонией, и в Москве. В Луисбург, чтобы выяснить, кто же из советских людей был завербован резидентом ЦРУ Робертом Лоренсом и его помощником Джоном Глэбом, вылетел Виталий Славин, контрразведчик, умный, решительный, и сразу же попал в сложную обстановку: он был «высчитан» Джоном Глэбом. Единственный человек, который мог ему помочь, служащий отеля «Хилтон» Белью, русский по национальности (настоящая фамилия его была Белов), был убит по распоряжению Глэбба, и Славину пришлось работать вслепую. И он, надо отдать должное, провел свою «партию» блестяще. Несмотря на то, что его попытались обвинить в убийстве Лоренса, в шпионаже, в прочих смертных грехах, в которых он якобы был повинен.

В Москве же параллельно с Дубовым работали несколько матерых американских разведчиков с дипломатическими паспортами — так что и тут группа генерала Константинова действовала тоже в сложных условиях, ибо взять за руку разведчиков-дипломатов было задачей сверхтрудной. Группа с этим справилась блестяще.

Но все это лишь внешняя канва, она только оболочка, за ней — тяжелый, изнурительный труд, напряжение, серьезнейшая работа. И она невольно вызывает восхищение, ибо то, что совершили наши чекисты,— самый настоящий подвиг. Подвиг во имя мира, во имя того, чтобы на земле было спокойно, чтобы не грохотали выстрелы и не лилась человеческая кровь. Чтобы спокойно жила и развивалась маленькая африканская страна Нагония.

И хотя на географической карте земли нет такого государства, нет Нагонии, веришь в реальность событий, происходящих в ней, веришь в реальность обстановки, в которой эти события развивались.

Новая повесть Юлиана Семенова по-настоящему интересна, современна, она затрагивает актуальные вопросы, в ней дан подробный анализ напряженнейшей обстановки, в которой ныне живет мир. Она работает на день сегодняшний и день завтрашний, еще раз подчеркивает непреложный закон жизни, гласящий, что человек всегда должен оставаться человеком. Человеком, а не подопытным кроликом, не рабом, какими хотели сделать граждан Нагонии ЦРУ, Лоренс и Глэбб, генерал Огано с армией вымуштрованных наемников и многие другие...

Думаю, что читатель высоко оценит эту повесть.

Валерий **ПОВОЛЯЕВ**

Юлиан Семенов. ТАСС уполномочен заявить... «Дружба народов», №№ 7, 8, 1979 г.

лена упоминаются еще в фармакопее Шумерского царства, а сегодня они одни из главных источников получения болеутоляющих средств.

Сейчас у нас в стране около сорока процентов лекарств производят из растительного сырья, то есть из тех же трав и растений, какими лечились наши прабабушки и прадедушки. Так что врачи значительно чаще, чем это кажется, используют те же средства, что и народная медицина. У нее за плечами тысячелетний опыт, и, несомненно, он заслуживает уважения и изучения. Этому изучению у нас уделяется много внимания. Например, в Бурятском филиале Сибирского отделения АН СССР недавно создан специальный отдел по изучению тибетской медицины, древнейшей медицинской системы, распространенной в азиатских странах уже две-три тысячи лет.

Не так давно иглоукалывание считалось народным методом лечения и вызывало множество споров. Теперь в Москве открыт целый институт иглотерапии.

Все лучшее, что есть в народной медицине, постепенно переходит в практическую медицину. Хотя не всегда этот процесс идет столь быстро, как хотелось бы. Необходимо исследовать, сравнивать, сопоставлять. Словом, пока существуют неизлечимые болезни, надо не только искать способы от них избавиться, но и искать взаимопонимания специалистов различных направлений медицины, в том числе и народной.

ВЕДУЩИЯ. Конечно, хорошо, что сегодняшняя встреча позволила заключить своеобразный договор об испытании препаратов двух наших гостей. А как быть с остальными авторами неспецифических методов лечения? Ведь надо учесть еще и то, что эти люди находятся в довольно сомнительном положении — им нужно как-то доказать эффективность своего средства, а применение неапробированных методов и средств запрещено законом.

Что делать человеку в этом случае? Ждать? Сколько? Как Чернышев и Карчаули — десятилетия? Не оборачивается ли такая наша нерасторопность против нас же самих; ведь вокруг создателей новых методов врачевания почти всегда образуется нездоровая атмосфера суеты, ажиотажа, сплетен, кривотолков. Словом, каждое подобное явление превращается из проблемы медицинской в проблему остросоциальную. Чтобы ее решить, вряд ли целесообразно всякий раз собирать «круглый стол» в редакции.

Не назрела ли необходимость создания при Минздраве СССР или Академии медицинских наук специального центра, отделения или лаборатории, а возможно, целой сети таких лабораторий в различных регионах для научного изучения нетрадиционных, неканонических методов лечения? Вероятно, только таким образом мы сумеем сохранить и секреты хранителей древних способов лечения, не нашедших пока широкого применения, и те новые идеи и открытия, которыми всегда был богат наш народ.

Интересно узнать, что думают по этому поводу специалисты в Академии медицинских наук, в министерствах здравоохранения?

«Круглый стол» вел
Сергей **ВЛАСОВ**.

В. Верещагин. МАВЗОЛЕЙ ТАДЖ-МАХАЛ В АГРЕ. 1874—1876.

ПОВОЗКА В ДЕЛИ. 1875.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Верещагин. ЯПОНКА. 1903.

Симферопольская картинная галерея.

Алексей ГОЛИКОВ

АЭРОБУС ИЛ-86

Начальник авиационно-технической базы Внуковского производственного объединения Аэрофлота Рушан Абдрахманович Феизрахманов везет меня к самолету, стоящему на краю летного поля.

— А где же аэробус ИЛ-86? — спрашиваю я.

— Перед вами,— отвечает он.

Совершенство форм и пропорций скрадывало истинные размеры самолета. А они весьма внушительны: длина фюзеляжа — почти шестьдесят метров, размах крыльев — сорок восемь, высота киля — пятнадцать. Я их ощущаю, когда мимо ИЛ-86 проруливает его старший брат — межконтинентальный самолет ИЛ-62. Аэробус кажется вдвое больше.

Я разглядывал огромную машину с особым интересом. Впервые мне довелось познакомиться с ней несколько лет назад, когда ИЛ-86, образно говоря, находился еще в пеленках. В конструкторском бюро имени Ильюшина был сделан только макет этого самолета на 350 пассажиров в натуральную величину.

Самолет больших размеров очень нужен Аэрофлоту, особенно на таких курортных линиях, как Москва — Адлер, Москва — Минеральные Воды... В летнее время по этим трассам течет нескончаемый поток отпускников, прибывающих со всех уголков нашей страны. С их перевозкой Аэрофлот справляется с большим напряжением. Один аэробус заменяет два, а то и три обычных самолета. И еще одно важное обстоятельство: теснота в небе над крупными аэропортами. Взять, например, Внуково. Здесь в часы пик каждые две минуты взлетает или садится самолет. На воздушных диспетчеров ложится огромная нагрузка. Примерно такая же картина и в других больших воздушных гаванях. Вот почему с появлением аэробусов в небе аэропортов станет посвободнее.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» записано, что в десятой пятилетке Аэрофлот должен начать эксплуатацию новых пассажирских самолетов типа аэробусов. Авиастроители выполнили наказ партии — лайнер ИЛ-86 гражданская авиация получила в намеченные сроки. Теперь летчики Аэрофлота осваивают новый самолет, испытывают его в условиях, в которых он будет летать на авиалиниях. Находится он под самым пристальным вниманием и технического персонала базы.

— После каждого полета,— рассказывает Рушан Абдрахманович,— наши инженеры, ведущие специалисты по восемьдесят шестому Валентин Петрович Ермаков, Владимир Александрович Ильин и Владимир Александрович Хохлов беседуют с экипажем, спрашивают, какие имеются замечания по работе двигателей, аппаратуры, приборов... Потом знакомятся с объективными данными.

На аэробусе, как и на всех современных самолетах, есть средства, автоматически регистрирующие почти все параметры полета: высота, скорость, обороты двигателей, их вибрацию, положение рулей и т. д. После полета магнитная лента, на которой все это пишется, расшифровывается и «рассказывает» все или почти все, что нужно знать инженерам. Например, оказалось, что при полете параметр по крену самолета был превышен. Если это не ошибка летчика, то, значит, автоматика сработала неправильно. Ее нужно проверить.

И, конечно, на прилетевшем самолете тщательно выполняются регламентные работы. Скажем, когда самолет налетает определенное время — сейчас для аэробуса это семь суток,— берут пробу масла из двигателей. В специальной лаборатории анализируется спектр пламени сжигаемого масла, устанавливается количество содержания в нем металлических примесей. Главным образом железа и меди. Если количество их превышает норму, значит, за двигателем надо особенно внимательно следить.

— А что за двигатели на аэробусе? — спрашиваю я.

— Двухконтурные, реактивные. Созданы в конструкторском бюро, которым руководит Генеральный конструктор Герой Социалистического Труда, академик Николай Дмитриевич Кузнецов. Двигатели экономичны и надежны. Они установлены на пилонах под крыльями.

К полету все готово. Поднимаюсь по встроенному трапу, который имеет всего одиннадцать ступенек, и оказываюсь на нижней палубе аэробуса. Таких трапов три — при посадке пассажиров и выходе их из самолета не будет никакой толкучки. На нижней палубе размещены грузовые и багажные отсеки. Здесь пассажиры будут оставлять свой багаж в специальных ячейках. Очень удобно. Не надо будет перед вылетом, при оформлении билета, сдавать его, а потом, по прибытии на место, ждать, когда его привезут с самолета. Это значительное преимущество аэробуса. На нижней палубе есть специальное место для грузовых контейнеров, а также кухня с лифтами для подачи бортпитания на верхнюю палубу.

По макету аэробуса я уже имел некоторое представление о его пассажирских салонах и все же был поражен их размерами и комфортом. Они непривычно высокие и широкие. Пассажирские кресла по девять в ряд уходят вдаль длинной вереницей. Впереди киноэкран. Пассажиры в полете смогут смотреть фильм и при этом чувствовать себя как в обычном «земном» кинотеатре на триста пятьдесят мест. В самолете два бара. Двенадцать стюардесс будут сопровождать пассажиров в полете.

Аэробус вырулил на старт. Командир корабля Виктор Александрович Калиманов и второй пилот Альберт Иванович Бабаков начали взлет. Когда самолет пробил серую толщу зимних облаков, в иллюминаторы ударили солнечные лучи. Погасло табло, я расстегнул ремень и прошел к шеф-пилоту конструкторского бюро Ильюшина Герою Советского Союза, заслуженному летчику-испытателю Эдуарду Ивановичу Кузнецову.

Эдуард Иванович — ученик и воспреемник прославленного испытателя дважды Героя Советского Союза Владимира Константиновича Коккинаки, который дал путевку в жизнь знаменитым самолетам Сергея Владимировича Ильюшина. Эдуард Иванович уже «выпустил в воздух» ИЛ-62, ИЛ-62м, ИЛ-76 и вот теперь из рук в руки передал летчикам Аэрофлота аэробус.

— Что вы можете сказать о ИЛ-86? — спрашиваю я.

— Отличный самолет!

— Полюбили его?

— Да, но это не любовь с первого взгляда. Наше знакомство началось на стапеле, в процессе постройки. Я изучил его конструкцию, управление, и, когда сел за штурвал, никаких неожиданностей не было.

С разрешения Эдуарда Ивановича иду в пилотскую кабину. Она тоже необычно просторна и удобна. Экипаж огромного лайнера состоит всего из трех человек. Кроме двух пилотов, за пультом сидит бортинженер Вячеслав Константинович Сенокосов. Во время испытаний летает и нештатный член экипажа, штурман Юрий Павлович Белков. Спрашиваю, почему экипаж меньше, чем на других лайнерах. Отвечают, что аэробус снабжен таким аэронавигационным оборудованием, которое значительно облегчает пилотирование и самолетовождение.

Мне указывают на светящийся круглый экран индикатора навигационной обстановки, установленный между пилотскими креслами. На экране высвечивалась карта с нанесенным маршрутом. Аэробусом управляла автоматика.

Оба пилота — опытные командиры кораблей. Спрашиваю, какое у них было впечатление от первого полета на аэробусе.

— Я до этого летал на ТУ-154,— говорит Альберт Иванович Бабаков.— ТУ-154 — отличный самолет, но аэробус мне больше нравится. Это машина более высокого класса. А первое впечатление? Трудно сказать, но, летая на ней, получаешь большое удовлетворение...

— А я летаю двадцать один год,— говорит Виктор Александрович Калиманов,— на многих типах самолетов, главным образом на ИЛах. На аэробус пришел с ИЛ-62, летал по трассе Москва — Хабаровск. Самолет тоже не маленький, но, конечно, не то, что аэробус. Это машина следующего поколения, широкофюзеляжная, более совершенная, на ней есть бортовая вычислительная машина, которая знает все, что нужно нам знать в полете, и в любую минуту может оказать помощь. Даже подскажет, сколько километров осталось до конца маршрута.

Виктор Александрович нажимает клавиши, и машина тут же выдает обширную информацию, нужную для экипажа. Она сообщила время пролета очередного повторного пункта, подсказала, сколько до следующего, направление и скорость ветра. Если самолет отклонится от курса, ЭВМ сразу дает нужную поправку.

Полет подходил к концу — ЭВМ показала, что осталась последняя сотня километров. Самолет погрузился в толщу серых облаков. Высота быстро убывала, а земли все не было видно. Наконец аэробус мягко коснулся бетона. Преодолевая силу инерции и замедлив пробег, наш аэробус порулил на стоянку.

А на стоянке уже ожидал новый экипаж, чтобы снова поднять аэробус в воздух. В олимпийском году новый воздушный корабль на триста пятьдесят пассажиров выйдет на линии Аэрофлота.

КРУГИ ОСЕНИ

Евген ГУЦАЛО

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

Октябрь...

Еще совсем недавно куст рябины зеленел резными листьями, и в их гущине весело рдели кисти алых ягод. За какой-нибудь день-другой, опаленные ночными и утренними заморозками, листья опали, и рябина разделась донага, стоит, сумрачно поблескивая серыми, словно отлакированными ветвями. И на безлистных ветках вдруг неправдоподобно ярко заполыхало множество тяжелых гроздей.

Каждая ягодка-пламенеет радостным коралловым светом; гладкая и тугая, с прохладной блестящей кожицей, она притягивает и ласково отражает солнечные лучи-зайчики, глядевшиеся в нее, как в зеркальце. Вся в нарядных да к тому же еще и сладких гирляндах, рябина выглядит, как новогодняя праздничная елка. Она, будто живое, беспечальное существо, без устали улыбается даже тогда, когда тучи затягивают небо и на землю сеется и сеется холодный дождь.

Идешь мимо рябины, той самой, что стоит между ольхой и березой под защитой их ветвей, и не удержишься от того, чтобы не восхититься ее веселой статью, дарящей всем утешение. И уже потом (едешь ли ты или бредешь куда, встречаешься ли с кем или работаешь) невольно вспоминаешь рябину в ее убранстве.

А вот как-то, проходя мимо, останавливаюсь, глазам своим не веря: вся круглая крона рябины облеплена юркими тельцами птиц. Целая стая дроздов-чикотней, или, как их еще называют, рябинников, налетела! Ловко цепляясь за ветки, они дружно склевывают спелые ягоды. У птиц франтоватое оперение: каштаново-бурые спинки, головки в темных, как у стрижей, пятнышках; горлышко желтовато-белое, середина грудки белая-пребелая, как снежок, и брюшко беленькое, лишь слегка припорошенное желтизной, а зобы желтые, только кончики нежных перышек буроватого отлива, и лапки светло-бурые, как в сапожки обутые.

Пока я шел по тропе, дрозды-чикотни с деловым азартом клевали ягоды. Под их тяжеловесными тельцами ветки обессиленно раскачивались в разные стороны, как от ветра, и птичья стая будто ходуном ходила, то спускаясь почти до земли, то взбираясь до самой макушки... Но стоило мне в удивлении приостановиться, как дрозды мгновенно насторожились, перестали клевать и не без опаски посмотрели на меня, а потом, дружно сорвавшись, захлопали крыльями и улетели.

Дрозды исчезли в прогалине между деревьями, а ветви рябины, облегченные и сразу как-то обедневшие без ягод, явили моему взору свою грустную обнаженность.

Уже не было недавних роскошных гроздей, что горели густо-багряными гирляндами среди осеннего дня. Остались лишь общипанные черенки, на которых еще можно было приметить одну-другую недоклеванную ягоду или усохшую зеленую бусинку.

За какое-то совсем короткое время дрозды сумели уничтожить все кисти, и теперь деревцо стояло, пригорюнившись, по-сиротски голенькое, и ничто уже не напоминало о его недавней зрелой красе.

Не до конца веря в случившееся, я подошел к рябине, даже нагнул ветку, оглядывая ее, словно хотел в чем-то окончательно убедиться.

В чем?

Немного раздосадованный, стоял я под деревом, прислушиваясь к приглушенному гомону не таких и голосистых осенних птиц.

А стая дроздов-рябинников полетела скорей всего искать другую рябину, которых в лесу немало. Полетела, чтобы полакомиться ягодами, подкормиться в эти еще погожие дни предзимья перед близким отлетом из родного края в чужой и далекий.

Где же она, пора бабьего лета?

Как-то незаметно дожди июльские и августовские обернулись в дожди сентябрьские и октябрьские, как бы слившись в сплошную, надоевшую до тоски холодную маету. Погожие дни, кажется, легко пересчитать по пальцам, они всплывают в памяти яркими слайдами — тем более бесценными, что их было не так уж и много. Эти воспоминания безуспешно пытаются утешить тебя, когда моросит да моросит за окном и небо задернуто набухшими, хмурыми тучами.

А то вдруг после обложных дождей, после гнетущего холода нарождается, словно из купели, ласковое утро. Ни ветерка тебе, ни облачка в бездонной синеве. Полнейший покой в воздухе, и, пожалуй, такой же мирный покой опускается на твою душу. Чистые выси небесных хором такие неоглядные, что даже мысль не всегда наберется отваги свободно взлететь в эту манящую бескрайность.

И внезапно ты замечаешь множество красок, которые за все эти пасмурные дни незаметно накопила природа, чтобы теперь, изумляя, поразить в самое сердце. Еще совсем недавно казалась такой победно-зеленой и буйной, такой мощной и радостной ее плоть, а ныне она уже тронута первыми приметами увядания, угасания, смерти. Но сейчас они, эти приметы, — наоборот! — воспринимаются как признаки неистребимо вечного здоровья и силы природы, которая живет себе поживает, невзирая на время, в бездумном своем величии и отчаянной беззаботности.

И все-таки, и все-таки, и все-таки...

Все подернулось осенним цветом. Краски полей и лугов, краски леса — сколько в них ненасытной страсти, сколько испепеляющего упоения! Цвета багряные, желтые, вишневые, пурпурные, красные, оранжевые — их пламенем охвачены деревья, кусты, бурьяны, будылья. Тлеют и полыхают, горят, и пламенеют, и дымят, и будто бы чадят — где-то там, в лесной чащобе. Каждое дерево творит свое собственное неповторимое богатство, а вместе они создают общее, многообразное. Сколько различных оттенков можно заметить лишь на одном-разъединственном дереве, а сколько на всей их неисчислимой лесной рати!

Жесткая лиственная одежда дубов, большей частью рыже-медная, но уже заметно тронутая багрянцем, и этот багрянец скоро станет еще насыщенней и гуще... Легкое кружевное убранство берез, оно будто бы не из отдельных листочков выткано, а склепано из тонко позвякивающих монеток, и эта ее невоинственная, женственная кольчуга находится в постоянном движении, в постоянном шелесте, в живой грустной музыке... Ели, замершие в полудреме в синевато-сизом своем хвойном одеянии, кажутся ненастоящими среди лиственничных деревьев, они словно бы не из этого яркого, теплого мира, а из того — белого, заснеженного, который еще грядет...

День — солнечный и прозрачный, и хочется, чтобы ему не было конца. Хочется, чтобы не было конца бескрайнему полыханию синевы, венценосному сиянию солнца, праздничным факелам деревьев на просторах земли, зоревому свечению вспаханного поля, кровавым всполохам калины по оврагам, задумчивому течению воды в больших и малых реках, а также элегическому, печальному полету седой паутины бабьего лета.

Да, паутина бабьего лета, прозрачная и искрящаяся, появилась-таки. Появилась, может, потому, что не могла не появиться в такой торжественный день погожей осени, и теперь она, эта серебристая вуаль, эта материализовавшаяся прощальная грусть, проплывает низко над землей, над твоим плечом, она, как колдовское наваждение, как добрый дух, проскальзывает между пальцами и исчезает, даже ощущения касания — какое оно, это прикосновение паутины бабьего лета? — не оставляет на твоих ладонях...

И почему-то вспоминаются весенние цветы. Теперь они появляются лишь в воспоминаниях — и мелкая ряска, и водяной алоэвидный резак, и водяная сосенка, и водяной лютик, и водоперица кольчатая, и роголистник, и нитчатка, и кувшинки желтые, и белая лилия... Где они? Поверхность заводей, окруженных с берегов полузасохшим камышом и очеретом, пустынная, голая. Где повилика, где притулившаяся прежде в тени лещины или граба гнездовка с густым в красноватых подпалинах султаном? Где цвет лозового молочая или горчицы, ковыля или белоуса?

Одни давно, другие совсем недавно увяли, отошли в небытие, и лишь по незначительным приметам можно припомнить, где цвело то или иное растение.

А сколько же их радовало глаз, тешило пестротой красок, изобилием дурманящих ароматов! Отцвели, опали семена в землю — до следующей весны. Некоторые еще не осыпались семенами, берегут их в цепких коготках-горсточках, в коробочках-чашечках, но и их пора тоже придет.

Вот только стоит прислушаться, как шуршит на ветру сухой бурьян в поле, как в этом упрямом шелесте живет не только печаль, но и надежда... И не эта ли надежда только что сорвалась крылатым пушистым семечком и понеслась по ветру, полетела из нынешнего дня в завтрашний?

Октябрь — самая драматическая пора осени. Он весь соткан из неразрешимых противо-

речий, из великого и малого, весь — из красочных парадоксов. Месяц октябрь — это какой-то блистательный неповторимый ребус, только как же он искусно зашифрован! Зашифрован вот такими языческими паутинками бабьего лета, и непонятными, чарующими нас извечными перелетами птиц на юг, в теплые края, и апокалипсическим буйством красок, и трубным ревом лосей в пущах, и обильным падением метеоритов, и нашей неизменной, вроде бы беспричинной тоской.

Когда грусть сжимает сердце, в душе твоей тоже словно просыпается жажда полета в дальние края, она будто стремится поднять на своих иллюзорных крыльях не только отяжелевшее тело, но и все земные заботы, все боли и разочарования, пепел сгоревших надежд, ожиданий, порывов. Душа подсознательно откликается на этот видимый и невидимый полет птиц на чужбину, к вечной весне, потому что она тоже жаждет вечной весны, как конкретного выражения своего неувядания и бессмертия, только полет этот остается лишь в мечтах, в неясных желаниях.

Месяц октябрь — самая драматическая пора осени. Та пора, когда драма разыгрывается не за кулисами, не потаенно, а открыто, перед глазами. И ты невольно становишься не только ее свидетелем, а и участником. Но только таким участником, который не в силах изменить ни малейшей реплики, ни единого словечка.

Что же остается? Кто знает, возможно, надо научиться хотя бы слушать голоса поднебесных птиц, улетая, прощаться с родной землей не навсегда.

И уже на следующее утро — золото и парча, все храмовые пышности вчерашнего дня, все его величие и экстатическая торжественность затоплены туманом.

Туман нагрянул, как степная беспощадная орда, как коварная полуночная мгла, как неотвратимость жестокой судьбы. И полонил весь видимый мир от горизонта до горизонта. Собственно, о каком видимом мире может идти речь, если его стало так мало в сравнении с вчерашним неоглядным простором? Собственно, о каких горизонтах можно говорить, если их сейчас просто не существует?..

Серая пелена затянула поле, и колышется, трепещет, находясь в каком-то непрерывном, странном движении. И из этой плотной, как глухая стена, пелены то вдруг выступит верба с устало ссутулившимися ветвями, где каждый листочек беспомощно повис подобно уснувшей рыбке, то вдруг появится куст шиповника с нанизанными на иглы-шипы бусинками росы, с кроваво-пурпурными каплями влажных ягод, а то из мягкой, как сырая вата, толщи воздуха, в котором вязнут все звуки, а эхо и вовсе исчезло, вдруг вылетит ворона, каркнет деревянно-скрипучим, словно отсыревшим голосом и, мелькнув мерцающей чернотой крыльев, так же внезапно исчезнет, будто утонет в болоте.

Река утратила свой вчерашний голубой цвет, бездонный, как само неоглядное небо, и теперь в плоских берегах течет тихая и печальная вода. Струится в беспросветной своей обреченности, серая, тусклая,— где же ее недавнее радостное томление красок, жаркая страсть к звонкой голубизне?

И лес.

Туман в лесу, словно дым завоевательских костров, он расползается и расползается, затягивая дол, занавешивая небо, и верхушки деревьев едва видны, нечетки, призрачно колышутся в его влажных космах. Стволы тоже нечетко очерчиваются, они утратили свои ясные контуры, размылись, а дальше и вовсе пропали, потонули в измороси. Отовсюду доносится запах увядания, созданный листьями, травой, землей, корою, грибами. Все в такой день волглое, отсыревшее, мокрое, потому-то и пахнет особенно, не так, как в сухую, солнечную пору. Поток осенних лесных ароматов — крепкий, бодрящий, опьяняющий, и, возможно, так же, как весной люди ходят в лес за цветами, а потом по грибы,— осенью можно ходить в лес просто ради воздуха, чтобы угоститься его животворной целебной силой.

Осенний лес отзывается совсем не теми звуками, что весенний или летний. Да еще в пору такого тумана, всесокрушающего, как потоп. Вот упал сухой сучок, вот распрямилась ветка, вот из-под дубового листка высвободился резной лист папоротника, вот удивленно попробовала свой голос одинокая птица,— все это долетает до слуха, будто бы не из этого мира, а из нереального подобия его...

А потом разбойничья орда тумана, его победная мгла тает, рассеивается, отступает повсеместно: в поле, на лугах, в лесу. Река голубеет, становится какой-то исступленно-целеустремленной в своем течении. В поле, сквозь пепельное марево проступает, как размытая акварель, долина, ее очертания угадываются, еще не ясно, невыразительно, лишь легким намеком, трудно доступным для взгляда.

Вот только в лесу туман держится дольше, он тут цепляется за каждую лощину, сизыми ворохами застревает в ореховой гущине, упруго покачивается над зеркалом озера. Но и из леса туман вынужден отступить, и тогда вновь вспыхивает всеми красками лесное богатство, не до конца разграбленное и растоптанное: багряное, золотое, вишневое, опаловое, малахитовое, оно стало будто глубже и разнообразнее в своих оттенках, будто наново являет глазам свою немеркнущую красоту.

И красота эта не может не тронуть сердце тонкой болью, потому что в ней нет неоглядного, дикого буйства, а прибавились печаль и грусть, и яркая пестрота ее еще праздничного сверкания, утешая и радуя, одновременно добавляет к нашему любованию и щемящую тоску.

Угасшим запахам будто вновь возвращается их недавняя сила; и прозрачные голоса птиц, кажется, исполняются прежней энергией; верхушки деревьев, покачиваясь, уже не тонут в измороси, а купаются в мягкой, прохладной тишине.

И думается о том, что нынешняя осень, блуждая где-то вокруг да около, все же подступает ближе и ближе к тому миру, в котором ты живешь и в котором пребывает твоя душа. Ее невидимые прежде, колдовские пассы становятся очевидными, а концентрические круги ее, сужаясь, приближаются и приближаются.

Между лесом и рекой раскинулась луговая поляна, и если идти по траве, то из-под ног брызгами разлетаются прозрачнокрылые изумрудные кузнечики. Встревоженные, они вкривь, зигзагообразно катапультируются с одного места на другое и, уцепившись за тоненькую сабельку травы, начинают вновь как ни в чем не бывало стрекотать. Их старательное стрекотание будто принадлежит не этому привычному миру (миру травы, полыни, чабреца), а какому-то древнему, доисторическому, который предварял сегодняшний. И са-

мый их стрекот кажется отголоском, эхом минувшего времени, которое таким дивным образом дает знать о себе и ныне. Песня кузнечиков-пилильщиков словно распадается, рассыпается на отдельные коротенькие припевки, среди которых особенно ясно слышится эта — древняя, вечная, выражающая что-то простое и понятное еще со времен хаоса мироздания, еще с момента, когда твердь отделилась от воды.

Вот только что же все-таки она выражает?..

Вода в реке бежит по мелкому песчаному дну, которое просвечивается солнечными лучами до малейших крупинок. Дно белое, как полотно, и вот над чистым экраном этого полотна проплывают мелкие рыбешки. Мальки то остановятся, замрут, то хлынут за беззвучной мелодией течения, исчезнут в глубине, то снова возвратятся, чтобы трепетать и играть своими крошечными тельцами в свете осеннего солнца, отраженного в воде.

Стрекоза с восковыми крыльями замирает над стайкой мальков, и ее изменчивая тень призрачно поблескивает над гладью воды, над полусонными рыбками... Потом она срывается, стремительными рывками летит над лугом, над белыми шапками тысячелистника.

Погожим утром вдруг иней засеребрится на каждой былинке, и трава, словно став металлической, затвердеет, потрескивает под ногами, как вафли. И все вокруг, одетое искристым инеем, кажется елочным новогодним убранством. А какими свежими смотрятся бархатцы на огороде, астры... Чуть позже, согретые дневным солнцем, они увянут от обжигающих поцелуев ночного мороза, а теперь вот, окутанные инеем, еще улыбаются, радуют глаз.

Хорошо в такое утро идти по опавшей листве! Ее коврами устланы улицы, садочки, рощи. В лесу вся поляна покрыта рыжими, как обожженная глина, листьями дубов. Идешь, а они и шелестят, и шуршат, и скрипят, и вздыхают. А то вдруг начнут тебе нашептывать что-то свое, сокровенное, тихим детским лепетом. А то примутся ткать и ткать печальную мелодию, мелодию-жалобу, и вот за какое-то мгновение она обернется не музыкой, а какофонией, взрывом безумия, припадком истерии... И снова доверчивые уверения, золотая повесть холодных березовых или осиновых уст, опавших на землю.

В полях уже всходы озимых — тоненькие бирюзовые иголочки проступили из черного грунта: словно плотное, добротное сукно прострочено на швейной машинке. Какая портниха, какая белошвейка так старательно работала, недосыпая, а возможно, и недоедая? Имя этой хлопотуньи, хозяйки, заботницы — человеческий труд.

Не всюду еще и вспахано, это тракторы отрезают ломоть за ломтем, прокладывают борозду за бороздой.

Черно-белая полоса колхозного поля...

Трактор медленно плывет вдоль нее, приближаясь к лесопосадке. Над трактором пульсирует, цветет синевато-сиреневый дымок, растекается в свежем осеннем воздухе.

Кажется, совсем недавно — в сентябре месяце, где-то в начале его,— здесь ночью комбайн «Нива» убирал пшеницу. Я был той поздней порой в поле, в стане механизаторов и попросился в кабину могучего агрегата. Подбирая валки, машина двигалась напористо, грозно. И мне тогда казалось, что комбайн где-то там, далеко-далеко у ночного горизонта, способен приняться и за небесный валок, который именуется Чумацким шляхом.

Потом, в полночь, когда на смену комбайнеру пришел его напарник, мы какую-то минуту-другую слушали тишину. Тишина пахла сухой соломой, пылью, полынью и спелым зерном. Над головой часто вспыхивали зарницы и гасли, тонули во мраке. Будто на далеких небесных полях тоже шла молотьба, тоже собирался урожай — и наземь сеялись озадки, зрелые звезды-зерна...

Теперь, в октябре, я думаю о том, что и в самом деле небеса засевают землю звездами, и весной они прорастут мощью неумирающих зеленей.

Засевали эту черно-белую полосу колхозного поля...

Чем дольше снует трактор от лесополосы к лесополосе, тем меньше белого невспаханного поля, тем больше черной пашни, в которую ложатся звезды с неба и зерна из человеческих рук.

Пусть уродится достаток и счастье на этом поле, пусть уродится добро и мир.

Кое-где еще остались скирды и омёты соломы в полях, на них отдыхают запоздалые перелетные птицы, и, сдается, в предвечерних сумерках дремлют отяжелевшие тучи.

Сумерки теперь наступают быстрее, нежели еще совсем недавно, и в их торопливом приходе кроется угроза грядущей зимы. Теперь все — деревья, будылья, птицы, кусты — привыкают к жизни в сумерках, которые сейчас в новой своей жизни представляются какими-то другими, непохожими: загадочными и таинственными. Они вроде бы призаняли что-то от сутемени, принадлежащей ночи, хотя, конечно, и не распрощались с сумеречностью, которую мы принимаем за поздний дневной свет.

И тогда в непроглядной ночной темени драгоценными каменьями заполыхают в небе звезды. Неисчислимым множеством знакомых и незнакомых созвездий, ледяными огнями мерцают они в хмурых высотах, и в их извечном, неизменном расположении, как и в неистовом сверкании, можно уловить рассказ о других мирах, рассказ о неземной жизни,— вот только как перевести этот язык, приблизить к обычным понятиям, как постичь его с помощью наших земных реалий?

Тропы, которыми было столько исхожено весной и летом, тропы, которые, казалось, сами водили нас, тропы, которые представлялись нам солнечными реками в берегах зелени... Они, раскинувшиеся густой сетью во все стороны по родной земле, похожи на человеческую ладонь, испещренную паутиной морщинок, и как же хорошо чувствовать себя хиромантом, способным прочесть их.

Вот сухой и звонкий прокатился по тропинке листочек, промелькнул багрянцем — и упал, потому что угомонился ветер.

Вот выкатился на дорожку клубок серо-зеленых иголок, выставив смешную мордочку ежа, он свернул на обочину и исчез в шуршащем бурьяне.

Вот тонкая паутинка пролетела над тропкой, тонкое седенькое волоконце, которое, возможно, выпало из кос бабушки-осени...

Сумерки. Их не назовешь ни темными, ни светлыми. Они распростерлись между землей и небом, ими наполнилось все от горизонта до горизонта. Воздух густой, почти плотный и от влажности и от тленных запахов, которыми сейчас дышит все, особенно палая листва. В селении чернеют исхлестанные дождем дома, чернеют ели, ольхи. И среди этой хмурости, сизой влажности испарений ясно и чисто горят березы.

Дымят повсюду листья, собранные в кучи. Дымят в городах, во дворах, за воротами на улице. Дым стелется низко, ему трудно подниматься в тяжелом и влажном воздухе, и потому он легко и согласно смешивается с другими запахами, идущими от земли, и придает им особую горечь.

Ветви яблонь в садах уже голые, беззащитно-озябшие, но кое-где на поздних сортах еще краснеют и розовеют сочные плоды.

Яблоки, налитые холодным соком, светятся их видно издали.

С каждым днем осени их все меньше в садах, и они кажутся все ярче и соблазнительнее, потому что среди влажной пустоты, среди голых веток они все больше и больше поражают своей неожиданностью и вроде бы противоестественностью.

И если сравнить яблоню с галактикой, то поздние яблоки на такой ветвистой галактике воспринимаются как созвездия, как грозди звезд.

И даже тогда, когда совсем облетят листья, когда отсеребрится нежный утренний иней на схваченной морозцем земле, и все ощутимее дохнет в лицо холодом зима, все равно на ветках некоторых яблонь и дальше будут висеть яблоки, будут светиться восковой спелостью и чистым румянцем.

И незаметно подкрадется зима...

Авторизованный перевод с украинского Надежды КРЮЧКОВОЙ.

УБЕРЕЧЬ

Б. ЛУКЬЯНОВ,
кандидат философских наук

Песня — душа народа. Мысль эту в разное время и разными словами высказывали почти все выдающиеся музыканты. Да и как в песне не выразиться душе народной: ведь ее поют и в радости и в горе, на свадьбе и при расставании. В ней отражаются раздумья человека о жизни, его затаенные желания, надежды, любовь.

С материнской песни начинается самая жизнь человеческая; ребенок, еще ничего не умея, чувствует ласку и доброту песни, которой убаюкивает его мать.

Песня — хранитель народной мудрости, народной морали. Песня — музыкальная история страны, история ее подвигов и труда, потерь и обретений,— в самой основе своей народное Искусство. А в основе песни всегда музыка, доступная и напевная, мелодичная, радостная или грустная, задумчивая, торжественная или задорная, веселая, но всегда Музыка.

Зачем же, казалось бы, повторять все эти широко известные вещи? Разве с этим спорят? В общем-то, нет. Хотя встречаются, конечно, и другие взгляды. Для кого-то песня — скорее один из способов отдыха. Но и в этом случае она не существует помимо слов и музыки настоящих. Песня всегда была делом серьезным и ответственным — такова традиция и старой русской и новой советской культуры.

Однако в жизни имеется не только песенная теория, но еще и практика. В теории все хорошо. А как обстоят дела в самой песенной практике? Скажем сразу — довольно плохо обстоят. Даже тревожно.

Тревога эта не только у меня зародилась. Ее высказывают многие, кого волнует качество «песенной индустрии» — явления, заметно внедряющегося в наш быт.

В этих заметках речь пойдет о «поточном», массовом изготовлении текстов для современной песенной «продукции», при котором подлинные эстетические ценности — а подчас и этические, нравственные критерии — утрачиваются.

Песня, предлагаемая эстрадой чуть ли не каждый день (и почти каждый день новая!), незатейливо, а иной раз убого, плоско, нетребовательно пользуется пустыми словами. Они легко и свободно варьируются, удобно ложатся на любой мотив, подчиняясь незамысловатым эстрадным требованиям: дать модному певцу (или тем более модной певице) возможность лишний раз продемонстрировать себя. Продемонстрировать даже не свой голос (микрофон выручит в любом случае), а именно себя, свою внешность, туалет, манеры, жесты... Но об этом ниже. Сейчас о самой песне.

Что же звучит сегодня с эстрады? Может, мы сильно преувеличиваем, обвиняя нынешнюю песню в ее неразборчивости к слову, в ее всеядности, в ее заштампованных и непоэтических порождениях?

Давайте взглянем на страницы некоторых песенных сборников, которые во множестве стоят на полках библиотек,— что называется, бери и пой себе на здоровье, благо тут же и ноты приложены... Ну, вот, к примеру, песня «Твой наставник» (слова Р. Харченко). Сборник «Сердце Родины», М., 1977, составитель В. Беляев.

Петь о наставнике, как здесь сказано, следует «умеренно. С большой теплотой»:

ПЕСНЮ

Ты в юность сделал первые шаги
И, чуть робея, входишь
в цех грохочущий.
И первое пожатие руки
Ты ощутишь
наставника-рабочего.

Современно? Спору нет! Актуально? И с этим тоже никто спорить не будет. Отвечает действительности?.. Ну, скажем, почти так. Но это не стихи. Поэзия тут, как видим, отсутствует начисто. Поэтому и не стоит приводить дальнейшие строки, поскольку их поверхностность, приблизительность, необязательность именно и превращают песню в поделку. А ведь наверняка уже исполняет какой-нибудь скороспелый эстрадный ансамбль, громыхая отнюдь не «умеренно», а изо всех сил используя все свои электронно-музыкальные, мощно звучащие приспособления. Но вот спеть такую песню для себя, спеть, что называется, для души,— такое желание, конечно, никому в голову не придет. Слишком уж поспешно, а то и спекулятивно используется важное и серьезное явление нашей жизни, явление нынешнего дня: тема наставничества слишком поверхностно решается...

И вот так все больше огорчаешься, перелистывая страницы сборников, где рядом с хорошими, всем известными, прочно вошедшими в народный песенный обиход произведениями многих известных поэтов и композиторов встречаешь скороспелую, примитивную поделку на все случаи жизни.

Вот «Комсомольский эскадрон» (слова Г. Георгиева):

Идут года. Но молодость иная
Такой же будет,
если грянет гром!
Я ничего. Я просто вспоминаю
Наш первый
комсомольский эскадрон.

Вот так-то... «Я ничего»,— равнодушно гласит песня.

— И я ничего,— невольно откликается слушатель. Я же думаю, что нельзя вот так произвольно обращаться со словом, где каждое слово обязывает творца к мысли. В старинной народной пословице недаром же говорится, что, мол, всякое лыко в строку. А уж для песни это закон. Но сколько же штампов, затертых образов, красивостей и прочего, что, выйдя на эстраду и получая в эстрадном исполнении модный ритм и ударную инструментовку, беспрепятственно доходит до множества слушателей, влияя на вкусы, формируя и исподволь определяя всеядность, нетребовательность, безразличие к тому, о чем поется.

Особенно жалко детей! Вот уж кому преподносят в изобилии все скороспелое, кое-как срифмованное, бездумное. И если взрослые еще имеют порою какой-то иммунитет против пошлости и ремесленных поделок, то дети совершенно беззащитны... Возьмем, опять же наугад, одну из множества книг с песнями для детей: сборник «Республика орлят» (М., «Сов. композитор», 1978, сост. Г. Струве). Правда, тут есть тоже, как и в сборниках для взрослых, песни хорошие. Но вполне хватает и таких, которые даже читать (уж не говорю — петь!) грустно и досадно.

Вот «Вожатская-прощальная» (слова Г. Якерсона). Исполняется она, как указано, «светло, подвижно»: это что-то вроде лирической исповеди вожатых. О чем же вожатые поют своим «орлятам на прощание? Оказывается, они с немалым, между прочим, огорчением, жалуются на свою тяжелую якобы жизнь:

Много, друзья, нам пришлось
пережить,
Много затрачено сил.
Чтобы, как мы, и работать
и жить
Каждый орленок любил

На что же у вожатых такие уж большие силы были затрачены? Ведь читатель из этой же самой песенки узнал, что жизнь в лагере шла, как «веселый поток»! Да еще и претензия высказана: пусть, мол, в работе и в жизни каждый орленок подражает вожатому. Не слишком ли?..

Другая песня — «Солнечный марш» — кончается припевом:

Бури не в счет, штормы
не в счет.
Даже девятый вал!
Мы ведем планету,
как звездолет,
Солнце сжимая,
как штурвал.

Но речь-то опять идет о пионерах. Зачем же так преувеличивать, молодые люди? И планету вы не «ведете» и солнце не «сжимаете»!.. А ведь все эти натужные преувеличения, вся безвкусная писанина преподносится как песни «для детей среднего и старшего школьного возраста».

Читатель, конечно, захочет узнать: в чем причина такого псевдопесенного нашествия?.. Об этом говорилось не раз. Дает себя знать и понижение требовательности и отсутствие людей со вкусом (да просто литературно грамотных) в соответствующих редакциях...

Большой современный композитор, мастер песни А. Новиков справедливо утверждает, что связь между словами песни и музыкой так обязательна и так тесна, что музыка с необходимостью ведет к определенным словам, а слова, напротив, требуют определенной музыки. Но речь-то при этом идет о содержательных словах и о настоящей музыке. А к какой «музыке» ведет повторяемая много раз эстрадой бессмыслица вроде «лабадабада, лабадабада, лабадабада»?.. И ведь подобным звуковым мусором, к сожалению, переполнены популярные напевы, где мелодия — если только она есть — живет сама по себе, а человеческий голос, унизившийся до нечленораздельного бормотания обесцененных слов, сам по себе.

Спору нет, у нас есть настоящие мастера песни, и не о них здесь речь. Свой репертуар они выбирают взыскательно, серьезно. А вот повседневный эстрадный конвейер требует — и допускает! — и появление песенного ширпотреба и соответствующее ширпотребу безвкусное исполнение.

В песне «Отчий дом» (слова Л. Лучкина) «ла-ла-ла» предлагается спеть ни много ни мало тридцать четыре раза!.. Причем это бесконечное «ла-ла» должно, по мысли авторов, быть исполнено «глубокого значения» и звучать «словно стон»!

О таких «заменителях» песни, как «рваный» ритм, оглушающая оркестровка, я уж и не говорю. Но есть еще один — сама манера исполнения. Когда-то Гегель говорил, что у гениев нет манеры. Позволю себе применить эту мысль к хорошему певцу. Он всегда стремится донести содержание песни, то самое единство, которое создают вместе музыка и поэтическая мысль. Создают необходимым им для этого способом: искусством вокала.

Настоящий артист не делает ничего, что не вызывалось бы этим единством, необходимым искусству песни. Иное дело посредственность. Ей ведь непременно надо показать себя. И еще, надо чем-то возместить слабость мысли, убожество текста и мелодии. Вот тогда-то и появляется на эстраде весьма оживленная жестикуляция, неуместные прыжки, вычурные наряды и т. д. и т. п.

Хорошая песня рождается не чаще, чем хороший рассказ, стихотворение, картина... Ей нужен срок, чтобы она могла созреть в душе художника. Нужно время, чтобы вобрать в себя эмоциональный и социальный опыт народа, как и опыт ее творцов — поэта, композитора, исполнителя... Ясно, что в обстановке безразличия, спешки, погони за «новым» ничего подобного не происходит.

Песня всегда была, есть и будет сплавом поэзии, мелодии и вдохновения певца...

Справедливо говорилось когда-то о песне, что она и «строить и жить помогает»... Так и должно быть! Ибо в тех случаях, когда и смысл, и искусство в песне отступают на второй план, немедленно появляются заменители, «помогающие» не жить, а просто убивать время.

юмореска

Объяснительная

Я, Егоров В. П., пришел на работу как всегда. Все постепенно тоже пришли и стали работать. Мы спокойно работали и ничего не подозревали. А наш шеф знал, что должна быть делегация по обмену опытом, но нам ничего не сказал, потому что, когда он ушел за пивом, нас еще не было, а когда мы все пришли, он еще не вернулся. Поэтому про делегацию мы ничего не слышали, а работали себе спокойно, как всегда. А когда пришла делегация, мы даже не обратили внимания, потому что к нам много народу приходит, чтобы послушать, как Жорик на гитаре играет. Мы поняли, что это делегация, только тогда, когда председатель месткома, который их привел, стал кричать: «Безобразие! Безобразие!» — и стаскивать меня с дивана. Я даже не сопротивлялся, потому что очень удивился его поведению. А потом мы все поняли, что это

делегация, и сразу встали за свои рабочие места. А председатель месткома все кричал и больше всех — на меня. За то, что я якобы спал. И поэтому потребовал написать объяснительную. А я нисколько не спал, а просто сначала слушал, как Жорик играет на гитаре, а потом мне надоело, и я решил сыграть с Иваном Ивановичем в шахматы. Но Иван Иванович сказал, что сейчас он будет играть с Афанасьевым, а потом — со мной. Я обиделся и лег на диван ждать своей очереди. И в этот момент пришла делегация, так что я просто не успел бы уснуть. Председатель месткома напрасно говорит, что я спал, все могут подтвердить, что в отделе стоял такой шум, что заснуть было просто невозможно, даже если бы не было никакой делегации.

Татьяна **АНДРЕЕВА**

Орел.

ТЯЖКОЕ БРЕ
СВЯТОЙ ЛЮБ

Ольга КУЗНЕЦОВА

Бывают счастливые натуры: не болеют в яслях, благополучны в школе, смолоду умеют соизмерять желания и возможности, так что в главном все ладится. Не познав озлобляющих неудач, они приветливы и доброжелательны, а потому любимы окружающими. Юлечка из таких. Помню ее совсем юной, теперь она в поре зрелой женственности и, на мой взгляд, изменилась мало. Потолстела, поредели волосы, но по-прежнему гладкое свежее лицо пышет здоровьем. Случайно встретившись, мы расцеловались, и Юлечка порадовала новостями: у мужа выходит из печати работа — та самая, заветная. Сын уже на втором курсе, учится прилично, хотя каждую сессию «ужас как волнуюсь». И с ремонтом — аж не верится — отмучились. За «мучениями» и «ужасами» чувствовалось непоколебимое довольство, и только вопрос о родителях погасил улыбку: «Мы стараемся бывать у них как можно реже». Помолчали. Потом она заговорила, будто отвечая невысказанным моим или наболевшим своим мыслям: «Я все, все понимаю. Они состарились, живут нами. И я их люблю. Если что, в лепешку расшибусь. Но мама... Она за внука взялась: он за отца горой. И оба в крик. И так каждый раз. Да вы сами все знаете». Я действительно знаю все и много больше, чем Юлечка.

В молодости мама была хороша — румяная, статная, брови вразлет и нрав веселый. Она многим нравилась. Настойчивей других были двое — видный, под стать ей, остроумец и чудноватый, невзрачный тихоня. Остроумец побеждал, но тут она заболела. Почти избранник примчался с цветами и битый час развлекал забавными историями, а тихоня принес курицу и напоил даму сердца бульоном. Выздоровев, она вышла за него замуж. Почему? Кто знает. Любовь не вспыхнула. Расчет? Но какая корысть в бесквартирном инженере, только-только получившем диплом? Скорее всего, поняла реальную ценность букета и курицы, а вековая мудрость пообещала: стерпится — слюбится.

Как бы то ни было, брак оказался гармоничным. Раиса Павловна царила и правила. Семен Семенович не чурался домашних дел и обеспечивал достаток: защитил кандидатскую, подрабатывал реферированием и экспертизой. Над копейкой не тряслись. Отдыхали не крохоборствуя, тратились на театр и книги, славились хлебосольством. Ко всему здоровый спокойный ребенок. Чего еще? И папа был истинно счастлив. Но мама уже через год знала: стерпеться-то стерпелось, да не слюбилось нисколечко. Уйти не пыталась. Возможно, случая не было, или думала, что ни с кем другим счастливее не будет. И причины своей нелюбви она искала не в себе, а в муже. Покладист, добычлив? Все так. Без этого выходить замуж незачем. Но счастье не хлебом единым живо. Тот, другой, написал на фотокарточке: «Мы ищем счастье в лепестках сирени, и непременно мы его найдем». Поэтично, приятно вспомнить. А этот? «На долгую добрую память». И все. Примитив. Серость. Вот если бы при всех достоинствах... Тогда... А так... Однако самолюбие, беспокойство о душевном здоровье дочери велели скрывать это, и семья жила на редкость дружно. Но чем больших усилий стоила роль безупречной жены, беззаветно любящей «даже такого» мужа, тем пышнее расцветал в воображении — увы! — нереальный образ супруга-счастьеносца и тем полнее радостью и смыслом ее жизни становилась одна Юлечка. Девочка выросла, окончила желанный институт, вышла замуж за однокурсника и уехала с ним по распределению.

Родители не препятствовали замужеству, но с отъездом молодых затосковали, особенно мама. Без дочери развлечения не развлекали и дела не делались. Да если бы только это. Заполучив свою Раису, когда она, казалось, была уже потеряна, Семен Семенович счел женитьбу подарком судьбы. Он любил и расценивал свои заботы как должное, а ее — чуть ли не как самопожертвование. И немудрено, что все разумное приписывалось ее прозорливости, а неудачи — его недальновидности или неумелости.

Юлечка, поступая по-своему, умела убедить мать, будто она, мама, сама того пожелала или неверно поняла. А когда превосходство дается без усилий, нетрудно уверовать в собственную непогрешимость и в то, что без опеки близкие пропадут.

В ту пору нам с Раисой Павловной удалось попасть на спектакль, о котором шумела «вся Москва». Постановка поразила необычностью, актеры — игрой, хотелось обменяться впечатлениями, и в антракте я спросила: «Ну, как?» «Уже три дня». «Что?» — не поняла я. «Три дня нет письма от Юльки. И не звонила. Девочка там одна. Что-то случилось». «Девочке двадцать три. С ней муж. И здравомыслия не занимать». «Что возраст! Совсем ребенок. Разумная! Пока я следила, подсказывала, а там... Этот мальчишка убережет, что ли? Нет, что-то случилось». Заслышав звонок, она поднялась: «Простите, не могу. Пойду. Вдруг телеграмма и надо ехать». Письмо пришло на другое утро.

К несчастью, ее ум и время не были достаточно заняты. Работа интересовала не больше, чем требовала текучка. Домашних дел стало немного. Друзья навещали, но не засиживались: часами сочувствовать предполагаемым бедам, право же, невмоготу. К тому же хозяин дома раз от разу мрачнел. Он ссылался на нездоровье, но истинная причина обнаружилась в другом. Обычно у стола хлопотал муж, и в прежние времена это получалось естественно: в разгар обсуждения литературно-театрально-телевизионных новостей Раиса Павловна произносила просительно: «Сенчик, друг, ты не мог бы...», но теперь довелось услышать: «Сеен Сееныч, не соблаговолите ли вы...», да с такой уничижающей интонацией, что стало неловко. Сделав вид, будто принял это за шутку, вытянулся и откозырял: «Сей момент, матушка-барыня, будет исполнено». Но в глазах веселья не было. Так шло, пока Юлечка не сообщила, что у нее будет маленький. Мама энергично взялась за хлопоты, и дочь вернулась в Москву. Удалось перетащить и ее мужа.

Настрадавшись за два года, мама расцвела, но ненадолго. Надежда, что все пойдет по-прежнему, не оправдалась. Они все изменились, и больше других сама Раиса Павловна. Раньше она держала себя в узде, но за время разлуки расслабилась, обрести былую выдержку не смогла, и клокотавшее подспудно раздражение постоянно требовало выхода. Однако при дочери, а тем более ее муже, Сеен Сееныча снова величали «другом Сенчиком», и задевать его стало непозволительно. Дочь, да еще «в таком положении», возбуждала лишь умиление. Оставался зять.

О том, что выходит замуж, Юлечка объявила только после распределения и защиты диплома. В горячке свадебных приготовлений и предотъездных сборов мама с женихом по-настоящему не познакомились. Понравилась ладная фигура, белозубая жизнерадостность и хозяйственная сметка. Впрочем, ее, подавленную предстоящим расставанием, тогда очаровал бы всякий, способный быть мало-мальской опорой отрываемой от семьи деточке. Но теперь главным сделался вопрос: будет ли она в замужестве счастлива? Будет ли муж счастлив с ней — это маму не беспокоило. Занимало лишь одно: соответствует ли молодой супруг идеалу спутника жизни, который двадцать пять лет грезился самой Раисе Павловне? Вскоре убедилась: от идеала он еще дальше, чем Семен Семенович. Тот хоть предан семье. А этот... Полы кое-как натрет, в прачечную сходит, а помыть посуду или пеленки сполоснуть — ни за что! Подсчитал, сколько уходит на еду и квартплату, и сверх этого ни копейки! Торт в получку купит, а цветы никогда. По телевизору смотрит только хоккей да «Кабачок 13 стульев». Юлькой помыкает, как прислугой: поставь чайник, постирай рубашку. Мама вознегодовала. Значит, роднулечка не только не изведает полного счастья, но даже не будет хозяйкой в доме? Как можно допустить такое? И Раиса Павловна принялась перевоспитывать зятя.

Будь она в уравновешенном расположении духа, возможно, нашлись бы необходимые терпение и убедительность. Однако нервическая взвинченность заставила действовать напролом. Посыпались замечания с неизменными «В нашем доме не принято», «Семен Семенович так не поступает». Но молодой человек вырос в семье, где по хозяйству управлялись мать и сестры, уважал и любил своего прижимистого крутого отца, а не тестя. На каждое замечание резал: «А у нас в доме не так, по-человечески». Не привыкнув к отпору, она горячилась, язвила, доводя его до потери самообладания, и однажды он крикнул: «На черта мне ваш дом сдался! Могу и уйти!», — на что получил запальчивое: «Ну и уходите! Такой здесь не нужен!» Поостыв, оба попытались наладить отношения, но ничего не вышло. В доме воцарилась враждебная предупредительность, что тяжелее иной свары. Когда Толику было два года, его родители разошлись. Бабушка не скрывала

М Я

В И

радости. Дедушка сказал, что это, пожалуй, к лучшему.

А Юлечка вела себя непонятно. Вкусив самостоятельности, она разучилась играть в «мама всегда права», но за мужа не вступилась. Держалась со всеми ласково, а когда назревала очередная баталия, уходила в свою комнату или гулять с Толиком. После развода похорошела, стала задерживаться на работе, пристрастилась к развлечениям. Все разъяснилось, когда на вопрос, с кем из подруг была в театре, ответила: «С Ильей Михайловичем. И знаешь, мама, я, наверное, выйду за него замуж».

Отвоевав возможность самовластно лелеять дочь и внука, Раиса Павловна радовалась, но понимала, что вечно безмужней Юлечка не останется. И вот девочка поторопилась. Что делать, была бы только счастлива, а мать все для этого сделает и уж, во всяком случае, избавит от забот о ребенке. Лишь бы не подцепила опять какого-нибудь мужлана! При первом знакомстве тревоги на сей счет рассеялись — от Ильи Михайловича веяло стародавней интеллигентностью: большелобое умное лицо, «чеховская» бородка... Будущей теще вручил цветы, поцеловал руку. Интересный собеседник. Правда, получает маловато, но у них с папой найдется, чем поддержать, да и сам сумеет подработать. Заметив, что прихрамывает, спросила: «Лыжами увлекаетесь?» Ответил: «Нет, только шахматами». Когда после чая Семен Семенович расставил фигуры, удивил вопрос гостя: «Хотите реванш?» и ответ мужа: «Где уж нам!» Поинтересовалась: «Откуда ты его знаешь?», и простодушный Семен Семенович огорошил: «Юлька познакомила», не ведая, что наносит удар.

Как все самоуверенные люди, Раиса Павловна пребывала в убеждении, что раз для нее нет никого дороже дочери, так и она для дочери самый главный человек. И было отчего так думать: Юлечка росла послушной, с детства поверяла все секреты. А теперь вот в самом важном открылась прежде нее отцу. Вспомнилось, что о первом замужестве тоже сказала перед самой свадьбой. Может, и тогда отец наперед все знал? Ее мучило уязвимое самолюбие, а пуще него боязнь лишиться безраздельной, как ей казалось, любви и доверия дочери. Что тогда останется? Пустота. И страх за девочку — руководить будет трудно, а без материнского глаза долго ли до беды? С неделю Раиса Павловна таилась от близких, только кое-кому из знакомых поведала о горьком открытии. Но когда Юлечка, встревоженная ее убитым видом, стала выспрашивать: «Мамочка, мамулечка, что с тобой? Ты нездорова?»,— та не выдержала и отстранила дочь, стараясь не заплакать: «Как я могу быть здорова, когда вы с отцом в грош не ставите меня. Оказывается, он про твоего Илью давно знал, а от меня скрывали!» Юлечка успокоенно прильнула: «Не говорили, пока определенности не было. Чтоб не волновать понапрасну. Потому что любим, потому что бережем». Раиса Павловна позволила себя успокоить, но признание «Не говорили, оттого что берегли» запомнилось.

Второй удар нанес Илья Михайлович. Хромота не проходила. Она полюбопытствовала: «Нога все еще болит?» и обомлела, услышав: «Это протез. У меня в детстве был туберкулез кости».

Раиса Павловна пришла в отчаяние. Ее девочка, рожденная для всех благ и радостей, прикует себя к инвалиду? Взвинчиваясь до рыданий, умоляла дочь не обрекать себя на унылое существование, предсказывала, что влюбленность пройдет, а тяготы останутся, уговаривала пожить пока так, а там видно будет. Жалея ее, Юлечка тоже плакала, но отвечала, что «так» они намучались и больше врозь не могут. Отчаявшись переубедить дочь, Раиса Павловна решила воздействовать на Илью Михайловича. Но задуманный разговор не получился: он пожелал увидеться не дома, а в кафе. Мама заготовила слезные моления, а пришлось сдерживаться и приводить доводы, а он их отметал невозмутимым: «Давайте спросим Юлию Семеновну».

Они не только не расстались, но решили поселиться отдельно от родителей, для чего в ожидании обещанной квартиры сняли на окраине комнатенку без удобств. Хуже того, забрали Толика: они-де за него отвечают и потому сами должны воспитывать. Раиса Павловна была безутешна — пропадет Юлька! Не удастся день за днем готовить почву для развода и нового, более подходящего супружества. Она не сумела пересилить себя даже в день бракосочетания и за столом сидела заплаканная, источая поминочный запах валерьянки.

На первых порах семейной жизни, совсем не похожей на прежнюю, полудетскую, Юлечке и вправду досталось. Обрушились непривычная езда в переполненном транспорте, ежедневная стряпня, постирушки. А муж даже воды от колонки принести не мог. Родители избавили от магазинных очередей и крупной стирки, но в мелких делах на расстоянии не пособить. Она очень уставала, недосыпала.

Неожиданно легко сошло то, чего больше всего боялась. К родному отцу Толик привязаться не успел, но по бабушке с дедушкой тосковал и отчима дичился. Илья Михайлович, прежде никогда не имевший дела с детьми, держался с пасынком нарочито сурово. И все же чем-то привлек мальчишку. Однажды в садике услышал: «А за мной кто пришел? Мама или папа?» В тот вечер мужчины в последний раз шли домой молча.

Тяжелее всего оказалось приноровиться к нелегкому характеру мужа. В избытке бережности надо не надо повторяла: «Тебе этого нельзя», задевая и без того зудящее самолюбие. Чудился упрек, и он замыкался в обиде, а она цепенела, принимая его угрюмость за начало охлаждения и разрыва. Были и другие размолвки, изматывающие объяснения. Но с каждым примирением они становились все ближе, потому что очень нужны друг другу.

От Раисы Павловны не укрылось, как трудно дочери. Но то, что недавно вызвало бы сострадание, теперь радовало: чем хуже, тем лучше. Девочка образумится, вернется. Когда Юлечка по привычке поделилась неприятностями, мать воскликнула: «Я же говорила! Пора кончать, сама видишь!» Но прошел год, другой, а все оставалось по-прежнему, только дочь больше ничего не рассказывала. И мама перешла в наступление. Как-то раз мы чаевничали у Юлечки. Пришла Раиса Павловна с набитыми доверху сумками. Толик вскочил: «Бабулечка, что принесла?» Илья Михайлович потянулся за сигаретами, хотя только что выходил покурить. Выгружая продукты, она ворковала: «Сейчас, мое солнышко, совсем голодный!» «Мы час назад обедали»,— заметила Юлечка. «Знаю я ваши обеды! Без меня бы чахотку нажили. Ну как,— кивнула она на дверь,— все то же?» «Ну чего ты от него хочешь?» — вскипела Юлечка. «Пусть перестанет над вами издеваться»,— повысила голос Раиса Павловна, явно стараясь, чтоб было слышно на кухне.— Настоящий муж давно бы и на квартиру заработал. А если шахматный клуб дороже семьи, не надо жениться!» «Хватит, мама, у нас же все есть»,— просила Юлечка. Но мама не унималась: «У тебя лишних чулок нет!» И заторопилась домой.

Искренне переживая из-за неудавшейся, как ей казалось, судьбы дочери, Раиса Павловна была убеждена, что добивается одного лишь добра. Она не могла понять радости дарить любимому, ибо сама лишь брала от любящего. Помыслы сосредоточились на одном: спасти Юльку! А от чего было спасать? От самою же выбранной доли? От собственных, не маминых, радостей? Случались и горести, но какая же невыдуманная семья без них обходится? Убедить ее, что добро нужно делать умеючи и жизнь даже самых близких взрослых людей нельзя кроить по собственной мерке, было невозможно. Резон один: я люблю, я страдаю, а посему они обязаны жить не как им хочется, а как угодно мне. От грубых проявлений беспощадной любви не избавляло даже присутствие посторонних. И это предопределило последний удар.

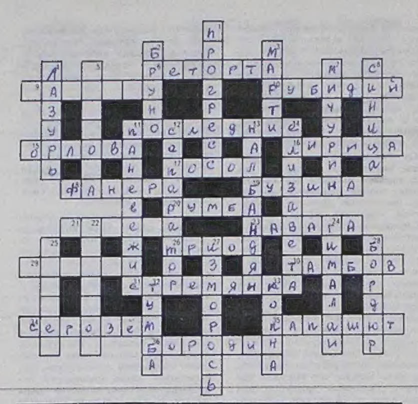
Переехали в долгожданную квартиру, однако с новосельем медлили. Хотелось пригласить сослуживцев, но опасались, что Раиса Павловна брякнет для чужих ушей лишнее. Решили справлять дважды: с родными и близкими, для кого семейные нюансы не секрет, и с прочими знакомыми, уже без мамы. В день второго празднества Семен Семенович отправился надолго в библиотеку, а Раиса Павловна занялась пирогами. Кулебяка удалась, и она позвонила Юльке: ждет всех к обеду. Та ответила, что мужики расчихались, ничего страшного, но лучше посидеть дома. Раиса Павловна решила все же побаловать детей. Укутала кулебяку и поехала. Удивили веселые голоса в квартире и музыка на всю лестницу. Дверь открыл оживленный разрумянившийся Сенчик, и она все поняла. Молча поставила сумку и исчезла. Юлечка нашла отца в растерянности: «Мама приходила». Он поспешил домой, а Юлечка что-то шепнула мужу, и тот сразу посерьезнел. Перемену в настроении заметили, и гости вскоре разошлись. Юлечка примчалась к матери и застала ее в непритворной истерике.

Она билась всю ночь, а утром началась рвота. Врач определил гипертонический криз, хотя до тех пор давление было в норме. О больнице слышать не хотела, и Юлечка, пожертвовав отпуском, переселилась со всей семьей к матери. Уход, а еще больше присутствие дочери и внука подняли на ноги. Родные были готовы на все, только бы загладить вину, и порешили съехаться. Вернувшись к себе, Юлечка накупила бюллетеней по обмену жилплощади, но, вылизывая свою наконец-то отдельную квартиру, не могла удержаться от слез. И папа, который все замечал и все понимал, посоветовал не торопиться: «Будем пока говорить, что нет ничего подходящего». «Но как ты один выдержишь?» — возразила Юлечка.— Это же быть все время при ней!» Он усмехнулся: «Я и так всегда при ней. Был и буду».

Здоровье восстановилось, но потрясение даром не прошло. Раиса Павловна поняла: Юльку от «этого калеки» не оторвать, мечтам видеть ее на свой лад счастливой не сбыться. Поняла и другое: ее власть над мужем небезгранична. И сделалась вдруг хилой до беспомощности. Не стало сил зайти в булочную, вытереть пыль. Не доверила мужу одну лишь готовку — любит поесть и отличная кулинарка. Стала жаловаться на сердце, на печень. Врачи ничего не находят, однако лекарства выписывают, и они всегда на виду. Последствия нехитрой дипломатии печальны: принудив себя к неподвижности, Раиса Павловна раздобрела так, что чулки натянуть не может. В семейные дела дочери больше не вмешивается, но скорбеть не перестала.

Однажды Юлечка рассказывала, как чудесно они с отцом покатались в Сокольниках: Она так лихо скатилась с горки, что какой-то мальчишка крикнул: «Сильна тетка!» Сверкая глазами-вишенками, хохотала: «Представляете, я уже тетка!» На блеклых дряблых щеках Раисы Павловны заблестели влажные дорожки: «Бедненькая моя! Другие на лыжах с мужем, а ты с отцом. И рада!» «Мама! Ну сколько раз говорить!» «Знаю, ты добрая, не скажешь. Но я все вижу. И мне очень, очень тяжело».

...Я неспроста осведомилась у Юлечки о родителях. Незадолго перед тем была у них. Раиса Павловна сидела, занимая полдивана, и разглаживала на коленях пушистую кофточку: «Вот принесла для Юльки. Ведь я их почти не вижу. Забросят продукты, и ходу». Голос не дрожал, но в сухих глазах переливалась такая тоска, что у меня в носу защипало. Я собиралась по праву давней дружбы поговорить с Юлечкой. И раздумала. Не поможешь тут разговорами.

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Лабораторный сосуд. 9. Горы на полуострове Мангышлак. 10. Химический элемент, металл. 11. Пьеса М. Горького. 15. Киноактриса, народная артистка СССР. 16. Югославский смычковый инструмент. 17. Дипломатический ранг. 18. Листовой древесный материал. 19. Растение семейства жимолостных. 20. Бальный танец. 21. Приспособление, связывающее части сооружения. 23. Промысловая морская рыба. 26. Электронная лампа. 29. Повесть А. П. Чехова. 30. Областной центр в РСФСР. 31. Легкая переносная лестница. 34. Тип почв, распространенных в Средней Азии. 35. Устройство для замедления скорости падения во время прыжка с самолета. 36. Русский композитор и ученый-химик.

По вертикали: 1. Название серии грузовых космических кораблей. 2. Итальянский мыслитель XVI века. 3. Кубинский поэт, национальный герой. 4. Светло-синий цвет. 5. Певица, народная артистка СССР. 7. Советский биолог, разработавший учение о гибридизации растений. 8. Небольшая певчая птица. 11. Город в Литве. 12. Машина для получения сливок. 13. Народный художник СССР. 14. Персонаж трагедии Ф. Шиллера «Мария Стюарт». 22. Герой романа Р. Роллана. 24. Горная система в Азии. 25. Конусообразная емкость для временного хранения сыпучих материалов. 27. Мелкий дождь. 28. Кромка, полоска, окаймляющая обои. 32. Низкий столбик у тротуара. 33. Куча сена в виде конуса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 5. Белоруссия. 7. Грамматика. 9. Осокорь. 11. Тбилиси. 13. Плантаж. 14. Стрелец. 16. Аппарат. 18. Косяк. 20. Литературоведение. 23. Трент. 24. Квадрат. 25. Купорос. 26. «Деревня». 28. Реборда. 30. Полянов. 32. Рекордсмен. 33. Шостакович.

По вертикали: 1. «Декабристы». 2. Ясло. 3. Даль. 4. Экскаватор. 6. Рени. 8. Арфа. 10. Комиссаржевская. 12. Интерпретация. 13. Перпендикуляр. 15. Радиола. 17. Регистр. 18. Катет. 19. Кювет. 21. Фокстерьер. 22. Экспедиция. 27. Веер. 29. Блок. 30. Пума. 31. Воск.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Аэробус ИЛ-86 уходит в полет * Эти огни помогают летчикам завершить посадку.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Шеф-пилот КБ имени Ильюшина Герой Советского Союза Эдуард Иванович Кузнецов (слева) наблюдает за работой экипажа * Телевидение ведет съемку для программы «Время» * Высота киля — 15 метров * Диспетчерский пункт системы посадки * Аэробус в порту Минеральные Воды * Один из четырех двигателей.
(См. в номере материал «Аэробус ИЛ-86»)

Фото И. Тункеля

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-21-13.

Сдано в набор 21.01.80. Подписано к печати 05.02.80. А 00312. Формат 70 × 108¼. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 278. Заказ № 1787.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Виталий ЗАСЕЕВ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Старушка перекрестилась и, не оглядываясь, заторопилась подальше от поля, по которому в ярких купальниках и разноцветных плавках шествовали человек сто. Ступая босыми ногами по снегу, они равняли шаг на бородатого красавца Нептуна.

А термометр показывал минус 25 градусов!

Так началось торжественное открытие праздника «Посвящение в «моржи» на столичном стадионе «Наука».

Над вырубленной в замерзшем пруду водной дорожкой клубится пар. Две стартовые тумбочки ждут участников заплыва.

— Записывайте имена самых отважных,— советует заместитель председателя Московской федерации закаливания и зимнего плавания Д. В. Бокарев.— Сейчас старт принимает Николай Герасимов, следом за ним поплывет Галина Петровна Вышинская, затем Юрий Глебов...

Шариковая ручка отказывается писать на морозе, а Николай Герасимов только что выбрался из воды и растирается полотенцем. Прежде чем начать интервью, с опаской смотрю на ноги своего собеседника — по ним струйками стекает вода, тут же образуя... ледяную ступню.

— Может, побеседуем в теплушке? — предлагаю я.

— Что вы, мне надо немного остыть после заплыва,— говорит Николай Леонидович.

— Простите, ваша профессия?

— Певец. Солист хора Большого театра.

— А как же голос... на снегу? — изумляюсь я.

— Почти четверть века занимаюсь зимним плаванием и, скажу вам по секрету, если не искупаюсь в проруби, чувствую себя «не в своей тарелке»,— отвечает артист.

Подплывает Галина Петровна Вышинская.

— Я врач,— представляется она,— шесть лет занимаюсь закаливанием.

— Есть ли какие-то возрастные пределы для тех, кто занимается зимним плаванием? — не могу удержаться от вопроса.

— Границы, по сути, нет,— отвечает Вышинская.— Посмотрите на стартовые тумбочки...

В эту минуту судья республиканской категории Б. Пинтус дал старт, и к финишу устремились 75-летний Василий Михайлович Евсюков и десятилетний Илюша Котов.

— До сих пор не знаю адреса районной поликлиники,— сказал после заплыва В. М. Евсюков.

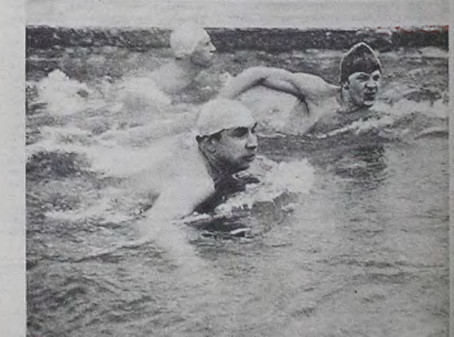
— А я вот раньше часто болел,— вступает в разговор Илюша Котов.— Потом папа с мамой привели меня в секцию закаливания и забыли про мои ангины и гриппы. Теперь я ни одного дня не пропускаю в школе по болезни.

Илюша побежал к судье на финише за удостоверением «моржа». А когда получил, то мы узнали, что он учится в 4-м классе 758-й московской школы и мечтает приобщить к зимнему закаливанию свою младшую сестренку.

Праздник на стадионе «Наука» собрал тысячи москвичей всех возрастов. Они с восхищением смотрели на своих земляков, которым и мороз нипочем.

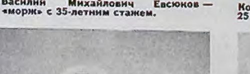
НИ МОРОЗ

От такой жаркой гонки не перегрелись бы «моторы»...

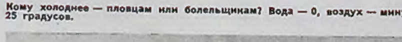

А все-таки мороз щиплет.

ИМ НЕ СТРАШЕН, НИ ЖАРА...

Василий Михайлович Евсюков — «морж» с 35-летним стажем.

Кому холоднее — пловцам или болельщикам? Вода — 0, воздух — минус 25 градусов.

В роли Нептуна на празднике выступает инженер Виктор Андреевич Марченко.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663